ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Tom 17

Nº 2 · 2016

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

242016

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru Сайт журнала: http://chsu.kubsu.ru

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам гл. редактора); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, проф.; Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доц.; Жаде З.А., д-р полит. наук, проф.; Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доц. (зам. гл. редактора); Кольба А.И., д-р. полит. наук, доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лузаков А.А., д-р психол. наук, доц.; Нарыков Н. В., д-р филос. наук, проф.; Оберемко О.А., канд. социол. наук, доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябченко Н.А., канд. полит. наук (тех. директор); Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.: Фоменко Г.Ю., д-р психол. наук, проф.; Юрченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т. А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); Дмитриев А. В., д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); Дёмин А. Н., д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); Дженкинс Р., д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); Журавлев А.Л., д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); Зинченко Ю. П., д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); Знаков В. В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н. В., д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); Подшивалкина В. И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); Оркени А., д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); Поцелуев С. П., д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); Романова А. П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); Семененко И.С., д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); Сморгунов Л. В., д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); Фадеева Л. А., д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); Швецов А. Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); Янушкявичене О. Л., д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 30.06.2016. Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 11,75. Тираж 1000 экз. Заказ №

242016

(40)(GD)(61)(I/(G

психология личности
Петросьян С.Н. Перспективы исследования жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода
Φ ролов $A.A.$ Исследование взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания личности сотрудников правоохранительных
органов
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Щербина С.М. Особенности отношения приемной матери к ребенку
определяющие успешность его воспитания в замещающей семье41
4 епелева Λ . M ., 4 ружинина 3 . Λ . Влияние информационных технологий
и кибермоббинга на суицидальные тенденции в подростковой среде 55
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ
Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой
конфигурации70
Завершинская Н.А. Тематизация памяти о «женщине на войне»
в современных деконструкциях событий Второй мировой войны82
Рябов О.В., Рябова Т.Б Символ Родины-матери как ресурс формирования
российской гражданской идентичности99
ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА
Башмаков И.С. Основные субъекты и цели окситанской политики
идентичности на юге Франции
РЕЦЕНЗИИ
Δ ёмин А.Н. Современная психология труда
Наши авторы
К сведению авторов
Порядок приёма и рецензирования рукописей140

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N, Krasnodar 350040, Russian Federation tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at chsu1999@yandex.ru
Web-site: http://chsu.kubsu.ru

Editorial Board:

Prof. Tatyana T. Avdeeva, Dr. Sci. (Economics), Deputy editor-in-chief; Prof. Vera P. Bederkhanova, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. Aleksandr G. Ivanov, Dr. Sci. (History); Prof. Zuriet A. Zhade, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. Vladimir V. Yermolenko, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. Aleksandr. N. Kimberg, Cand. Sci. (Psychology), Deputy editorin-chief; Assist. Prof. Aleksey I. Kolba, Dr. Sci. (Political Science), Deputy editor-in-chief; Galina S. Kourbatova, Executive Editor; Assist. Prof. Andrey A. Louzakov, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Nikolaj V. Narykov, Dr. Sci. (Philisophy); Oleg A. Oberemko, Cand. Sci. (Sociology); Prof. Liudmila N. Ozhigova, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Andrey A. Ostapenko, Dr. Sci. (Pedagogy); Natalya A. Ryabchenko, Cand. Sci. (Political Science), Technical Director; Prof. Zinaida I. Ryabikina, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Yuri V. Filippov, Cand. Sci. (Economics); Prof. Galina Yu. Fomenko, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Viktor M. Yurchenko, Dr. Sci. (Philisophy), Deputy Editor-in-chief

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. Anatoly V. Dmitriev, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. Andrey N. Diomin, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. Richard Jenkins, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Greate Britain; Prof. Yuri P. Zinchenko, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. Viktor V. Znakov, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. Anatoly L. Zhuravlev, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. Jürgen Keßler, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. Nina V. Kuz'mina, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. Valentina I. Podshivalkina, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. Larissa I. Nikovskava, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. Antal Orkeny, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. Sergey P. Potseluyev, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. Anna P. Romanova, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. Irina S. Semenenko, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. Leonid V. Smorgunov, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. Liubov A. Fadeeva, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. Oleg F. Shabrov, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. Aleksandr N. Shvetsov, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. Olga Januškevičienė, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

2=2016

(M0)/114/163

PERSONALITY PSYCHOLOGY
Petrosyan S.N. Perspectives of individual life script research under the subjective existential approach
Frolov A.A. The research of interrelation between types of self-esteem and levels of legal consciousness of law enforcement officers
PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY
<i>Shcherbina S. M.</i> Peculiar features of an adoptive mother's attitude towards the child, determining the success of his upbringing in a substitute family41
<i>Chepeleva L.M., Druzhinina E.L.</i> Impact of information technologies and kibermobbing on the suicidal tendencies in the teenagers' social group
GENDER RESEARCH POLITICS
Ovcharova O.G. Gender asymmetry of politics: changes in the global configuration
Zavershinskaia N. A. Thematization of memory of "The woman in the war" in modern deconstructions of World War II events
Ryabov O. V., Ryabova T. B. Symbol of the "Motherland" as a resource of forming the Russian civic identity
PUBLIC POLICY
Bashmakov I.S. Main subjects and aims of Occitan identity politics in the south of France
REVIEWS
Diomin A. N. Contemporary work psychology
Our authors
Information for the authors
Procedure for receiving and reviewing manuscripts

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ ЛИЧНОСТИ В РУСЛЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

Петросьян С. Н.

Петросьян Светлана Николаевна, Сочинский государственный университет, 354003, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Макаренко, 8а. Эл. почта: svpet@mail.ru

Статья посвящена анализу перспектив исследования жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода. Задачами статьи является: рассмотрение категорий личности и ее бытия как предметного поля исследования, анализ исследований проблемы жизненного сценария личности на современном этапе, рассмотрение сценарного поведения личности как возможности отыгрывания поведенческих моделей, формирующихся в результате проживания возрастных кризисов развития, обоснование введения категории «внутриличностное диспозиционное образование» как категории, позволяющей объяснить закономерности возникновения определенной позиции в отношениях, которая может закрепляться как характерологический признак и в дальнейшем служить основой сценарного поведения личности.

Сформулированы принципы реализации жизненного сценария: жизненный сценарий формируется в детстве, связан с проживанием стрессовой ситуации и с воспроизведением когда-то сформированного поведенческого паттерна, может не совпадать с волевым намерением человека. Обосновано, что в детском возрасте эмоциональные реакции наглядны и легко читаемы, но у взрослого человека, развит контроль над эмоциональными проявлениями, эмоции, которые управляют поведением, часто прямо не выражаются, т.е. нередко самим человеком не распознаются в силу феномена повторяющегося поведения, а именно рефлекторной природы отыгрывания эмоционально-поведенческой модели. Однако сила осознания взрослого человека способна получить контроль над бессознательными импульсами и преодолеть рефлекторное разрушительное поведение при ясном видении причин и источников такого поведения. Взрослый человек, понимающий причины неадекватного развития ситуации, способен ставить истинные цели и выходить из плена сценарного поведения.

Сделан вывод о том, что рассмотрение в качестве предметной области психологии категориальной целостности «личность и её бытие» (З.И. Рябикина) создает возможность принципиально нового подхода к изучению проблемы формирования и реализации жизненного сценария личности как глобального пространства ее бытийности.

Ключевые слова: личность, личностная бытийность, жизненный сценарий, сценарное поведение, позиция в отношениях, внутриличностное диспозиционное образование, пространство личностной бытийности.

Композиция статьи обусловлена общей идеей рассмотрения жизненного сценария личности как способа ее бытийности. Для чего необходимо выявление

противоречий в сложившихся подходах к исследованию жизненного сценария личности, обоснование положения о том, что возрастные кризисы — кризисы развития, другими словами, кризисы расширения бытийности, где субъект сталкивается с необходимостью формирования определенной позиции в отношениях $\mathbf{S}$ — Мир, $\mathbf{S}$ — Ты, $\mathbf{S}$ — Они. Это является основой поведенческой модели и в дальнейшем может служить основой сценарного поведения.

Анализ проблемы внутреннего механизма развития возрастного кризиса, с одной стороны, и сопоставление поведения ребенка в кризисной ситуации и поведения взрослого, реализующего конкретный негативный жизненный сценарий, с другой стороны, позволяет сформулировать положение о внутриличностном диспозиционном образовании как основе формирования сценарной модели поведения.

Рассмотрение жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода (З.И. Рябикина) допускает предположение о том, что позиции в отошениях, формирующиеся в отногенезе (доминантная, пассивная, либо здоровая, адекватная теме возраста), встраиваются в структуру личности и впоследствии на правах значимых частей личности начинают экспансироваться во внешнее пространство, организуя бытие согласно своим смыслам.

Рассмотрение личности и ее бытия как категориальной целостности (3. И. Рябикина) не только создает возможность объединения противоречивых теоретических подходов к исследованию жизненного сценария, но и имеет большой практический потенциал с точки зрения диагностики, прогнозирования и коррекции важнейших жизненных ситуаций и возможных линий развития жизненного сценария личности.

Личность и ее бытие как предметная область психологии

В последние десятилетия в отечественной психологической науке происходят кардинальные изменения. Эти изменения связаны не только с переосмыслением основных задач и методологии психологии, но и с переосмыслением самого предмета психологии. Главным образом это связано со смещением исследовательской парадигмы от объектной, где определяющей линией считалась заданность психики условиями и характеристиками социальной среды, к субъектной, признающей в человеке активное преобразовательное индивидуальное начало.

Вместе с категорией субъектности в психологию вошли категории осуществления и бытия (С. Λ . Рубинштейн) как бытия, созданного человеком согласно его внутренним запросам и смыслам. Появилось представление о взаимной имплицированности бытия и человека, о свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное.

Проблема субъекта в отечественной психологии разрабатывалась в русле различных научных подходов (субъектно-деятельностного, системно-субъектого,

субъектно-средового, субъектно-бытийного и др.), и на сегодняшний день психология субъекта обрела статус методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия (К. А. Абульханова-Славская, Л.Н Анциферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, А.Н. Славская и др.)

Постнеклассическая научная парадигма (Степин, 2014) внесла существенные изменения в понимание психологии как науки: 1) была признана многопредметность психологической науки; 2) проекция синергетических идей в психологию предположила признание за человеком и его психикой статуса открытой саморазвивающейся системы.

Это обусловило запрос на появление более широкого поля научного исследования, более обобщающего понятия, позволяющего рассмотреть личность как живую функционирующую целостность, включенную в бытие и обладающую собственной бытийностью. И таким максимально интегрированным понятием становится «бытие личности» (З. И. Рябикина).

3. И. Рябикина подходит к анализу бытия в диаде «личность — бытие», подразумевая, что речь идет об определенном качественном состоянии (характеристике, свойстве) человека, обозначаемом как «личность», и в отношении к этому качеству рассматривается «бытие».

Исследование проблемы жизненного сценария личности в отечественной и зарубежной научной литературе

Проблема жизненного сценария привлекала внимание ученых практически с самого начала возникновения психологии как самостоятельной области научного знания. Исследования жизненного сценария, его структурных компонентов, сценарного поведения были освещены в трудах З. Фрейда, К. Хорни, К. Г. Юнга, А. Адлера, К. Роджерса, Э. Фромма, Г. Олпорта, Э. Берна, Й. Стюарта, К. Штайнера, С. Вуллэмса, С. Мадди, А. А. Шутценбергер, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, Н. В. Гришиной, В. Н. Дружинина и др.

Общим значением понятия «жизненный сценарий» является некая заданность, упорядоченность хода действий и событий (субъективно значимых ситуаций) относительно прошлого, настоящего и будущего (Пряжников, 2007).

Если в отечественной психологии жизненный сценарий рассматривается как социально-психологический феномен, связанный со способностью планирования, конструирования и структурирования жизни (М. В. Розин, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, К. А. Абульханова-Славская, И. А. Мизинова и др.), то для представителей зарубежной школы психологии традиционным является положение о бессознательном характере формирования и реализации человеком своего жизненного сценария (А. Адлер, Э. Берн, С. Гроф, А. А. Шутценбергер и др.).

В общей тенденции западных подходов к изучению проблемы жизненного сценария можно выделить два направления: 1) проблема сценарного (повторяющегося) поведения; 2) проблема сценарной предопределенности жизни.

К первому направлению, связанному с изучением проблемы повторяемости поведения, обращались разные исследователи: 3. Фрейд (навязчивое повторяющееся поведение), К. Хорни (Хорни, 2002) (рассмотрение истоков навязчивой повторяемости во взаимодействии между ребенком и родителями), Ф. Перлз (Перлз, 2001) (понятие о неврозе и механизмах его функционирования), Д. Калшед (Калшед, 2001) (рассмотрение вопроса о навязчивой повторяемости травмирующих личность событий), трансактные аналитики (К. Штайнер, Т. Кахлер, Х. Каперс и др.), исследовавшие так называемые минисценарии как определенную последовательность сценарных поведенческих проявлений, чувств и мыслей, которая проигрывается во временном диапазоне от нескольких секунд до нескольких лет (Штайнер, 2003); а также ряд психоаналитически ориентированных психологов, анализирующих вопросы переноса в психоаналитическом процессе (Чессик, 2006; Сандлер, Дэр, Холдер, 2007) и т.д.

3. Фрейд, работая с навязчивым (повторяющимся) поведением, пришел к мысли о том, что природа повторяющихся действий инстинктивна: первые сильные эмоциональные реакции индивида закрепляются в форме рефлекса, который индивид склонен воспроизводить в дальнейшей жизни, воспроизводя как эмоциональные реакции, так и тип поведения, который им соответствует.

Второе направление (сценарной предопределенности жизни) отражено в исследованиях К. Г. Юнга и представителей постюнгианского направления (архетипической психологии), А. Адлера (жизненный стиль), в работах Э. Берна и его последователей (Я. Стюарта, В. Джойнса, К. Штайна и др.), С. Грофа (трансперсональное направление: С. Гроф считает, что сценарий жизни повторяет сценарий рождения) и др. Жизненный сценарий с этой точки зрения — постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс неотвратимо толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора.

С позиций экзистенциального подхода человек ежедневно выбирает и подтверждает свое существование, свое бытие. Но западные исследования жизненных сценариев и сценарного поведения показывают, что природа сценарного поведения инстинктивна: независимо от контекста, обстоятельств и даже содержания ситуаций, распознаваться и трактоваться ситуация будет типичным для индивида образом. Каждый раз по завершении сценарного цикла личность делает из состоявшегося события одни и те же выводы, подкрепляет одни и те же когнитивные и эмоциональные установки, способствуя тем самым закреплению модели сценарного поведения (Э. Берн, Й. Стюарт, В. Джойнс, К. Штайнер и др.).

Таким образом, можно выделить четыре *принципиально* важных положения, выдвинутых и доказанных западными исследователями.

- 1. Жизненный сценарий формируется в детстве.
- 2. Жизненный сценарий связан с проживанием стрессовой ситуации.
- 3. Жизненный сценарий связан с воспроизведением когда-то сформированного поведенческого паттерна (сценарное и повторяющееся поведение), по сути способа реагирования на стрессовую ситуацию.
  - 4. Жизненный сценарий может не совпадать с волевым намерением человека.

В отечественной психологии, методологическим основанием которой долгое время служил деятельностный подход, сложился противоположный ракурс исследования проблемы жизненного сценария личности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Ю. М. Резник, Н. А. Рыбников, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Кроник, Е.И. Головаха, Н.В. Гришина, Т.С. Мороз, Н.В. Дружинин, А.В. Сохань и др.).

(Субъектно)-деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.) подразумевает, что основным атрибутом субъекта является активность: субъект «обозначает», «определяет» себя своей активностью. Такие характеристики, как жизненные цели, стратегии жизни, смысловые ориентации и др., опосредуют взаимодействие человека с миром. Согласно субъектно-деятельностному подходу, личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни. По выражению С. Л. Рубинштейна, «человек сам определяет свое отношение к жизни, гармонично или дисгармонично связывая между собой трагедию, драму и комедию» (Цит. по: Дружинин, 2001).

В работах Ю.В. Синягина, О.Ю. Перевезиной, Ю.А. Яковлевой, А.В. Поляковой указывается на смысловое сходство жизненного сценария с понятиями, разработанными в отечественной психологии: «жизненный план», «жизненная стратегия», «жизненная цель», «жизненный стиль» и др. (Синягин, Переверзина, Яковлева, Полякова, 2010). Данные понятия отражают российскую тенденцию, заданную трудами С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и других к рассмотрению детерминант жизненного сценария личности, связанного с возможностью самоопределения и сознательного выбора личностью жизненного пути.

Но и в западных подходах, начиная с А. Адлера и Г. Олпорта, существуют подобные воззрения. Так, А. Адлер, предвосхищая положения гуманистической психологии, говорил, что в постоянном стремлении к совершенству люди способны планировать свои действия и определять собственную судьбу. Именно выбор жизненной цели задает вектор движения и отражает отношение человека к собственной жизни (Хьелл, Зиглер, 1997). Г. Олпорт рассматривал личностный рост как активный процесс «становления», в котором индивидуум берет на себя определенную ответственность за планирование хода своей жизни. В своем труде «Основные особенности психологии личности» (Becoming: Basic considerations for a psychology of personality, 1955), Г. Олпорт писал: «Некоторые

теории развития основаны, главным образом, на поведении психически нездоровых и тревожных людей или же на выходках доведенных до крайности лабораторных крыс. Очень немногие теории сформировались на основе изучения здоровых человеческих существ, таких, которые не столько стараются сохранить свою жизнь, сколько стремятся сделать ее осмысленной» (Allport, 1955).

Ни А. Адлер, ни Г. Олпорт, подчеркивая способность человека к свободному жизнетворчеству, не изучали проблему жизненного сценария личности. Скорее всего, в силу того, что жизненный сценарий, с их точки зрения, не является проблемой здоровой личности со здоровым и свободным целеполаганием.

И тогда мы сталкиваемся с прямо противоположными теоретическими установками, на основании которых рассматривается феномен жизненного сценария личности. С одной стороны, человек — творец собственной жизни, и представители психологической науки, которые придерживаются такой точки зрения, практически с отвращением говорят о предопределенности и неотвратимости разворачивания жизненного сценария.

С другой стороны, в многочисленных исследованиях, посвященных проблеме жизненных сценариев личности, неоднократно подчеркивалось, что жизненный сценарий личности не всегда обусловлен сознательным выбором человека (Ф. Перлз, А. А. Шутценбергер, С. Гроф и др.), и наиболее полно и четко рисунок жизненного сценария личности проявляет себя в условиях переживания кризиса либо нахождения в нестандартных ситуациях, причем разворачиваться жизненный сценарий может не только независимо от волевого намерения человека, но и крайне нежелательным для него (человека) образом.

Осваивание позиции в отношениях как основа поведенческих моделей возрастных кризисов развития и их отыгрывание в сценарном поведении личности

Приведем пример из практики. А., бизнесмен, жалуется, что жизнь с супругой стала невыносимой. При анализе ситуации выявилось, что супруги постоянно конкурируют друг с другом за то, кто будет главным. Жена постоянно требует непомерных финансовых вложений, достаточно безрассудных, с тем, чтобы заставить мужа раскошелиться. При этом женщине важен не столько факт покупки, сколько возможность заставить мужа сделать так, как хочет она. Ситуация выглядела бы абсурдной, если бы семья в результате не оказалась на грани распада. Первое сильное впечатление А. (в рамках данного сценарного поведения, возраст 3–5 лет) было настойчивое желание его матери гнуть свою линию и необходимость сына, несмотря на обиду и гнев, ей уступать. По словам А., жена в начале брака была предельно экономной, во всяком случае, не делала необдуманных трат. Постепенно женщина начала тратить деньги со все большей увлеченностью. Характерно, что супруг даже не задумывался о способах урегулирования этой ситуации, он повторял реакции обиды и гнева, каждый раз

давая возможность жене одерживать очередную «победу». В результате сценарий захватил жизненное пространство семьи, не оставив места для другого взаимо-действия, и настойчиво вел ситуацию к логическому завершению разрыва. Как оказалось, родительская семья А. распалась, так как мать А. гнула свою линию не только по отношению к сыну, но и по отношению к мужу. Родители А., по словам А., до сих пор сожалеют о разрыве и настойчиво советуют сыну (гнут свою линию), не повторять их ошибку — терпеть и не разводиться, т.е. рационального выхода из ситуации не предлагают. Сам А. говорит: невыносимость обстановки стала сказываться на здоровье, и он боится, что может не выдержать физически.

Если вспомнить, что сценарное поведение людей является типичным, данный сценарий может быть проиллюстрирован «Сказкой о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, где рыбка — это символ исполнения желаний, и, по сказке, желания мужчины целиком подчинены интересам доминирования жены. Сюжет сказки неизбежно приходит к печальному финалу.

В приведенном примере из практики сценарное поведение является взаимозависимым. У супруга существовала тенденция воспринимать поведение матери как авторитарно-подавляющее. Согласно теории биполярного выбора (В. А. Лефевр, С. А. Анисимова и др.) и принципу саморефлексии, субъект стремится генерировать такую линию поведения, при которой устанавливается и сохраняется отношение подобия между ним и его внутренней моделью себя. У супруга, исходя из его воспоминаний о родительской семье, могла сформироваться модель себя (не обязательно на сознательном уровне) как модель мужчины, находящегося под влиянием авторитарной женщины, которой он должен уступать. Другими словами, позиция в отношениях с женщиной как позиция, где мужчина «вынужден» терпеть и подчиняться. Супруга отреагировала на такую позицию в отношениях воспроизведением сопряженной позиции, а именно позицией авторитарной женщины. Скорее всего, подобная женская позиция уже латентно существовала как матрица возможного способа поведения и активизировалась в браке с мужчиной, который внутренне готов был такую позицию поддержать, что привело к развитию негативного сценарного поведения.

В популярной психологической литературе, негативный сценарий иногда называют «зловещим», подразумевая неуправляемость, непонятность и предрешенность хода развития событий.

Но если, подытоживая изложенное, вспомнить, что сценарное поведение является по сути рефлекторным и формируется на основании ранних детских впечатлений, истоки формирования нездоровой модели поведения следует искать в особенностях проживания кризисных ситуаций, характерных для детского развития.

Согласно Λ . С. Выготскому, критические периоды перемежают стабильные и являются переломными, поворотными пунктами в развитии, лишний раз подтверждая, что развитие ребенка есть диалектический процесс, в котором

переход от одной ступени к другой совершается не эволюционным, а революционным путем (Выготский, 1982).

В этом смысле завершение кризисного периода развития знаменует появление определенной позиции (в терминологии Λ . С. Выготского — новообразования), которую ребенок занимает в отношении темы развития, или позиции, занимаемой в отношениях с окружением (в анализируемом примере — по отношению к властному взрослому). Такая позиция в дальнейшем трансформируется в характерологический признак и служит основой поведения в ситуациях, которые человек распознает как схожие с детскими.

О формировании устойчивых поведенческих моделей в результате прохождения возрастных стадий развития говорили Э. Эриксон и Л. Марчер. Л. Марчер считала, что структура характера, сформировавшаяся в определенный период развития, закрепляется как устойчивый характерологический признак и служит основой поведения во взрослой жизни (Бернхард, Бентцен, Исаакс, 2010).

Мы также допускаем, что проживание кризисного состояния развития способствует появлению устойчивой *позиции* в отношениях, которая формирует эмоционально-поведенческую модель и которая во взрослой жизни может начать реализоваться рефлекторно и служит основой развития сценарного поведения.

Напомним, что рефлекс, по К. Изарду (Изард, 1999),— это автоматическая реакция на стимул, осуществляющаяся без предварительной когнитивной оценки стимула и не подразумевающая сознательного выбора модели поведения. Рефлекс всегда жестко привязан к стимулу, это стандартная реакция, которой организм отвечает на определенный раздражитель. Рефлекторная реакция обязательно будет исполнена целиком, тогда как последовательность инстинктивных действий может быть прервана и модифицирована.

Для кризисных периодов возрастного развития характерно манифестационное проявление эмоциональных реакций. Другими словами, в кризисных периодах развития эмоции проявляются аффективно, т.е. максимально открыто, что позволяет проследить истоки формирования эмоционально-поведенческой модели реагирования.

По Е.П. Ильину, аффект как разновидность эмоции характеризуется: 1) быстрым возникновением; 2) очень большой интенсивностью переживания; 3) кратковременностью; 4) бурным выражением (экспрессией); 5) безотчетностью, т.е. снижением сознательного контроля за своими действиями; 6) диффузностью; сильные аффекты захватывают всю личность, что сопровождается снижением способности к переключению внимания, сужением поля восприятия, контроль внимания фокусируется в основном на объекте, вызвавшем аффект («гнев застилает глаза», «ярость ослепляет») (Ильин, 2007).

В приведенном примере из практики тенденцией, задающей негативное развитие сценария, является борьба за власть, где деньги выступают инструментом борьбы, способом распоряжаться по-своему, не считаясь с интересами партнера, попыткой подчинения партнера своему доминированию.

Такая линия поведения свойственна проявлениям так называемого кризиса 3 лет, кризиса волеизъявления. По Э. Эриксону, у детей в этот период начинает формироваться воля, которую он назвал автономией (независимостью, самостоятельностью).

- А.С. Выготский вслед за Э. Келер описывает 7 характеристик кризиса трех лет (Выготский, 1984).
- 1. При реакции негативизма ребенок не делает чего-нибудь именно потому, что его об этом просят (противостояние ради противостояния).
- 2. Упрямство такая реакция ребенка, когда он настаивает на чем-либо не потому, что ему этого сильно хочет, а потому, что он это потребовал. Он настаивает на своем требовании. Мотивом упрямства является то, что ребенок связан своим первоначальным решением.
- 3. Строптивость выражается в своеобразном детском недовольстве, вызывающем «да ну!», которым ребенок отвечает на все, что ему предлагают и что делают. Здесь сказывается строптивая установка не по отношению к человеку, а по отношению ко всему образу жизни, который сложился до 3 лет.
- 4. Своеволие, своенравие заключается в тенденции ребенка к самостоятельности. Этого раньше не было. Теперь ребенок хочет все делать сам.

Второстепенные симптомы: протест-бунт, обесценивание, деспотизм.

В анализируемом примере из практики поведение женщины довольно наглядно иллюстрирует модель поведения, характерную для кризиса 3-летнего возраста. Другими словами, позицию самоутверждения через проявление своеволия.

Но если в детском возрасте эмоциональные реакции наглядны и легко читаемы, у взрослого человека, когда развит контроль над эмоциональными проявлениями, эмоции, которые управляют поведением, находятся как бы в тени, часто прямо не выражаются. И главное, часто самим человеком не распознаются, в силу феномена повторяющегося поведения (по Фрейду), а именно рефлекторной природы отыгрывания эмоционально-поведенческой модели.

Внутриличностное диспозиционное образование как основа формирования сценарной модели поведения

Но на чем базируется такая модель поведения? Каким образом начинает реализоваться? Каков механизм развития кризиса и какое внутреннее противоречие является его источником?

Мы предположили, что в ситуации внешней угрозы (в анализируемом примере — это угроза подавления) во внутреннем пространстве психики образуется как минимум две полярно окрашенных позиции по типу агрессор — жертва. Одна позиция присваивается, воспринимается как «своя», другая проецируется на внешний мир. Мы назвали этот феномен внутриличностным диспозиционным образованием. Диспозиция «работает» одновременно как реакция на угрозу, и как способ распознавания угрозы. Полюса диспозиции, по сути, оппозиции, полярно эмоционально окрашены, имеют полярные цели, мотивации, когниции, установки и т.п. Основной эмоциональной характеристикой активного полюса является агрессия, пассивного полюса — страх. Мы предполагаем, что человек проживает сразу обе позиции, одну в форме идентификации, другую — в форме проекции.

Когда критический период развития пройден, один из полюсов диспозиции может трансформироваться в возрастное характерологическое новообразование как устойчивый эмоционально-поведенческий механизм реагирования на угрозу по рефлекторному типу. В этом случае и самовосприятие, и восприятие партнера будет искажено призмой диспозиционной реакции.

Согласно такому пониманию причин и источника кризиса (эмоциональное — поведенческое реагирование при осваивании новой позиции в отношениях), мы склонны определять кризисное состояние личности как ее готовность отвечать на угрожающую ситуацию диспозиционными эмоциями, т.е. реакциями борьбы (агрессией, тревогой, страхом и т.п.).

На принципе полярности Ф. Перлз строил свою концепцию гештальт-терапии. В своих умозаключениях Ф. Перлз (как отмечают авторы монографии «Теории психотерапии» С. Г. Паттерсон и Э. Уоткинс) испытал влияние философа Зигмунда Фридландера, который в своей книге «Креативная индифферентность» (Creative Indifference) развивает концепцию дифференциального мышления, или мышления с использованием противоположностей. Противоположности (полярности) возникают в процессе дифференциации от нулевой точки индифферентности (Паттерсон, Уоткинс, 2003).

Каждое событие сопоставляется с нулем, от которого происходит дифференциация к противоположностям. Эти противоположности демонстрируют в своем специфическом контексте сильное сродство между собой. Помещая внимание в центр, можно приобрести творческую способность видеть обе стороны явления и завершать незавершенную половину. Избегая одностороннего взгляда, можно лучше понять структуру и функции организма (Perls, 1947).

На взаимоисключающее единство полярных эмоций как сущностную характеристику динамики эмоциональных процессов, обратили внимание психологи Р. Соломон и Д. Корбит (Solomon, Corbit, 1974). Они разработали теорию оппозиционного процесса об индукционном механизме возникновения противоположных по знаку эмоций, в соответствии с которой активация позитивного аф-

фекта косвенно активирует противоположный этой эмоции негативный аффект. И напротив, негативный аффект активирует позитивный аффект. Это косвенно подтверждает идею о диспозиционном реагировании в ситуации угрозы.

В кризисных ситуациях развития, осваивая новую тему возрастного развития, а следовательно, новый тип отношений, в частности, в 3-летнем возрасте ребенок начинает как угрозу воспринимать власть со стороны авторитетного и авторитарного родителя. Внутриличностное диспозиционное образование этого кризисного возрастного периода можно обозначить как «Власть — Подчинение».

Аффективные проявления кризиса 3 лет — это по сути отстаивание своего права на свободу воли. Эмоциональные реакции, которые проявляет ребенок в этом возрасте, — уход в одну (или поочередно в обе) из диспозиций — властную или подчиненную. Обе диспозиции не являются нормой, т.е., говоря словами Л. Марчер, не адекватны теме возраста. Пока сохраняется диспозиционная реакция как реакция на угрозу, человек всегда будет испытывать определенный дискомфорт в виде осознаваемого или неосознанного напряжения или тревожного фона настроения.

Именно внутриличностное диспозиционное образование диктует развитие негативного сценария. С точки зрения диспозиции можно с легкостью предсказать эмоционально-поведенческие реакции личности в ситуации угрозы или в ситуации, воспринимаемой как угрожающая. А именно: как человек воспринимает себя (сильный или слабый полюс диспозиции), как воспринимает партнера (проекция противоположного полюса диспозиции), какой будет динамика отношений (реализуется сценарий, связанный с властью, в нашем примере — сценарий борьбы за власть с женским доминированием).

Диспозиционный конфликт разрешается в том случае, если оба полюса диспозиции присваиваются человеком, и он перестает ощущать себя бессильным, в нашем примере, не имеющим свободы воли. В терминологии 3. Фридландера — выходит в ноль. Происходит интеграция полюсов диспозиции, личность в своем становлении приобретает возможность соизмерять свои и чужие потребности и «воли», действовать адекватно и гибко. Диспозиционность стрессового реагирования в силу диалектической природы эмоционального реагирования на угрозу всегда будет иметь место. Но в случае здоровой реакции диспозиция теряет взрывную силу оппозиции. Ребенок, прошедший кризисную ситуацию развития и сумевший интегрировать полюса диспозиции, во взрослой жизни будет свободен от сценарного развития важнейших личностных ситуаций.

Более того, взрослый человек, понимающий причины неадекватного развития ситуации, способен ставить истинные цели и выходить из плена сценарного поведения.

Важно заметить, что диспозиционные реакции закрепляются как устойчивая модель эмоционально-поведенческого реагирования в досознательный период,

или в период, когда сознание функционирует довольно слабо. По Л. Марчер, структуры характера формируются до 12 лет. Но сила сознания взрослого человека способна получить контроль над бессознательными импульсами и преодолеть рефлекторное разрушительное поведение при ясном видении причин и источников такого поведения.

Жизненный сценарий личности как пространство ее бытийности

Психология человеческого бытия как новое предметное поле исследования открывает перспективы перехода «от гносеологического анализа познания субъектом мира к онтологическому исследованию его существования в мире» (Знаков, 2008), позволяет, в терминологии В. В. Знакова, ввести в научный дискурс «проблему пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира» (Знаков, 2008).

Принципиальная новизна субъектно-бытийного подхода (З.И. Рябикина) заключается в том, что основным механизмом, детерминирующим развитие психики, выдвигается не противоречие «индивид — среда» или «личность — среда», предполагающая некое третье опосредующее звено, например личность — (деятельность) — среда или личность — (система когниций) — среда (характерное для российских и западных исследований личности предыдущего этапа); а взаимообусловленная дуальность «личность и ее бытие».

Если жизненный сценарий рассматривать как способ личностной бытийности, то жизненный сценарий может быть обозначен как форма экспансии и персонализации личности во внешнем пространстве, причем позиции в отношениях, освоенные личностью в онтогенезе и оформившиеся в характерологическое новообразование, становятся встроенными в структуру личности и также имеют тенденцию к экспансии и персонализации, что и служит основой развития негативного жизненного сценария личности.

По З. И. Рябикиной, личности предшествуют три пространства системно организующихся объективных материальных явлений (пространство организмических характеристик, включающее нейродинамические явления; пространство событий среды; пространство деятельности). Они же предопределяют ее (личности) генез на начальных стадиях. Но далее рост субъектности реализуется в стремлении личности «экстериоризировать» себя в среду, привнося в нее свое, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами. Возрастающая же субъектность личности (по З. И. Рябикиной) проявляется в ряде следствий.

Во-первых, в том, что «возникший психический орган (личность) в значительной степени подчиняет себе функциональную организацию нервной деятельности, что проявляется в формировании новых функциональных органов мозга в соответствии с решаемыми психологическими задачами. А поскольку, как отмечал Б. Г. Ананьев, головной мозг человека постепенно подчиняет своему контролю изменяющиеся в процессе роста и созревания функции организма,

речь идет и о подчинении состояний организма состояниям личности» (курсив наш — С.П.) (Ананьев, 1968).

Во-вторых, «этот орган (личность) детерминирует процесс отражения, вкладывая в содержание отражаемого то, что выступает следствием отнесенности этого содержания к системе личностных явлений психики и что "объективно" другим наблюдателем может не фиксироваться» (курсив наш — С.П.).

В-третьих, «этот орган (личность) обеспечивает целенаправленное освоение и выработку таких способов взаимосвязи со средой или форм деятельности, которые распредмечивают действительность в соответствии с целями, запросами, потребностями личности» (курсив наш — С.П.).

Если рассматривать динамику возрастного развития с точки зрения расширения бытийности личности по мере прохождения стадий развития, в таком развитии личность осваивает позиции в отношениях Я — Мир (досознательный уровень, базовое доверие — недоверие к Миру), Я — Ты (предсознательный уровень, доверие — недоверие к Другому), Я — Они (сознательный уровень, доверие — недоверие к социуму). По мере прохождения стадий развития личностью осваиваются позиции в отношениях — доминантная, пассивная либо здоровая, адекватная теме возраста. Такие позиции встраиваются в структуру личности и впоследствии на правах значимых частей личности начинают экспансироваться во внешнее пространство, организуя бытие согласно своим смыслам.

3. И. Рябикиной предлагается рассмотрение личности как реализующей в своем поведении три сопряженные базовые потребности: а) потребность в самоактуализации, в экспансии; б) потребность во внутренней согласованности и сохранении целостности психического; в) потребность быть подтвержденной внешним, тем, через что объективировано ее субъективно-внутреннее (потребность в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространств личности).

Эти три потребности могут рассматриваться как: а) потребность реализовать позицию, занимаемую в отношениях S — Мир, S — Ты, S — Они; б) потребность сохранять устойчивость такой позиции; в) потребность организации жизненного сценария таким образом, чтобы он людьми и событиями, вовлеченными в него, подтверждал позицию в отношениях S — Мир, S — Ты, S — Они.

Причем позиция в отношениях, ставшая характерологическим внутриличностным образованием, согласно субъектно-бытийному подходу (З.И. Рябикина), как часть структуры личности детерминирует процесс отражения реальности и распредмечивает действительность в соответствии со своими целями, запросами и потребностями.

Таким образом, рассмотрение в качестве предметной области психологии категориальной целостности «личность и её бытие» (З. И. Рябикина) создают возможность принципиально нового подхода к изучению проблемы формирования

и реализации жизненного сценария личности, как глобального пространства ее бытийности. Подобный подход заключается, говоря словами О. Г. Блока, в возможности «выделить такую систему, которая позволила бы соединить теории, раздельно описывающие бытие и диалектику психологических явлений» (Блок, 2003). Рассмотрение системного бытия как субъект-объектной целостности содержит «истоки подлинного объединения взаимоисключающих концепций и теоретических подходов» (Блок, 2003).

Библиографический список

- 1. Ананьев, Б. Г. (1968). Человек как предмет познания. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- 2. Анисимова, С. А. (2003). Рефлексивные модели субъекта, совершающего моральный выбор. Режим доступа: http://www.keldysh.ru/papers/2003/prep60/prep2003_60.html
- 3. Асмолов, А. (2007). Психология личности. Культурно-исторические понимание развития человека. Москва: Смысл, Академия.
- 4. Бернхард, П., Бентцен, М., Исаакс, А. (2010). Пробуждение телесного Эго. Ч. 2. В В. Б. Березкина-Орлова (ред.) *Телесная психотерапия. Бодинамика* (с. 111–165). Москва: Аст Москва.
- 5. Блок, О. Г. (2003). Методологические поиски А. В. Брушлинского в контексте проблемы интеграции психологического знания. *Творческое наследие А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова и современная психология мышления* (с. 33–36). Москва: Издательство «Институт психологии РАН».
- 6. Берн, Э. (2001) *Трансактный анализ в психотерапии: Системная индивидуальная и социальная психиатрия* (пер.) Москва: Академический Проект.
- 7. Выготский, Л. С. (1982). Исторический смысл психологического кризиса. Т. 1. В Л. С. Выготский Собрание сочинений в 6 т. Вопросы теории и истории психологии (с. 291–436). Москва: Педагогика.
- 8. Выготский, Л. С. (1984). Кризис трех лет. Т. 4. В Л. С. Выготский *Собрание сочинений* в 6 т. Детская психология (с. 368–373). Москва: Педагогика.
- 9. Гришина, Н. В. (2011). Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 3 (17). Режим доступа: http://psystudy.ru
- 10. Губарева, Л. А. (2011). Зависимость ведущего сценария от отношения к смерти. В Н. А. Кравцова *Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии* (с. 104–111). Владивосток: ГОУ ВПО «Владивостокский государственный медицинский университет».
- 11. Гурская, С. П. (2013). Программа сценарного поведения. Вестник ЮУрГУ, Серия «Психология», 8 (1), 101–104.
- 12. Дружинин, В. Н. (ред.). (2001). Жизненные планы и жизненный сценарий (16.4). В В. Н. Дружинин *Психология*. СПб.: Издательский дом «Питер».
- 13. Знаков, В. В. (2005). Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема. *Психологический журнал*, 26 (1), 18–28.
- 14. Знаков, В. В. (2008). Психология субъекта А. В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия. В *Личность и бытие: субъектный*

- nodxod / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина (с. 31–37). М.: Институт психологии РАН.
- 15. Изард, К. Э. (1999). Психология эмоций. Пер. с англ. СПб.: Издательский дом «Питер».
- 16. Ильин, Е. П. (2007). Эмоции и чувства. СПб.: Издательский дом «Питер».
- 17. Калшед, Д. (2001). *Внутренний мир травмы* (пер.). Москва: Деловая Книга, Академический проект.
- 18. Мизинова, А. И. (2013). Жизненные сценарии личности: основные подходы к рассмотрению. Известия Саратовского университета, Серия: Философия. Психология. Педагогика, 13 (4), 59–64.
- 19. Паттерсон, С., Уоткинс, Э. (2003). *Теории психотерапии* (пер.). СПб.: Издательский дом «Питер».
- 20. Перлз, Ф. (2001). *Гештальт-подход. Свидетель терапии* (пер.). Москва: Изд-во Института психотерапии.
- 21. Пряжников, Н. С. (2007). *Профессиональное самоопределение: теория и практика*. Москва: Академия.
- 22. Райгородский, Д. Я. (ред.). (2008). *Психология личности: Хрестоматия* / в 2 т. Т. 2. Самара: ИД Бахрах-М.
- 23. Роджерс, К. (2002). Искусство консультирования и терапии (пер.). Москва: Апрель Пресс, Эксмо.
- 24. Рябикина, З. И. (2005). Бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия. В *Психология личности и ее бытия*. *Теория, исследования, практика* [коллективная монография] / под ред. З. И. Рябикиной, А. Н. Кимберга, С. Д. Некрасова. Краснодар: КубГУ.
- 25. Рябикина, З. И. (2013). Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 6–19.
- 26. Рябикина, З. И. (2005). Личность как субъект формирования бытийных пространств. В *Субъект, личность и психология человеческого бытия* [коллективная монография] / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. Москва: Институт психологии РАН.
- 27. Рябикина, З. И., Ожигова, Л. Н., Фоменко, Г. Ю. (2013). Развитие идеи субъектного подхода в исследованиях психологов Кубанского государственного университета. *Психологический журнал*, 34 (2), 60–69.
- 28. Сандлер, Дж., Дэр, К., Холдер, А. (2007). Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса (пер.). Москва: Когито-Центр.
- 29. Селиванов, В. В. (2005). Мышление и бытие субъекта. В *Субъект, личность и пси-хология человеческого бытия* / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной (с. 146–160). М.: Институт психологии РАН.
- 30. Синягин, Ю. В., Переверзина, О. Ю., Яковлева, Ю. А., Полякова, А. В. (2010). Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности. *Акмеология*, 1, 27–34.
- 31. Степин, В. С. (2014). О философских основаниях синергетики. Режим доступа: http://dopoln.ru/filosofiya/220564/index.html
- 32. Слободчиков, В. И. (2002). О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии. В В.И. Кабрин Личность в парадигмах

- и метафорах: ментальность коммуникация толерантность (с. 20–29). Томск: Изд-во Том. ун-та.
- 33. Солсо, Р. (2006). Когнитивная психология (пер.). СПб.: Питер.
- 34. Стюарт, Й. Джойнс, В. (1996). *Современный транзактный анализ* (пер.). СПб.: Социально-психологический центр.
- 35. Стюарт, Й., Джойнс, В. (2000). *Жизненный сценарий: как мы пишем историю своей жизни* (пер.). Киев: Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. Режим доступа: http://psylib.org.ua/ books/stewj01/index.htm
- 36. Хиллман, Дж. (1996). Архитепическая психология (пер.). СПб.: Изд-во Б.С.К.
- 37. Хорни, К. (2002). Невротическая личность нашего времени (пер.). СПб.: Питер.
- 38. Хьелл, Л., Зиглер, Д. (1997). *Теории личности*. Основные положения, исследования и применение (пер.). СПб.: Питер Пресс.
- 39. Чессик, Р. (2006). Перенос и контрперенос (пер.). Журнал практической психологии и психоанализа, 4, 271–282.
- 40. Штайнер К. (2003). Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна (пер.). СПб.: Питер.
- 41. Шутценбергер, А. А. (2005). Синдром предков: Трансгенерационые связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы (пер.). Москва: Изд-во Института психотерапии.
- 42. Эриксон, Э. Г. (2000). *Детство и общество*. Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Летний сад.
- 43. Allport, G. W. (1955). *Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*. New Haven, CT: Yale University Press.
- 44. Kahler, T. & Capers, H. (1974). The Miniscript. *Transactional Analysis Journal*, 4 (1), 27–42.
- 45. Lefevre, V. (2001). Algebra of conscience. London. Kluwer Academic Publishers.
- 46. Perls, F. S. (1947). *Ego, hunger and aggression: The beginning of Gestalt therapy*. N.Y.: Random House (Paperback published by Orbit Graphic Arts, 1966).
- 47. Solomon, R. L. & Corbit, J. D. (1974). An opponent process theory of motivation. *Psychological Review*, 81, 119–145.

Статья поступила в редакцию 15.02.2016.

PERSPECTIVES OF INDIVIDUAL LIFE SCRIPT RESEARCH UNDER THE SUBJECTIVE EXISTENTIAL APPROACH

Petrosyan S.N.

Petrosyan Svetlana Nikolayevna, Sochi State University, 8a Makarenko Str, Sochi, 354003, Krasnodar region, Russia. E-mail: svpet@mail.ru.

The article analyzes the perspectives of individual life script adopting the subjective existential approach. The tasks of this article are as follows: examination of categories of personality and its existence as the subject field of study, analysis of current researches devoted to the issue of individual life script, consideration of individual's scripted behavior as an opportunity to act out the behavior models which are formed as a result of living through age-specific crises of development, validation of introducing the category of "intrapersonal dispositional formation" as a category allowing to explain the principles and mechanisms of emergence of

a certain position in relationships which can become fixed as character feature and serve as a basis of scripted behavior of an individual in the future.

The following principles of life implementation of the script have been formulated: the life script is formed in childhood, it is associated with living through a situation of stress and with adherence to a behavior pattern that was formed previously, and it can contradict the will of an individual. It has been proved that emotional responses in childhood are obvious and easily to read. However, as adults are able to control their emotional expression, emotions that control the behavior are often not expressed directly, i.e. often the person himself/herself cannot identify them due to the phenomenon of repetitive behavior, namely, the reflex nature of "acting out" the emotional behavior model. Nevertheless, an adult person has the strength of consciousness necessary to take control of the unconscious impulses and to overcome the destructive unconscious behavior, if he/she can find the reasons and sources of such behavior. An adult who realizes the reasons of inadequate development of a situation, is able to set true goals and to escape the captivity of the life script.

The conclusion is made that consideration of the categorical integrity "personality and its existence" as a subject field of psychology (Z.I. Ryabkina) creates an opportunity of a principally new approach to studying the problem of formation and realization of individual's life script as a global space of its existentiality.

Key words: personality, personal existentiality, life script, scripted behavior, position in relationships, intrapersonal dispositional formation, space of personal existentiality.

References:

- 1. Anan'ev, B. G. (1968). *Chelovek kak predmet poznanija* [Human as an Object of Cognition]. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University.
- 2. Anisimova, S. A. (2003). *Refleksivnye modeli subjekta, sovershajushhego moral'nyj vybor* [Reflexive Models of a Subject Facing a Moral Choice]. Retrieved from: http://www.keldysh.ru/papers/2003/prep60/prep2003_60.html
- 3. Asmolov, A. (2007). *Psihologija lichnosti. Kul'turno-istoricheskie ponimanie razvitija cheloveka* [Psychology of Individual. Cultural and Historical Understanding of Human Development]. Moscow: Smysl, Akademija.
- 4. Bernhard P., Bentsen M., Isaaks, A. (2010). *Probuzhdenie telesnogo Jego* [Awakening of Body Ego]. In Part 2. In Telesnaja psihoterapija. Bodinamika [Corporal psychotherapeutics. Bodynamics]. V.B. Berezkina-Orlova (Ed.) (p. 111–165). Moscow: Ast Moskva.
- 5. Blok, O. G. (2003). Metodologicheskie poiski A.V. Brushlinskogo v kontekste problemy integracii psihologicheskogo znanija [Methodological Searches of A.V. Brushlinskij]. *Tvorcheskoe nasledie A.V. Brushlinskogo i O.K. Tihomirova i sovremennaja psihologija myshlenija* [A.V. Brushlinskij's and O.K. Tihomirov's Creative Heritage and Modern Psychology of Thinking] (p. 33–36). Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS".
- 6. Berne, E. (2001) *Transactional Analysis in Psychotherapy: Systematic Individual and Social Psychiatry* (transl.) Moscow: Akademicheskij Proekt.
- 7. Vygotskij, L. S. (1982). Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa [Historical Sense of Psychological Crisis]. Vol. 1. In *Sobranie sochinenij v 6 t. Voprosy teorii i istorii psihologii* [Collection of Works in 6 Volumes. Issues of Theory and History of Psychology]. L.S. Vygotskij (p. 291–436). Moscow: Pedagogika.

- 8. Vygotskij, L. S. (1984). Krizis treh let [Crisis of three years]. Vol. 4. In *Sobranie sochinenij v 6 t. Detskaja psihologija* [Collection of Works in 6 Volumes. Child Psychology]. L.S. Vygotskij (p. 368 373). Moscow: Pedagogika.
- 9. Grishina, N. V. (2011). Zhiznennye scenarii: normativnost' i individualizacija [Life Scripts: Regularity and Individuality]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Psychology Studies: online scientific journal], 3 (17). Retrieved from: http://psystudy.ru
- 10. Gubareva, L. A. (2011). Zavisimost' vedushhego scenarija ot otnoshenija k smerti [Dependence of Life Script on Attitude to Death]. In *Problemy zdorov'ja lichnosti v teoreticheskoj i prikladnoj psihologii* [Issue of Personality Health in Theoretical and Applied Psychology] N.A. Kravcova (p. 104–111). Vladivostok: SEE HPE "Vladivostok State Medical University".
- 11. Gurskaja, S. P. (2013). Programma scenarnogo povedenija [Programme of Scripted Behavior]. *Vestnik JuUrGU, Serija "Psihologija"* [Bulletin of the South Ural State University, Psychology Series], 8 (1), 101–104.
- 12. Druzhinin, V. N. (Ed.). (2001). Zhiznennye plany i zhiznennyi scenarij (16.4) [Life Plans and Life Scripts]. In *Psihologija* [Psychology] V.N. Druzhinin. Saint Petersburg: the Publishing House "Piter".
- 13. Znakov, V. V. (2005). Samoponimanie subjekta kak kognitivnaja i jekzistencial'naja problema [Self-awareness of a Subject as a Cognitive and Existential Problem]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 26 (1), 18–28.
- 14. Znakov, V. V. (2008). Psihologija subjekta A.V. Brushlinskogo, germenevtika subjekta M. Fuko i psihologija chelovecheskogo bytija [Psychology of a Subject of A.V. Brushlinkij, Hermeneutics of M. Foucault and Psychology of Human Existence]. In *Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod* [Personality and Existence: Subjective Approach]. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina (Eds.) (p. 31–37). Moscow: Institute of Psychology RAS.
- 15. Izard, K. E. (1999). *Psihologija jemocij* [The Psychology of Emotions]. Translated from English. Saint Petersburg: the Publishing House "Piter".
- 16. Il'in, E. P. (2007). *Jemocii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. Saint Petersburg: the Publishing House "Piter"
- 17. Kalsched, D. (2001). *Vnutrennij mir travmy* [The Inner World of Trauma: Archetypal Defenses of Personal Spirit](transl.). Moscow: Delovaja Kniga, Akademicheskij proekt.
- 18. Mizinova, A. I. (2013). Zhiznennye scenarii lichnosti: osnovnye podhody k rassmotreniju [Life Scripts of an Individual: Main Approaches to Studies]. *Izvestija Saratovskogo universiteta, Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov Univeristy, Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 13 (4), 59–64.
- 19. Patterson, C., Watkins, E. (2003). *Teorii psihoterapii* [Theories of Psychotherapy](transl.). Saint Petersburg: the Publishing House "Piter".
- 20. Perls, F. (2001). *Geshtal't-podhod. Svidetel' terapii* [The Gestalt Approach and Eye Witness to Therapy] (transl.). Moscow: The Publishing House of the Institute of Psychotherapy.
- 21. Prjazhnikov, N. S. (2007). *Professional noe samoopredelenie: teorija i praktika* [Professional Self-Determination: Theory and Practice]. Moscow: Akademija.
- 22. Rajgorodskij, D. Ja. (Ed.). (2008). *Psihologija lichnosti: Hrestomatija* [Psychology of Personality: Reading Book]/ in 2 Volumes. Vol. 2. Samara: ID Bahrah-M.

- 23. Rogers, K. (2002). *Iskusstvo konsul'tirovanija i terapii* [Counseling and Therapy: Newer Concepts in Practice](transl.). Moscow: Aprel' Press, Jeksmo.
- 24. Rjabikina, Z. I. (2005). Bytijnyj podhod k rassmotreniju lichnosti i lichnostnyj podhod k rassmotreniju bytija [Existential Approach to Personality Studies and Personal Approach to Studying the Extistence]. In *Psihologija lichnosti i ee bytija. Teorija, issledovanija, praktika* [kollektivnaja monografija] [Psychology of in Individual and Existence. Theory, Researches, Practice]/ Edited by Z.I. Rjabikinoj, A.N. Kimberga, S.D. Nekrasova. Krasnodar: Kuban State University KubGU.
- 25. Rjabikina, Z. I. (2013). Perspektivy issledovanij lichnosti s teoretiko-metodologicheskih pozicij psihologii subjekta [Prospects of Researching Personality from the Point of View of Psychology of a Subject]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 6–19.
- 26. Rjabikina, Z. I. (2005). Lichnost' kak subjekt formirovanija bytijnyh prostranstv [Personality as a Subject of Generating Existential Spaces]. In *Subjekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija* [kollektivnaja monografija] [Subject, Personality and Psychology of Human Existence] [collective monograph]. Edited by V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina. Moscow: the Institute of Psychology RAS.
- 27. Rjabikina, Z. I., Ozhigova, L. N. & Fomenko, G. Ju. (2013). Razvitie idei subjektnogo podhoda v issledovanijah psihologov Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Development of the Idea of Subject Approach in the Researches Made by Psychologists from the Kuban State University]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 34 (2), 60–69.
- 28. Sandler J., C. Dare. & Holder A. (2007). *Pacient i psihoanalitik. Osnovy psihoanaliticheskogo processa* [The Patient and the Analyst: the Basis of Psychoanalytic Process](transl.). Moscow: Kogito-Centr.
- 29. Selivanov, V. V. (2005). Myshlenie i bytie subjekta [Subject's Thinking and Existence]. In *Subjekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija* [kollektivnaja monografija] [Subject, Personality and Psychology of Human Existence] [collective monograph]. Edited by V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina. Moscow: the Institute of Psychology RAS.
- 30. Sinjagin, Ju. V., Pereverzina, O. Ju., Jakovleva, Ju. A. & Poljakova, A. V. (2010). Osnovnye podhody k issledovaniju zhiznennyh strategij lichnosti [Main Approaches to Studying of Personality's Life Scripts]. *Akmeologija* [Acmeology], 1, 27–34.
- 31. Stepin, V. S. (2014). *O filosofskih osnovanijah sinergetiki* [On Philosophical Basis of Synergetics]. Retrieved from: http://dopoln.ru/filosofiya/220564/index.html
- 32. Slobodchikov, V. I. (2002). O sootnoshenii kategorij "subjekt" i "lichnost" v kontekste psihologicheskoj antropologii [On Correlation of Subject and Personality in the Context of Psychological Anthropology]. In *Lichnost' v paradigmah i metaforah: mental'nost' kommunikacija tolerantnost'* [Personality in Paradigms and Metaphors: Mentality Communication Tolerance] V.I. Kabrin (p. 20–29). Tomsk: Publishing House of Tomsk University.
- 33. Solso, R. (2006). *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive Psychology] (transl.). Saint-Petersburg: Piter.
- 34. Stewart, I. & Joines, V. (1996). *Sovremennyj tranzaktnyj analiz* [TA Today: a New Introduction to Transactional Analysis] (transl.). Saint-Petersburg: Social and Psychological Center.

- 35. Stewart, I. & Joines, V. (2000). *Zhiznennyj scenarij: kak my pishem istoriju svoej zhizni* [Writing Own Life Story: Life Scripts] (transl.). Kiev: Library of Foundation for Promotion of Psychic Culture. Retrieved from: http://psylib.org.ua/books/stewj01/index.htm
- 36. Hillman, J. (1996). *Arhitepicheskaja psihologija* [Archetypal psychology]. St.-Petersburg: B.S.K.
- 37. Horney, K. (2002). *Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni* [The Neurotic Personality of Our Time] (transl.). Saint-Petersburg: Piter.
- 38. Hjelle, L. & Ziegler, D. (1997). *Teorii lichnosti. Osnovnye polozhenija, issledovanija i primenenie* [Personality Theories. Basic Assumption, Research and Applications]. St.-Petersburg: Peter Press.
- 39. Chessick R. (2006) Perenos i kontrperenos [Transference and Countertransference Revisited]. (transl.). *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis], 4, 271–282.
- 40. 40. Steiner, C. (2003). *Scenarii zhizni ljudej. Shkola Jerika Berna* [Scripts People Live: The Transactional Analysis of Life Scripts] (πep.). Saint-Petersburg: Piter.
- 41. Schuetzenberger, A. A. (2005). *Sindrom predkov: Transgeneracionye svjazi, semejnye tajny, sindrom godovshhiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosociogrammy* [The Ancestor Syndrome: Transgenerational Psychotherapy and the Hidden Links in the Family Tree]. Moscow: Publishing House of Institute of Psychotherapy.
- 42. Erikson, E.G. (2000). *Detstvo i obshhestvo* [Childhood and Society]. Translated from English and edited by A.A. Alekseev. St.-Petersburg: Letnij sad.
- 43. Allport, G. W. (1955). *Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*. New Haven, CT: Yale University Press.
- 44. Kahler, T. & Capers, H. (1974). The Miniscript. *Transactional Analysis Journal*, 4 (1), 27–42.
- 45. 45. Lefevre, V. (2001). Algebra of conscience. London. Kluwer Academic Publishers.
- 46. Perls, F. S. (1947). *Ego, hunger and aggression: The beginning of Gestalt therapy*. N.Y.: Random House (Paperback published by Orbit Graphic Arts, 1966).
- 47. Solomon, R. L. & Corbit, J. D. (1974). An opponent process theory of motivation. *Psychological Review*, 81, 119–145.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВИДОВ САМООЦЕНКИ И УРОВНЕЙ ПРАВОВОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Фролов А.А.

Фролов Алексей Анатольевич, Краснодарский университет МВД России, 350005, Россия, Краснодар, ул. Ярославская, 128. Эл. почта: ajeduk@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь видов самооценки и уровней правового самосознания личности. Теоретический анализ исследований самооценки позволяет рассматривать ее не только в качестве части Я-концепции, самосознания и центрального личностного образования, но и в качестве значимого компонента правового самосознания. Вид самооценки определяется посредством интегрирования характеристик по уровню и степени адекватности. Личностный субъективный уровень правового самосознания отдельных респондентов выступил в качестве обобщенной характеристики соответствующего уровня правосознания отдельной группы. Выборку составили сотрудники правоохранительных органов как особая категория населения, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с правоприменительной сферой, экстремальностью, а также высокими физическими и интеллектуальными нагрузками. Репрезентативность обеспечена достаточными половозрастными и профессиональными (опыт, стаж) характеристиками респондентов. Эмпирическая часть исследования содержит данные диагностики самооценки, правового самосознания, индивидуальноличностных и поведенческих особенностей обследуемых сотрудников. Достоверность полученных результатов обеспечена методами математико-статистического анализа. Выделена четкая зависимость между определенными видами самооценки и уровнями правового самосознания — чем выше вид самооценки, тем выше уровень правового самосознания, за исключением неадекватно завышенной и заниженной видов самооценки. Выявленные сочетания позволили выделить отличительные поведенческие особенности, а также формирующие их внутриличностные детерминанты. Полученные результаты позволяют не только прогнозировать успешность исполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел, но и способствовать развитию их морально-нравственных качеств, в целом повышая эффективность психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: самооценка, самосознание, правовое самосознание, личность, моральнонравственные качества, нарушения дисциплины и законности.

Область изучения самооценки является одной из наиболее сложных сфер в психологии личности. На данный момент существует большое количество различных теорий самооценки, взглядов на ее природу, развитие, методов ее исследования. Некоторые из них имеют схожесть в интерпретации терминологии, другие же содержат новые особенности ее изучения. Вместе с тем, несмотря

на существующую многогранность и разноплановость исследований в данной сфере, наибольший интерес и ценность в настоящее время представляют исследования, имеющие прикладную практическую направленность. Тенденции науки психологии последних десятилетий серьезно сконцентрированы на наиболее востребованных сферах жизнедеятельности личности. В связи с чем наряду с половозрастными особенностями изучаемых категорий населения приобрели актуальность такие характеристики, как вид деятельности, степень экстремальности, состояние здоровья и т.д. Это позволило увеличить не только разнообразие сфер применения психологических знаний, но и в целом способствовало их систематизации, переосмыслению, обновлению и развитию. С учетом данного аспекта и построено наше исследование взаимосвязи самооценки и правового самосознания сотрудников правоохранительных органов.

Самооценка представляет собой суждения индивида о значении или значимости собственных действий, личностных особенностей и поведения в целом. Выступая частью Я-концепции и самосознания, самооценка рассматривается в качестве центрального, относительно самостоятельного образования, представляющего собой ценностно-смысловую систему личности. Кроме того, самооценка выступает основополагающим базисом индивидуальности человека, который определяет как его внутренние ценности, так и общую систему представлений об окружающем мире (Бороздина, 1999; Мещеряков, Зинченко, 2009).

Комплексное исследование самооценки представляет для нас интерес в контексте её взаимосвязи с самосознанием и его структурным компонентом правосознанием. Правовое самосознание личности является внутренним (имманентным) механизмом всей её сознательной деятельности, осуществляющий восприятие и оценку социально-культурной и правовой действительности, формирующий на их основе соответствующие правовые замыслы и притязания, правовые чувства и побуждения, определяющие выбор нравственно-ценностных ориентиров для собственных действий, поступков и поведения в целом по отношению к самому себе и окружающим людям. Самосознание является формой личностного восприятия сознания, а формой личностного восприятия сферы правосознания выступает правовое самосознание. Основываясь на результатах анализа понятия и содержания правового самосознания логично предположить, что в качестве основных элементов его структуры выступают составляющие правосознания — когнитивная сфера (самопознание), эмоционально-оценочная и поведенческая. Содержание каждой имеет более дифференцированный контекст с учетом личностно-субъектного преломления. Далее, мы пришли к выводу, что категории «правовое самосознание — правосознание» находятся в неразрывной взаимосвязи соотношения от частного к целому. Кроме того, категории «правовое самосознание — самосознание» и «правосознание — сознание» находятся в такой же созависимости, определяя структурное расположение категорий по вертикали и горизонтали. В связи с чем, диагностируя личностный субъективный уровень правового самосознания отдельных сотрудников, мы получаем обобщенную характеристику соответствующего уровня правосознания определенной группы (Спиркин, 1972; Чеснокова, 1977; Дуйсенбеков, 2001).

Данное умозаключение обусловило привлечение в качестве респондентов нашей выборки сотрудников органов внутренних дел как особой социальноправовой категории населения, для которой условия службы сопряжены с экстремальностью, что определяет не только повышенные требования к личности сотрудника со стороны общества и государства в контексте выполнения профессиональных задач, но и обязывает самих сотрудников поддерживать высокую планку эталона личностных качеств и примера правового и морально-нравственного поведения (Рябикина, Фоменко, 2010; Столяренко, 2001). Численность исследуемой группы составила 400 чел. из основных подразделений и служб системы министерства внутренних дел (ОУР, ПДН, ИВС, ГИБДД, ОК, УУМ, ЛРР, ИВС, ППС, ОВО) (Фролов, 2014). Репрезентативность обеспечена участием как мужчин, так и женщин, а также широким возрастным порогом — от 18 до 48 лет. В качестве методик исследования использовались:

- «самооценка личности» О. И. Моткова, в модификации методики Б. А. Сосновского (Сосновский, 1979);
  - «исследование самооценки личности» С. А. Будасси (Никиреева, 2007);
  - «шкала базисной самооценки» Т. Джаджа и Дж. Боно (Сугоняев, 2010);
- «шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульмана в модификации методики М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008);
- «определение склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла (Клейберг, 2004);
- многофакторная личностная методика Р. Кеттелла 16 PF (Sixteen Personality Factor Ouetonnaire) (Капустина, 2007);
- методика изучения особенностей правового и морального сознания на основе анализа морально-правовых суждений Л. Колберга и Дж. Л. Тапп, модифицированная М. И. Воловиковой и адаптированной О. Н. Николаевой (Тарр, Kohlberg, 1971; Николаева, 1995; Воловикова, 2004);
- количественный и качественный анализ совершенных нарушений дисциплины и законности по авторской анкете (результаты профессиональной деятельности сотрудников ОВД) (Фролов, 2013).

Методы математико-статистического анализа применялись на основе использования пакета IBM° SPSS° Statistics 22 (StatisticalPackageforSocialScience) с критерием Колмогорова-Смирнова, корреляционным анализом Пирсона и факторным анализом.

Полученные эмпирические данные видов самооценки были соотнесены с уровнями правового самосознания и видами взысканий респондентов. В каче-

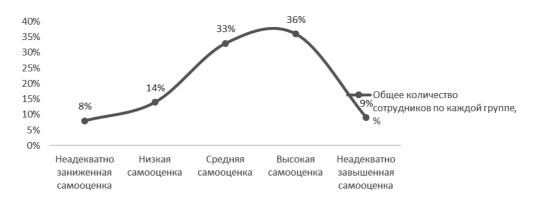

Рис. 1. Распределение результатов исследования самооценки

стве вида самооценки выступили интегрированные характеристики по уровню и степени адекватности. Впоследствии было выделено пять групп сотрудников: с неадекватно заниженной, низкой, средней, высокой и неадекватно завышенной самооценкой. Общее расположение результатов исследования самооценки по группам соответствовало кривой нормального распределения, что подтвердило достоверность полученных данных (рис. 1).

Конкретизация уровней правосознания респондентов выглядит следующим образом.

На первом (минимальном) уровне находятся сотрудники, утверждающие, что законы предупреждают преступность и обеспечивают физическую безопасность граждан. Они следуют закону, подчиняясь авторитету власти или во избежание наказания.

Сотрудники, относящиеся ко второму уровню (среднему), считают, что законы поддерживают социальный порядок, обеспечивая выполнение правильных ролей и оправдывая ожидания социума. Во избежание хаоса и анархии закон необходимо соблюдать до его отмены в установленном порядке, даже в том случае, если закон несправедлив.

Третьего уровня «законотворчества» (высшего) достигают только те люди, для которых правовые нормы являются выражением их собственных моральных принципов. Они сознательно различают ценности социального порядка и общечеловеческой этики, требования конкретных законов и принципов справедливости.

Результаты исследования правового самосознания оказались следующими (рис. 2): к первому уровню правового самосознания было отнесено 32,4% опрошенных сотрудников, 61,6% испытуемых — ко второму уровню и к третьему уровню — 6% респондентов.

Виды взысканий, полученных сотрудниками, мы также сгруппировали по степени значимости: первая группа — отсутствие взысканий за период службы,

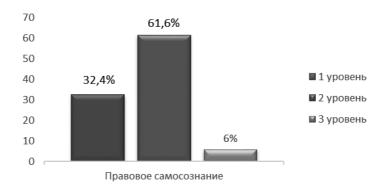

Рис. 2. Анализ правового самосознания сотрудников ОВД

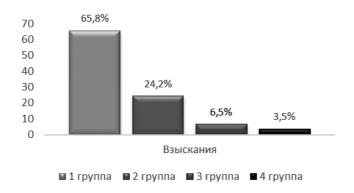

Рис. 3. Анализ взысканий сотрудников ОВД

вторая группа (незначительный проступок) — наличие взыскания вида «выговор», третья группа (серьезный проступок) — наличие взыскания вида «строгий выговор» или два выговора, четвертая группа (проступок максимальной тяжести) — наличие взыскания вида «неполное служебное соответствие» или три и более взыскания разного уровня. Эмпирические данные были получены следующие (рис. 3): к первой группе было отнесено 65,8% респондентов всей выборки, ко второй группе — 24,2%, к третьей — 6,5% и 3,5% вошли в четвертую.

Сопоставив результаты распределения по уровням правового самосознания и группам по количеству нарушений в сфере дисциплины и законности, мы пришли к следующему (рис. 4).

Таким образом, получаем:

- сотрудники, относящиеся к первому уровню развития правового самосознания, больше остальных получают взыскания, относящиеся к категории серьезных и максимальной тяжести;
- сотрудники, относящиеся ко второму уровню развития правового самосознания, больше других получают взыскания, относящиеся к категории не-

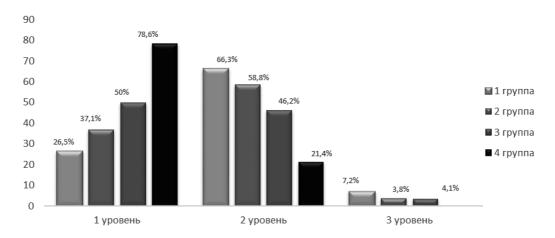

Рис. 4. Соотношение уровней правового самосознания и количества взысканий сотрудников ОВД

значительной степени, но также получают взыскания, относящиеся к категории серьезной и максимальной тяжести;

– сотрудники, относящиеся к третьему уровню развития правового самосознания, не получают взыскания категории максимальной тяжести, а также выделяется предрасположенность к отсутствию взысканий вообще.

Эти выводы были подтверждены методами математической обработки: отрицательная зависимость зафиксирована между уровнями правового самосознания и нарушениями дисциплины и законности ($r=-0,223,\,p<0,01$), чем выше уровень правового самосознания, тем меньше фиксируется совершенных нарушений.

Полученные результаты способствовали изучению индивидуальноличностных характеристик сотрудников с разными видами самооценки. Сопоставительный анализ данных групп позволил выявить специфику взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания. Более содержательная интерпретация каждой группы выглядит следующим образом.

В первую группу сотрудников с неадекватно заниженной самооценкой (рис. 5) вошли 32 чел., из них 24 мужчины и 8 женщин в возрасте от 19 до 46 лет.

Отличительной особенностью данной группы является принадлежность всех сотрудников к первому (самому низшему) уровню правосознания, а также значительное количество имеющихся взысканий серьезной и максимальной степени тяжести (в общей сложности 25%, или четверть выборки).

Личностными и поведенческими характеристиками данной группы являются ярко выраженные нонконформистские установки, чрезвычайная склонность противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, предрасполо-

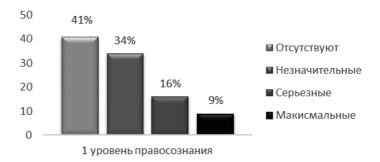

Рис. 5. Количество сотрудников с неадекватно заниженной самооценкой, имеющих взыскания

женность к проявлению негативизма и делинквентного поведения. Выделяется агрессивная направленность во взаимоотношениях с другими людьми, склонность решать проблемы посредством насилия, тенденция использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки, наличие садистических проявлений.

Для них собственная жизнь имеет низкую ценность, отмечается склонность к риску, выраженная потребность в острых ощущениях, садомазохистские тенденции. Кроме того, присутствует склонность реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении, без задержки, несформированность волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений. Ярко выражена тенденция игнорировать даже малозначительные социальные нормы, отсутствует убеждение в собственной удачливости и везении, отсутствует любовь к себе.

Ко второй группе с низкой самооценкой были отнесены 54 сотрудника (33 мужчины и 21 женщина в возрасте от 18 до 44 лет) (рис. 6).

В этой группе сотрудники были отнесены к двум уровням правового самосознания — первому (33 сотрудника, или 61%) и второму (21 сотрудник, или 39%). Отличительной особенностью группы является отсутствие взысканий максимальной степени тяжести и небольшое количество взысканий серьезной степени тяжести, в то время как большая часть не имеет взысканий вообще. Личностные и поведенческие особенности представителей данной группы в целом имеют две ярко направленные тенденции. Часть представителей группы характеризуется контрастностью эмоциональных проявлений, склонностью игнорировать угрозы, предрасположенностью к риску и острым ощущениям. Такие сотрудники способны быстро принимать решения, но эти решения не обязательно являются правильными, умеют противостоять усталости и выдерживать эмоциональные нагрузки при работе с людьми. Вместе с тем выделяется их зависимость и привязанность к группе, отсутствие инициативы и смелости в выборе собственной линии поведения, подверженность негативному влиянию значимого окружения, предрасположенность к нарушениям закона. У сотрудников другой части группы

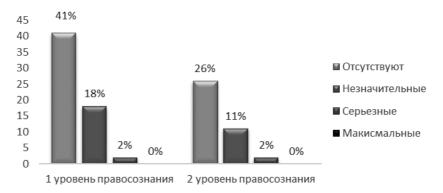

Рис 6. Количество сотрудников с низкой самооценкой, имеющих взыскания

на фоне выраженного влияния окружающей среды наблюдается мягкость, утонченность, образность, художественное восприятие мира. Во взаимоотношениях ярко выражена доброта, снисходительность к себе и другим, тревожность и беспокойство по поводу состояния здоровья, зависимость, потребность в любви, внимании и помощи других людей. Им свойственно безразличие (не всегда осознанное) к решению практических вопросов и повседневных дел, рассеянность, невнимательность к деталям и событиям.

В третью группу сотрудников, имеющих среднюю самооценку, были включены показатели 135 чел., из которых 94 мужчины и 41 женщина в возрасте от 18 до 48 лет (рис. 7).

В данной группе оказались представители всех трех уровней правового самосознания. Однако отличительной особенностью данной группы явилась принадлежность подавляющего большинства сотрудников ко второму уровню правового самосознания. Кроме того, подавляющее большинство респондентов (93 сотрудника, или 68%) не имеют взыскания вообще, а взыскания серьезной и максимальной степени тяжести минимальны (10 человек, или 8%).

Сотрудники, относящиеся к данной группе, обладают развитым чувством ответственности, исполнительности и добросовестности. Они глубоко порядочны не потому, что это может оказаться выгодным, а потому что не желают поступать иначе по своим убеждениям. В деятельности проявляют системность, точность и аккуратность, обладают хорошим самоконтролем и организованностью. Интеллектуальные возможности и профессионально важные качества представителей данной группы достаточно высоко развиты. Жизненная позиция отличается зрелостью и целеустремленностью, действия — системностью и продуманностью.

Самая многочисленная группа сотрудников с высокой самооценкой — четвертая — представлена результатами 145 чел. (107 мужчин и 38 женщин в возрасте от 19 до 43 лет) (рис. 8).

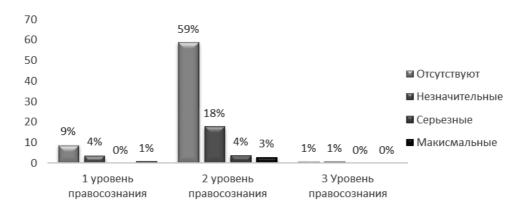

Рис. 7. Количество сотрудников со средней самооценкой, имеющих взыскания

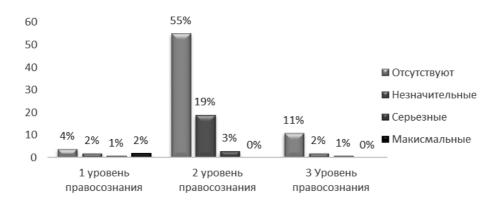

Рис 8. Количество сотрудников с высокой самооценкой, имеющих взыскания

Данная группа, как и предыдущая, включает подавляющее большинство сотрудников, не имеющих взысканий (104 сотрудника, или 70%) и большинство сотрудников, относящихся ко второму уровню правового самосознания (112 человек, или 77%). Однако в данной группе присутствует также максимальное число сотрудников, относящихся и к третьему (самому высокому) уровню правового самосознания (20 человек, или 14%).

Сотрудники с высокой самооценкой и средним уровнем правосознания, относящиеся к данной группе, характеризуются высоким уровнем интеллектуальных возможностей, развитым абстрактным мышлением, проявляют сообразительность в деятельности и контактах, быстро схватывают новое, хорошо обучаются, имеют разнообразные интеллектуальные интересы.

Они осознают различие между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости,

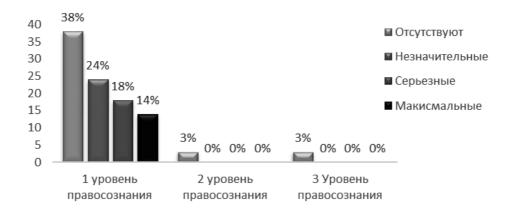

Рис 9. Количество сотрудников с неадекватно завышенной самооценкой, имеющих взыскания

в связи с чем юридические законы для них выступают выражением внутренних моральных принципов. В целом такие люди оптимистичны и жизнерадостны, легко переживают жизненные неудачи и верят в себя.

Сотрудников с высокой самооценкой и высоким уровнем правового самосознания характеризует свободомыслие, экспериментаторство, развитое аналитическое мышление, восприимчивость к переменам и новым идеям. Они имеют разнообразные интеллектуальные интересы, стремятся быть хорошо информированными, но, обладая более критичным мышлением, никакую информацию не принимают на веру. Также у респондентов отмечалась гибкость в контактах, восприимчивость новых взглядов и идей, терпимость к противоречиям, независимость суждений, взглядов и поведения, предпочтительная опора на логику, а не на чувства. Кроме всего прочего, среди личностных качеств и поведенческих особенностей явно выделялось сочетание недоверия к авторитетам со стремлением к конструктивным преобразованиям и предпочтением разумно корректировать устоявшиеся способы действий, с приемлемой критикой оценивая распространенные взгляды и привычки.

Пятая группа сотрудников с неадекватно завышенной самооценкой, включающая результаты 34 человек (24 мужчины и 10 женщин в возрасте от 19 до 47 лет), оказалась близка по численности к первой группе (рис. 9).

Отличительной особенностью данной группы явилось то, что подавляющее большинство респондентов (32 сотрудника, или 94%) относятся к первому уровню правового самосознания, как и в первой группе сотрудников с неадекватно заниженной самооценкой. Кроме того, показатель взысканий серьезной и максимальной степени тяжести здесь оказался еще выше, чем в первой группе (11 сотрудников, или 32%).

У представителей данной группы была выделена гипертрофированная оценка своих достоинств. Они имели склонность ставить перед собой более высокие цели, чем те, которые могли реально достигнуть, а также имели высокий уровень притязаний, не соответствующий реальным возможностям. Недостаток самоанализа, некритичность мышления, недисциплинированность, дефицит самоконтроля, тенденция к принятию ошибочных решений и осуществлению рисковых поступков в целом характеризовали респондентов как высокомерных, тщеславных и эгоцентричных. Кроме того, у этих сотрудников оказались ярко выраженными тенденции реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении, присутствовали признаки стероидных черт характера: стремление казаться значительнее, лучше, чем это есть на самом деле; склонность к самосожалению, выраженному желанию во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих. Неустойчивость эмоций и конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций определяли высокий уровень притязаний респондентов, который сочетался с потребностью в причастности к интересам группы, эгоистичность — с альтруистическими декларациями, агрессивность со стремлением нравиться окружающим. Отмечалась выраженная способность к легкой вживаемости в различные социальные роли, артистичность поз, мимики и жестов на фоне противоречивости эмоций и стремлении преуспеть в основном за счет помощи других, но приписывая заслуги только себе.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод об особенностях взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания сотрудников правоохранительных органов:

- для респондентов с неадекватно заниженной и завышенной самооценкой характерно наличие низкого уровня правового самосознания и максимальной степени склонности к нарушениям дисциплины и законности;
- отличительной особенностью сотрудников с высокой самооценкой является сочетание ее (самооценки) с высоким уровнем правового самосознания;
- респонденты с высокой и средней самооценкой имеют также максимальное сопоставление со средним уровнем правового самосознания и ярко выраженной тенденцией к отсутствию нарушений дисциплины и законности;
- сотрудники с низкой самооценкой относятся к низкому и среднему уровню правового самосознания и минимальной предрасположенности к нарушениям дисциплины и законности.

Таким образом, результаты нашего исследования взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания личности способствовали повышению качества диагностики поведенческих и индивидуально-личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов (Фоменко, 2010; Павлова, 2014). Это позволило повысить эффективность психологического сопровождения действующих сотрудников полиции, а также усилило профилактику случаев противоправного поведения со стороны сотрудников силовых структур, в целом определяя успешность их профессиональной деятельности.

Библиографический список

- 1. Бороздина, Л. В. (1999). *Теоретико-экспериментальное исследование самооценки*: дис. ... д-ра психол. наук. Москва.
- 2. Воловикова, М. И. (2004). *Представления русских о нравственном идеале*. М: Издво «Институт психологии РАН».
- 3. Дуйсенбеков, Д. Д. (2013). Правовое самосознание студентов как психологическое условие профессиональной социализации и личностной гармонии. *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*, 8, 67–78.
- 4. Капустина, А. Н. (2007). *Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла*. СПб.: Речь.
- 5. Клейберг, Ю. А. (2004). *Социальная психология девиантного поведения*. Москва: Сфера.
- 6. Мещеряков, Б. Г, Зинченко, В. П. (ред.). (2009). *Большой психологический словарь*. Москва: АСТ, Прайм-Еврознак.
- 7. Никиреева Е. М. (2007). *Психологические особенности направленности личности*. Москва: МПСИ.
- 8. Николаева О. П. (1995). Правовая и моральная зрелость личности. *Субъект и со- циальная компетентность личности*, 109–137.
- 9. Павлова, С. А. (2014). Формирование эмоциональной устойчивости у сотрудников органов внутренних дел. Акмеология. Специальный выпуск по материалам IX Международной научной конференции «Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека», 1–2, 175–176.
- 10. Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*, 29 (4), 98–106.
- 11. Рябикина, З. И., Фоменко, Г. Ю. (2010). Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектно-бытийного подхода. *Социальная психология труда: теория и практика*, 1, 82–101.
- 12. Сосновский, Б. А. (1979). *Лабораторный практикум по общей психологии*. Москва: Просвещение.
- 13. Спиркин, А. Г. (1972). Сознание и самосознание. Москва: Политиздат.
- 14. Столяренко, А. М. (ред.). (2001). Прикладная юридическая психология. М.: Юнити-Дана.
- 15. Сугоняев, К. (2010). Использование специального оборудования в деятельности практических психологов образовательных учреждений МВД России. Москва.
- 16. Фоменко, Г. Ю. (2010). Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 83–99.
- 17. Фролов, А. А. (2013). Исследование правосознания сотрудников ОВД как фактор безопасности личности в обществе и правоохранительной системе. *Известия Сочинского государственного университета*, 4–2 (28), 81–84.

- 18. Фролов, А. А. (2014). Исследование взаимосвязи правосознания личности сотрудников правоохранительных органов и нарушений дисциплины. *Психопедагогика* в правоохранительных органах, 1 (56), 24–27.
- 19. Чеснокова, И. И. (1977). Проблема самосознания в психологии. Москва: Наука.
- 20. Tapp J. L. & Kohlberg L. (1971). Developing senses of law and legal justice. *The Journal of Social Issues*, 27, 65–92.

Статья поступила в редакцию 06.03.2016.

THE RESEARCH OF INTERRELATION BETWEEN TYPES OF SELF-ESTEEM AND LEVELS OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

. . . .

Frolov A.A.

Frolov Alexey Anatolyevich, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 128 Jaroslavskaja St., Krasnodar, 350005, Russia. E-mail: ajeduk@mail.ru

The article dwells on interconnection of types of self-esteem and levels of legal consciousness of an individual. Theoretical analysis of self-esteem studies permits to consider it not only as a part of the self-concept, self-consciousness and central formation of individuality, but also as a significant component of legal consciousness. Type of self-esteem is defined by means of integrating characteristics of the equal level and degree of validity. Individual subjective level of legal consciousness of definite respondents served as a generalized characteristic of the corresponding level of legal consciousness of the group. The test sample consisted of law enforcement officers representing a special category of population, whose work is directly connected with law enforcement sphere, extremeness, as well as considerable physical and intellectual stress. Representativeness is ensured by sufficient gender, age and professional (experience, length of service) characteristics array of the respondents. The empirical part of the research contains the data on self-esteem diagnostics, legal consciousness, individual and personal features of the officers under research. The validity of the obtained results is ensured by the methods of mathematical and statistical analysis. A clear dependence between certain types of self-esteem and levels of legal consciousness was revealed: the higher the type of self-assessment is, the higher the level of legal consciousness appears, except the cases of inadequately high or low types of self-esteem. The detected combinations allowed defining distinctive behavioral patterns, as well as the intrapersonal determinants that form them. The obtained results permit not only to forecast how successful officers of internal affairs bodies will be in performing duty but also to facilitate the development of their moral and ethical characteristics, thus increasing the efficiency of psychological follow through of official activities of law enforcement bodies.

Key words: self-esteem, consciousness, legal consciousness, personality, moral and ethical characteristics, breach of discipline and legality.

References

- Borozdina, L. V. (1999). Teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie samoocenki [Theoretical and Experimental Research of Self-Image]: Thesis for the Degree of the Candidate of Psychological Science. Moscow.
- 2. Volovikova, M. I. (2004). *Predstavlenija russkih o nravstvennom ideale* [The Russians' Image of Moral Ideal]. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS".

- Dujsenbekov, D. D. (2013). Pravovoe samosoznanie studentov kak psihologicheskoe uslovie professional'noj socializacii i lichnostnoj garmonii [Legal Consciousness of Students as a Psychological Precondition of Professional Socialization and Personal Harmony]. Vestnik Vostochno-Sibirskoj otkrytoj akademii [Bulletin of the East-Siberian Open Academy], 8, 67–78.
- 4. Kapustina, A. N. (2007). *Mnogofaktornaja lichnostnaja metodika R. Kettella* [R. Cattell's Sixteen Personality Factor Method]. Saint-Petersburg: Rech'.
- 5. Klejberg, Ju. A. (2004). *Social'naja psihologija deviantnogo povedenija* [Social Psychology of Deviant Behavior]. Moscow: Sfera.
- 6. Meshherjakov, B. G, Zinchenko, V. P. (Ed.). (2009). *Bol'shoj psihologicheskij slovar'* [Grand Dictionary of Psychology]. Moscow: AST, Prajm-Evroznak.
- 7. Nikireeva E. M. (2007). *Psihologicheskie osobennosti napravlennosti lichnosti* [Psychological Peculiarities of a Personality]. Moscow: Moscow Institute of Sociology and Psychology.
- 8. Nikolaeva O. P. (1995). Pravovaja i moral'naja zrelost' lichnosti [Legal and Moral Maturity of an Individual]. *Subjekt i social'naja kompetentnost' lichnosti* [Subject and Social Competence of an Individual], 109–137.
- 9. Pavlova, S. A. (2014). Formirovanie jemocional'noj ustojchivosti u sotrudnikov organov vnutrennih del [Developing Affective Tolerance in Officers of Internal Affairs Bodies]. Akmeologija. Special'nyj vypusk po materialam IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Akmeologija: lichnostnoe i professional'noe razvitie cheloveka" [Acmeology. Special Issue based on the Minutes of International Scientific Conference "Acmeology: Personal and Professional Development of An Individual"], 1–2, 175–176.
- 10. Padun, M. A. & Kotel'nikova, A. V. (2008). Modifikacija metodiki issledovanija bazisnyh ubezhdenij lichnosti R. Janoff-Bul'man [Modification of Methodology of Basic Assumptions by R. Janoff-Bulman]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 29 (4), 98–106.
- 11. Rjabikina, Z. I. & Fomenko, G. Ju. (2010). Lichnost' v professii: teoretiko-jempiricheskaja interpretacija v kontekste sub#ektno-bytijnogo podhoda [Personality in Profession: Theoretical and Empirical Interpretation in the Context of Subject-Existential Approach]. *Social'naja psihologija truda: teorija i praktika* [Social Psychology of Labour: Theory and Practice], 1, 82–101.
- 12. Sosnovskij, B. A. (1979). *Laboratornyj praktikum po obshhej psihologii* [Laboratory Practical Course on General Psychology]. Moscow: Prosveshhenie..
- 13. Spirkin, A. G. (1972). *Soznanie i samosoznanie* [Conciousness and Self-Consciousness]. Moscow: Politizdat.
- 14. Stoljarenko, A. M. (red.). (2001). *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* [Practical Legal Psychology]. Moscow: Juniti-Dana.
- 15. Sugonjaev, K. (2010). *Ispol'zovanie special'nogo oborudovanija v dejatel'nosti prakticheskih psihologov obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii* [Use of Special Equipment in Activities of Practical Psychologists Employed by Educational Establishments of Bodies of Ministry of Foreign Affairs]. Moscow.
- 16. Fomenko, G. Ju. (2010). Psihologija bezopasnosti lichnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovanija institucionalizacii [Psychology of Personal Security: Theoretical and

- Methodological Foundations of Institutionalisation]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 83–99.
- 17. Frolov, A. A. (2013). Issledovanie pravosoznanija sotrudnikov OVD kak faktor bezopasnosti lichnosti v obshhestve i pravoohranitel'noj sisteme [Study of Legal Consciousness of Employees of Internal Affairs Bodies as a Factor of Security of a Personality in the Society and Law-Enforcement]. *Izvestija Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Sochi State University] 4–2 (28), 81–84.
- 18. Frolov, A. A. (2014). Issledovanie vzaimosvjazi pravosoznanija lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov i narushenij discipliny [Study of Interconnection of Legal Consciousness Law Enforcement Officers and Discipline Breaches]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* [Psychological Pedagogy in Law Enforcement Bodies], 1 (56), 24–27.
- 19. Chesnokova, I. I. (1977). *Problema samosoznanija v psihologii* [The Issue of Self-Consciousness in Psychology]. Moscow: Nauka.
- 20. Tapp J. L. & Kohlberg L. (1971). Developing senses of law and legal justice. *The Journal of Social Issues*, 27, 65–92.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПРИЕМНОЙ МАТЕРИ К РЕБЕНКУ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ ЕГО ВОСПИТАНИЯ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ

Щербина С. М.

Щербина Сусанна Музекировна, Крымский инженерно-педагогический университет, 295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8. Эл. почта: susanna sherbina@mail.ru.

Отношение приемной матери к ребенку рассматривается как взаимосвязь деятельности по воспитанию приемного ребенка и доминирующих особенностей личности приемной матери (системы личностных качеств), которое рождается и проявляется в деятельности. Выделены мотивационный, эмоциональный, когнитивный, поведенческий компоненты отношения приёмной матери к ребёнку. Цель статьи: выявление особенностей отношения приемной матери к ребёнку, определяющие успешность семейного воспитания. Выборку составили приемные матери (94 женщины) в возрасте от 30 до 50 лет, из них приемные матери с успешным опытом воспитания детей — 58 чел., приемные матери с неуспешным опытом воспитания детей — 36 чел. Использовались метод экспертных оценок, авторская анкета «Портрет приемной матери», авторский опросник «Мотивация к созданию приемной семьи», методика диагностики типологий психологической защиты Плутчик-Келлерман, методика РАRI Е. Шеффера и Р. Белла, методика УСК, методика выявления индивидуальных копинг-стратегий (Э. Хаим).

Результаты эмпирического исследования показали, что успешные приёмные матери обладают более высокой по сравнению с неуспешными матерями материальной мотивацией к созданию приемной семьи, у них более выражен защитный механизм интеллектуализации и оптимальный эмоциональный контакт с ребёнком (в аспекте вербализации), при самооценивании относительно образа хорошей приемной матери они демонстрируют более высокие показатели воспитания, наказания, ответственности, личностного роста, у них более высокие показатели общей интернальности, интернальности в области неудач и в производственных отношениях; они гораздо чаще используют продуктивные копинг-стратегии: проблемный анализ, оптимизм, сотрудничество. Полученные результаты могут использоваться при подготовке женщин к созданию приёмной семьи.

Ключевые слова: образ Я приемной матери, успешный опыт воспитания, мотивация, самооценка, локус-контроль, механизмы психологических защит, копинг-стратегии.

Одним из проявлений кризиса общества является рост социального сиротства, остающегося одной из наиболее острых и болезненных проблем современной России. Интернатная система воспитания, долгое время остававшаяся единственно доступной для детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, недостаточно адаптирует их к самостоятельной жизни в социуме

и нивелирует родственные связи, что в будущем может негативно сказаться на их отношении к собственным детям. Патронатные или профессиональные замещающие (приемные) семьи, появившиеся в последнее десятилетие в России, решая задачу временного устройства ребенка, поднимают новые вопросы, в частности, готовности граждан к приемному родительству. Особенно это касается психологической готовности женщины принять на себя роль матери одного или нескольких приемных детей.

Анализ научной литературы по вопросам воспитания и адаптации детей в приемных семьях показал, что в настоящее время проблема подготовки женщин к созданию профессиональной замещающей семьи является недостаточно разработанной. Во-первых, не учитываются личностные особенности приемной матери, влияющие на ее отношение к ребенку и определяющие успешность его воспитания. Во-вторых, требования к приемной матери у социума выше, чем к биологической матери, от нее требуют соответствия некоему идеальному образу, при этом минуется стадия оценки её как хорошей матери, что оказывает дополнительное давление на приемную мать. В-третьих, приемная мать находится в иных условиях, чем мать биологическая, поэтому принятие ребенка в семью на определенный срок, вероятность его возвращения в любой момент в биологическую семью добавляют в образ приемной матери черты воспитателя.

Мы считаем, что основной проблемой женщины, воспитывающей и родных, и приемных детей, становится проблема идентичности, осознания себя либо хорошей матерью, либо хорошим педагогом для всех детей в семье. Такая двойственность и неоднозначность осознания себя может привести к внутреннему конфликту личности.

В зарубежной и отечественной литературе нет сформированной модели хорошей приемной матери. В целом формирование образа Я приемной матери происходит в направлении образа идеальной матери, который отличается от образа хорошей матери данной эпохи. В психологической литературе большое внимание уделяется специфике психического и личностного развития детей, находящихся в условиях депривации (Дубровина, Рузская,1990; Прихожан, Толстых, 2007), социально-психологической адаптации приемных детей к условиям приемной семьи (Миневич, 2008), механизмам психологической защиты ребенка, оставленного родителями (Фрейд, 1991).

Личностные особенности приемных родителей исследовались в работах Г.И. Гусаровой, Е.Б. Шашариной (2002), Л.А. Чернышовой (2004) и др. Исследования как славянской (Кись, 2003, Филиппова, 2002), так и западноевропейской (Хеллингер, 2001) культурных традиций показали противоречивость и трансформацию образа матери на протяжении столетий, его зависимость от изменений требований и социальных норм социума. Фольклорные произведения отражают предвзятое, противоречивое отношение и требования к образу

приемной матери: быть идеальной матерью, с одной стороны, с другой –существует мнение социума о приемной матери как изначально плохой.

По мнению А.Я. Варги (2001) и В.В. Столина (1981), родительское отношение — это система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним особенностей восприятия понимания характера и личности ребенка, его поступков. В исследованиях Д.Н. Исаева (2005) показано, что детско-родительские отношения могут отличаться дисфункциональностью, что приводит к утрате детьми чувства защищенности. А.И. Захаров (1982) в связи с преобладанием определенных личностных особенностей матери, выделяет несколько психологических типов матерей, которые могут послужить основой формирования неврозов: «царевна Несмеяна»; «спящая красавица»; «унтер Пришибеев»; «суматошная мать»; «наседка»; «вечный ребенок».

Несмотря на большую значимость для нашей работы перечисленных и других исследований, дефиниция «материнское отношение» рассмотрена недостаточно и без учета специфики отношений в приемной семье. Не рассмотрено соотношение между «материнским отношением» в целом и отношением приемной матери к ребенку в профессиональной замещающей семье. Такой подход направляет наше исследование к анализу ключевого понятия — «отношение» — и его специфики по отношению к деятельности приемной матери.

Выделяя вслед за В.Н. Мясищевым (1995) в структуре личности систему отношений индивида к окружающему миру и самому себе, отметим, что отношение приемной матери к ребенку в профессиональной замещающей семье является одной из сторон отношений личности в целом.

Также отметим, что в отношении приемной матери к ребенку отсутствует материнский компонент как таковой, поскольку материнское отношение имеет биологическую обусловленность. В процессе формирования отношения приемной матери к ребенку не задействованы механизмы, запускающие инстинктивную основу материнства с момента зачатия и в процессе вынашивания ребенка во время беременности, родов и сензитивного периода материнства в начальный послеродовой период. Следовательно, в отношении приемной матери к ребенку «материнское отношение» имеет условный характер, его можно охарактеризовать как своеобразный заменитель реального материнского отношения, свойственного биологической матери.

В литературе не принято рассматривать приемную семью в контексте специальной деятельности. Однако именно это вносит своеобразие в отношения женщины и приемного ребенка. Для нашего исследования основополагающим является личностно-деятельностный подход В. Л. Зобкова, связавшего личность и деятельность понятием отношения как их целостной характеристики. По мнению ученого отношение выражается в единстве индивидуальной формы деятельности и доминирующих особенностей личности (мотивации, самооцен-

Рис. 1. Основные компоненты отношения приемной матери к ребенку

ки, системы личностных качеств), зарождается в деятельности, реализует эту деятельность и проявляется в ней.

Опираясь на исследования В. А. Зобкова (2011), определим отношение приемной матери к ребенку как взаимосвязь деятельности по воспитанию приемного ребенка и доминирующих особенностей личности приемной матери (системы личностных качеств), которое рождается и проявляется только в деятельности.

Проведенный анализ психологической литературы позволил выделить основные компоненты отношения приемной матери к ребенку: мотивационный, эмоциональный, когнитивный, поведенческий (рис. 1), оказывающие влияние на содержание и успешность деятельности приемной матери в профессиональной замещающей семье.

Мотивационная составляющая отношения приемной матери к ребенку в замещающей семье включает мотивацию создания приемной семьи, специфику мотивационно-потребностной сферы приемной матери. Эмоциональная составляющая имеет свою специфику в зависимости от неосознанных паттернов: восприятия женщиной приемного ребенка по шкале «свой — чужой», типов психологических защит, имеющегося опыта воспитания. Когнитивная составляющая содержит представления о себе, образе Я хорошей приемной матери и осознание требований общества к приемной матери. Поведенческая составляющая проявляется во взаимодействии приемной матери с ребенком и включает копинг-стратегии, стили воспитания, уровень субъективного контроля личности.

Цель статьи. Выявить особенности отношения приемной матери к ребенку, определяющие успешность семейного воспитания.

Гипотеза исследования. Существует комплекс личностных особенностей приемной матери (мотивация, психологические защиты, образ Я, локус субъективного контроля, копинг-стратегии), влияющих на ее отношение к ребенку и определяющих успешность воспитания в профессиональной замещающей семье.

В исследовании принимала участие группа приемных матерей общей численностью 94 чел. в возрасте от 30 до 50 лет. Из них приемные матери с успешным опытом воспитания детей — 58 женщин и приемные матери с неуспешным опытом воспитания детей — 36 женщин. Исследование проводилось на базе Крымского республиканского центра социальных служб для семьи, детей и молодежи. Успешность воспитательных воздействий на ребенка приемных матерей оценивалась экспертами в лице школьных педагогов и социальных работников по следующим критериям: 1) когнитивные (адекватные установки ребенка в отношении роли матери, педагога в его жизни; осознание правил и норм поведения в обществе; понимание значения школы для его будущего); 2) личностно-эмоциональные (эмоциональная близость со значимым для ребенка взрослым, адекватная самооценка у ребенка); 3) поведенческие (нормативное поведение, уважительное отношение к старшим, неконфликтность).

Использовались следующие методики.

Авторский опросник «Мотивация к созданию приемной семьи» — для выявления мотивации к созданию приемной семьи (мотивационная составляющая отношения). Включает в себя вопросы, относящиеся к следующим блокам.

- 1. Эгоцентричные мотивы: стремление заполнить вакуум, вызванный потерей собственного ребенка; потребность реализовать неизрасходованный материнский потенциал после взросления собственных детей; перераспределение влияний в семье; желание быть не хуже, чем другие.
- 2. Культуральные мотивы: убеждение, что дети должны воспитываться в семье, продолжать ее традиции; недоверие к государственной системе воспитания; реабилитация за собственный неудачный родительский опыт.
- 3. Альтруистичные мотивы: желание помочь хотя бы одному ребенку; любовь к детям; желание дать детям как можно больше любви (при отсутствии собственных детей).
- 4. Материальные мотивы: решение своих материальных проблем за счет приемных детей.

Эмпирические показатели ретестовой устойчивости и внутренней надежности, содержательная и критериальная валидность измерительного инструмента являются достаточными для его практического применения. Методика диагностики типологий психологической защиты Плутчик-Келлерман, методика PARI E. Шеффера и P. Белла (адаптация Т. В. Нещерет) — для выявления стиля

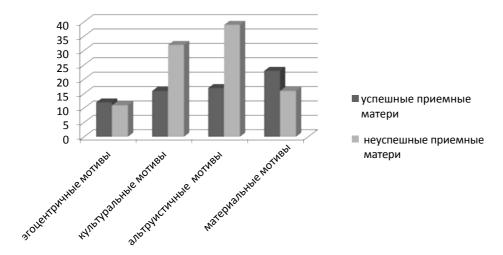

Рис. 2. Мотивация к созданию приемной семьи у успешных и неуспешных приемных матерей, баллы

родительского отношения (эмоциональная составляющая отношения приемной матери).

Методика УСК — для выявления уровня субъективного контроля, методика выявления индивидуальных копинг-стратегий (Э. Хаим) (определение поведенческой составляющей отношения).

Анкета «Портрет приемной матери» — для оценки соответствия образа Я приемной матери ее представлению о хорошей приемной матери.

Женщинам предлагались 15 утверждений, распределенных по следующим шкалам: воспитание, биологические потребности, наказание, ответственность, личностный рост. Из этих утверждений предлагалось выбрать 5 таких, которые соответствуют, по мнению респондента, образу хорошей приемной матери и оценить по десятибалльной шкале выраженность выделенной характеристики у себя лично (определение когнитивной составляющей отношения приемной матери).

Собранные данные подвергались статистической обработке: вычисление процентных долей, использование t-критерия Стьюдента для средних и процентных долей, непараметрического критерия Манна-Уитни.

Были получены следующие результаты.

Исследование мотивации к созданию приемной семьи выявило, у успешных приемных матерей по сравнению с неуспешными более выражены материальные мотивы (Uэмп. = 23 для ρ = 0,05) (рис. 2). Возможно, неуспешные приемные матери стыдятся признать, что работают «мамами» за деньги. Им также в большей степени свойственны культуральные (Uэмп. = 21 для ρ = 0,05) и альтруистичные мотивы (Uэмп. = 20 для ρ = 0,05).

 Таблица 1

 Достоверность различий по типам психологической защиты между успешными и неуспешными приемными матерями, средние значения

Типы психологической защиты	Успешные приемные матери	Неуспешные приемные матери	t-критерий Стьюдента эмп.
Отрицание	6,1896	6,3616	0,11
Вытеснение	3,4827	3,5227	0,007
Регрессия	3,6379	3,945	0,12
Компенсация	3,4310	3,15	0,09
Проекция	4,5268	7,9733	2,12*
Замещение	3,0758	6,3194	1,99*
Интеллектуализация	6,4558	3,1736	2,02*
Реактивное образование	4,6896	4,3625	0,13

Т-критерий Стьюдента крит. = 1,98.

Неуспешные приёмные матери указывают на желание вырвать ребенка из государственной системы воспитания, «помочь бедняжке», отдать ему свою любовь. Следует отметить, что эта подгруппа в 67% случаев указывает на несоответствие детей их ожиданиям. Неуспешные приемные матери, имея высокий уровень альтруизма, в большей степени направлены на процесс, а не на результат деятельности.

Исследование эмоциональной составляющей отношения приемной матери к ребенку с помощью методики «Диагностика типологий психологической защиты» показало значимость различий между успешными и неуспешными приемными матерями по ряду показателей (табл. 1).

В частности, существуют значимые различия по таким типам психологической защиты, как проекция, замещение, интеллектуализация. Неуспешные приемные матери значительно чаще, чем успешные, используют проекцию и замещение, находя объект для перенесения на него ответственности за собственную некомпетентность. Успешные приемные матери значительно используют интеллектуализацию в стрессовой ситуации, стараясь рационализировать происходящее.

Анализ результатов исследования эмоциональных родительских установок по методике PARI представлен в табл. 2.

Из табл. 2 следует, что выявлены статистически значимые различия по большинству показателей шкалы «Отношение к семейной роли». Неуспешные приемные матери показывают более высокие показатели, чем успешные. Они в большей степени полагают, что ради ребенка следует идти на любые жертвы, ограждать их от всего негативного. Но при этом они проявляют амбивалент-

^{* —} значимые различия для α ≤ 0,05.

 Таблица 2

 Сравнительный анализ признаков шкал родительских установок по методике PARI (средние значения)

Шкалы	Успешные приемные матери	Неуспешные приемные матери	t-критерий Стьюдента эмп.
«Отношение к семейной роли» В том числе:			
Зависимость от семьи	11	19	3,9*
Ощущения самопожертвования	12	20	4,34*
Семейные конфликты	10	11	0,54
Сверхавторитет родителей	14	18	2,17*
Неудовлетворенность ролью хозяйки дома	9	18	4,88*
Безучастность мужа	11	18	3,8*
Доминирование матери	8	16	3,9*
Несамостоятельность матери	16	17	0,49
«Оптимальный эмоциональный контакт» В том числе:			
Вербализация	17	9	4,34*
Партнерские отношения	12	9	1,63
Развитие активности ребенка	16	15	0,54
Уравненные отношения	16	13	1,63
«Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» В том числе:			
Раздражительность	10	18	4,34*
Излишняя строгость	11	19	4,34*
Уклонение от конфликта	12	14	0,97
«Излишняя концентрация на ребенке» В том числе:			
Чрезмерная забота	10	19	4,88*
Подавление воли	15	18	4,34*
Опасение обидеть	14	15	0,54
Исключение внутрисемейных влияний	10	14	1,95
Подавление агрессивности	13	16	1,46
Подавление сексуальности	11	16	2,71*
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	11	15	2,17*
Стремление ускорить развитие ребенка	13	14	0,49

Т-критерий Стьюдента крит. = 1,98.

^{* —} значимые различия для $\alpha \le 0.05$.

Параметры самооценивания	Успешные приемные матери	Неуспешные приемные матери	t-критерий Стьюдента эмп.
Отношение к воспитанию	18	9	4,88*
Отношение к биологическим потребностям	12	15	1,46
Отношение к наказанию	17	9	4,34*
Отношение к ответственности	17	10	3,8*
Отношение к личностному росту	16	6	5,42*

Т-критерий Стьюдента крит. = 1,98.

ность в восприятии семейной роли (самопожертвование и одновременно неудовлетворённость ролью хозяйки дома). Они в большей степени склонны к позициям сверхавторитета, доминирования матери, отмечая при этом безучастность мужа.

Также выявлены статистически значимые различия по показателям, характеризующим общее отношение родителей к ребенку и раскрываемым в шкалах «Оптимальный эмоциональный контакт» (у успешных приемных матерей выше показатель вербализации), «Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» (у неуспешных приемных матерей выше показатели раздражительности и излишней строгости), «Излишняя концентрация на ребенке» (у неуспешных приемных матерей выше показатели чрезмерной заботы, подавления воли, подавления сексуальности, чрезвычайного вмешательства в мир ребенка).

Таким образом, неуспешные приемные матери в меньшей степени, чем успешные, признают партнерство в отношениях с детьми, эмоционально дистанцированны, более раздражительны и строги по отношению к детям, склонны к гиперопеке и подавлению воли детей. Беседы подтверждают: неуспешная приемная мать относится к своим обязанностям как к тяжелой ноше, жертве, которая приносится ею во имя спасения детей. Однако за свою жертву женщина ждет платы в виде послушания и хорошего поведения детей. В том случае, когда дети не понимают и не ценят ее жертвы, наступает разочарование и ощущение напрасного труда.

Анализ *когнитивной* составляющей отношения к приёмным детям показал (табл. 3), что достоверные различия в образе хорошей приемной матери наблюдаются по всем шкалам, кроме биологических потребностей.

Женщины с успешным опытом воспитания более склонны к личностному росту, не только поощряют, но и наказывают детей. В беседах эти женщины указывают, что заключают своеобразный договор с ребенком, в результате которого

^{* —} значимые различия для α ≤ 0,05.

 $\it Tаблица~4$ Сравнительный анализ значений локуса-контроля, средние значения

Шкала/группа	Успешные приемные матери	Неуспешные приемные матери	t-критерий Стьюдента эмп.
Общая интернальность	24,90625	13,1981	4,23 *
Интернальность достижений	7,90625	5,670089	1,58
Интернальность неудач	10,5625	5,5625	3,54 *
Интернальность семейных отношений	6,40625	9,70625	2,03 *
Интернальность производственных отношений	9,570	6,3	1,989 *
Интернальность межличностных отношений	2,8125	2,8125	0
Интернальность здоровья	2,3125	2,3125	0

T-критерий Стьюдента кр. = 1,98.

 Таблица 5

 Распределение копинг-стратегий в группах успешных и неуспешных приёмных матерей

Копинг-стратегии	Успешные приемные матери	Неуспешные приемные матери	Значимость различий
Продуктивные	76%	0%	0,0001
Относительно продуктивные	24%	11%	0,11
Непродуктивные	0%	89%	0,0001

он может получать бонусы или терять их. Женщины этой группы отмечают: «На все должна быть реакция: помощь, совет, поддержка, направление». Успешные матери предъявляют требования к своим педагогическим знаниям, умениям и навыкам, что стимулирует их личностный рост («тот, кто мало знает, малому может и научить; должна быть тем, кого хочу сделать из ребенка»).

Поведенческие аспекты отношения представлены в табл. 4 и 5.

В табл. 4 сравниваются значения локуса контроля в указанных группах.

Как видно из табл. 4, успешные приемные матери имеют более высокие показатели общей интернальности. Они, как правило, более самодостаточны и ответственны, склонны контролировать негативно складывающиеся для них ситуации. Также они имеют более высокие показатели по шкале «Интернальность в производственных отношениях». Данный результат интересен в контексте

^{* —} значимые различия для α ≤ 0,05.

понимания воспитания приемных детей как особой профессиональной деятельности.

У неуспешных приемных матерей более высокий показатель интернальности в семейных отношениях, что согласуется с результатами по шкале «Отношение к семейной роли» (методика PARI, табл. 2).

Исследование копинг-стратегий показало, что успешные приемные матери используют в 76% случаев продуктивные копинг-стратегии: проблемный анализ, оптимизм, сотрудничество; неуспешные приёмные матери к ним не обращаются вообще — у них однозначно преобладают непродуктивные стратегии (растерянность, смирение) (табл. 5).

Успешные приемные матери из относительно продуктивных стратегий используют сохранение самообладания, диссимиляцию, а неуспешные приёмные матери—игнорирование, но по этой группе копинг-стратегий различий в целом нет.

Гипотеза исследования подтвердилась. Успешные приёмные матери обладают более высокой по сравнению с неуспешными матерями материальной мотивацией к созданию приемной семьи, у них более выражен защитный механизм интеллектуализации и оптимальный эмоциональный контакт с ребёнком (в аспекте вербализации); при самооценивании относительно образа хорошей приемной матери они демонстрируют более высокие показатели воспитания, наказания, ответственности, личностного роста; у них более высокие показатели общей интернальности, интернальности в области неудач и в производственных отношениях; они гораздо чаще используют продуктивные копинг-стратегии: проблемный анализ, оптимизм, сотрудничество.

Неуспешные приемные матери обладают более высокой культуральной и альтруистической мотивацией к созданию приемной семьи, имеют более высокие показатели защитных механизмов проекции и замещения, они в меньшей степени, чем успешные, признают партнерство в отношениях с детьми, эмоционально более дистанцированны, более раздражительны и строги по отношению к детям, склонны к гиперопеке и подавлению воли детей; у них более высокий показатель интернальности в области семейных отношений; они гораздо чаще используют непродуктивные копинг-стратегии (растерянность, смирение).

Полученные результаты могут использоваться при подготовке женщин к созданию приёмной семьи.

Библиографический список

- 1. Варга, А. Я. (2001). Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь.
- 2. Гусарова, Г. И., Шашарина, Е. Б. (2002). Опыт Самарской области по решению проблем социального сиротства детей. Самара: СамГУ.

- 3. Дубровина, И. В., Рузская, А. Г. (1990). *Психическое развитие воспитанников детского дома*. Москва: Просвещение.
- 4. Захаров, А. И. (1982). Психологические особенности восприятия детьми роли родителей. *Вопросы психологии*, 1, 59–68.
- 5. Зобков, В. А. (2011). *Психология отношения человека к деятельности: теория и практика*. Владимир: ВлГУ.
- 6. Исаев, Д. Н. (2005). Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь.
- 7. Кись, О. (2003). Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа. В Н. Л. Пушкарева (ред.) *Социальная история*. *Ежегодник 2003*. *Женская и гендерная история* (с. 156–172). Москва: Российская политическая энциклопедия.
- 8. Миневич, О. К. (2008). Психологические особенности развития отношений в приемной семье. *Вестник Тамбовского университета*, 8, 126–128.
- 9. Мясищев, В. Н. (1995). *Психология отношений. Избранные психологические труды.* Москва-Воронеж: МОДЭК.
- 10. Прихожан, А. М. Толстых, Н. Н. (2007). Психология сиротства. СПб.: Питер.
- 11. Столин, В. В. (1981). Семья как объект психологической диагностики и неврачебной психотерапии. В А. А. Бодалев (ред.) *Семья и формирование личности* (с. 26–38). Москва: НИИОП АПН СССР.
- 12. Филиппова, Г. Г. (2001). Материнство и основные аспекты его исследования в психологии. *Вопросы психологии*, 2, 22–37.
- 13. Фрейд, А. (1991). Введение в детский психоанализ. Москва: Просвещение.
- 14. Хеллингер, Б. (2001). Порядки любви. Разрешение системно-семейных конфликтов и противоречий. Москва: Изд-во Института психотерапии.
- 15. Чернышова, Л. А. (2004). Социально-психологическая адаптация ребенка в приемной семье и психокоррекционная помощь приемным семьям: дис. ... канд. психол. наук. Самара.
- 16. Япарова, О. Г. (2007). Психологические социальные особенности семей, берущих на воспитание приемных детей. В *Процессы модернизации отечественного образования*. *Материалы XIV международной конференции «Ребенок в современном мире. Образование и детство»* (с. 405–408). СПб.: Изд-во Политехнического университета.

Статья поступила в редакцию 05.02.2016.

PECULIAR FEATURES OF AN ADOPTIVE MOTHER'S ATTITUDE TOWARDS THE CHILD, DETERMINING THE SUCCESS OF HIS UPBRINGING IN A SUBSTITUTE FAMILY

Shcherbina S. M.

Shcherbina Susanna Muzekirovna, Crimean Engineering and Pedagogical University, 8, Uchebnyj per., Simferopol, 295015, Republic of Crimea, Russia, E-mail: susanna_sherbina@mail.ru.

The attitude of an adoptive mother to the child is considered as an interrelation of activities on the adopted child upbringing and the adoptive mother's dominant personality features (personality traits system), which arises and manifests itself in the course of this activity. The author distinguishes motivational, emotional, cognitive, behavioral components of the adoptive mother's attitude towards the child. The article aims to determine the characteristics of the relationship of the adoptive mother to the child, which determine the success of in-family upbringing. The sample included adoptive mothers (94 women) aged from 30 to 50 years, including those with successful experience in raising children - 58 women, and those with some unsuccessful experience in the raising children - 36 women. We used the expert evaluation method, the author's polling form "Portrait of an adoptive mother", the author's questionnaire "The motivation for the creation of a foster family", Plutchik-Kellerman's method of diagnosis of psychological defense typologies, E. Schaeffer and Robert Bell's PARI technique, level of subjective control technique, technique to identify individual coping- strategies (E. Haim).

The results of the empirical studies have shown that successful adoptive mothers have higher (compared to the unsuccessful mothers) tangible incentive for starting of a foster family, they have a more pronounced protective mechanism of intellectualization and optimal emotional contact with the child (in the aspect of verbalization), when self-evaluating their correspondence to the image of a good foster mother they demonstrate higher rates of education, punishment, responsibility, personal growth, they have higher rates of total internality, internality in failures and in industrial relations; they are much more likely to use productive coping strategies: problem analysis, optimism, cooperation. The results can be used in preparing women for setting up a foster family.

Key words: the I image of the adoptive mother, successful experience in upbringing, motivation, self-esteem, locus of control, psychological defense mechanisms, coping strategies.

References

- 1. Varga, A. Y. (2001). *Sistemnaja semejnaja psihoterapija* [Systemic family therapy]. Saint-Petersburg: Rech.
- 2. Gusarova, G. I. & Shasharina, E. B. (2002). *Opyt Samarskoj oblasti po resheniju problem social'nogo sirotstva detej.: nauchno-metodicheskoe posobie* [Samara Region experience in solving problems of social orphanhood of children: methodological handbook]. Samara: Publishing house of Samara State University.
- 3. Dubrovina, I. V., Ruzskaya, A. G. (1990). *Psihicheskoe razvitie vospitannikov detskogo doma* [Mental development of foster children in orphanage]. Moscow: Prosveschenie.
- 4. Zaharov, A. I. (1982). Psihologicheskie osobennosti vosprijatija det'mi roli roditelej [Psychological features of children's perception of parents' roles]. *Voprosyi psihologii* [Issues of psychology], 1, 59–68.
- 5. Zobkov, V. A. (2011). *Psihologija otnoshenija cheloveka k dejatel'nosti: teorija i praktika*. [The psychology of a man's attitude towards the activity: theory and practice]. Vladimir: Vladimir State University.
- 6. Isaev, D. N. (2005). *Jemocional'nyj stress, psihosomaticheskie i somatopsihicheskie rasstrojstva u detej* [Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children]. Saint-Petersburg: Rech.
- 7. Kis, O. (2003). Materinstvo i detstvo v ukrainskoj tradicii: dekonstrukcija mifa [Motherhood and childhood in the Ukrainian tradition: deconstruction of the myth]. V N.L. Pushkareva (editor). *Sotsialnaya istoriya. Ezhegodnik 2003. Zhenskaya I gendernaya istoriya* [Social history. Yearbook 2003. Women's and gender history] (pp. 156–172). Moscow: Rossiyskaja politicheskaja enciklopediya.

- 8. Minevich, O. K. (2008). Psihologicheskie osobennosti razvitija otnoshenij v priemnoj sem'e [Psychological features of development of relations in a foster family]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University], 8, 126–128.
- 9. Myasischev, V. N. (1995). *Psihologija otnoshenij. Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of relations. Selected psychological works]. Moskva-Voronezh: MODEK.
- 10. Prihozhan, A. M. & Tolstyih, N. N. (2007). *Psihologija sirotstva* [Psychology orphanhood]. Saint-Petersburg.: Piter.
- 11. Stolin, V. V. (1981). Sem'ja kak ob'ekt psihologicheskoj diagnostiki i nevrachebnoj psihoterapii [Family as an object of psychological diagnosis and non-medical psychotherapy]. V A.A. Bodalev (editor). Sem'ja i formirovanie lichnosti [Family and personality formation] (pp. 26–38). Moscow: Research and Development Institute of General Pedagogy of the USSR Academy of Pedagogic Science.
- 12. Filippova, G. G. (2001). Materinstvo i osnovnye aspekty ego issledovanija v psihologii [Motherhood and the main aspects of its studying in Psychology]. *Voprosyi psihologii* [Issues of Psychology], 2, 22–37.
- 13. Freyd, A. (1991). *Vvedenie v detskiy psihoanaliz* [Introduction to child analysis]. Moscow: Prosveschenie.
- 14. Hellinger, B. (2001). *Porjadki ljubvi. Razreshenie sistemno-semejnyh konfliktov i protivorechij* [The orders of love. Resolving of systemic-family conflicts and contradictions]. Moscow: Publishing house of Psychotherapy Institute.
- 15. Chernyishova, L. A. (2004). *Social'no-psihologicheskaja adaptacija rebenka v priemnoj sem'e i psihokorrekcionnaja pomoshh' priemnym sem'jam* [Socio-psychological adaptation of a child in a foster family and psycho-correctional support to foster families]: dissertation ... candidate of Philosophy. Samara.
- 16. Japarova, O. G. (2007). Psihologicheskie social'nye osobennosti semej, berushhih na vospitanie priemnyh detej [Psychological social characteristics of families adopting children]. V Processy modernizacii otechestvennogo obrazovanija. Materialy HIV mezhdunarodnoj konferencii "Rebenok v sovremennom mire. Obrazovanie i detstvo" [The processes of modernization of national education. Proceedings of the XIV International Conference "Child in the modern world. Education and Childhood"] (pp. 405–408). Saint-Petersburg: Publishing house of Polytechnic University.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КИБЕРМОББИНГА НА СУИЦИДАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Чепелева Л. М., Дружинина Э. Л.

Чепелева Лада Металловна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: lada-chep@mail.ru

Дружинина Элла Леонидовна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: e-m-i-l-i-y-a-l-e-v@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению информационной безопасности в средствах массовой коммуникации как важного аспекта профилактики и предупреждения суицидальной активности в подростковой среде. Под информационной безопасностью понимается защищенность от негативных психологических воздействий и угроз неискушенной аудитории детей и подростков, воспринимающих всевозможные и разнородные сведения из ресурсов масс-медиа. В статье анализируются такие вопросы, как влияние получаемой информации на несовершеннолетних в результате просмотров телепередач и фильмов со сценами насилия; рассматриваются нарушения психоэмоционального и психосоматического состояния у подростков—участников деструктивного онлайн общения; анализируется происхождение парадоксального отношения к суициду у юных посетителей «суицидальных сообществ» и возникновение нетипичных причин суицидальной активности среди молодежи. Ключевой задачей является исследование кибермоббинга и его влияния на психоэмоциональное состояние подростков.

Кибермоббинг осуществляется в информационном пространстве через информационно-коммуникационные каналы и средства. Изначально категорию «моббинг» ввел в научный оборот Ханц Лейман в 1980 г. (Алтухова, 1998). Понятие «моббинг» или «буллинг» несет в себе такие смыслы, как психологическое насилие в коллективе, причинение неудобства, постоянное преследование. Под кибермоббингом подразумевается вовлечение подростка в дружеские отношения в социальных сетях с целью психологического давления и насилия. Эффект «псевдодружбы» длится достаточно долго и имеет такую разрушительную силу, что у жертвы появляются мысли о самоубийстве. Предполагается, что нынешняя информационная политика СМИ является одним из существенных факторов, наносящим вред психическому и духовно-нравственному развитию ребенка. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление доминирующих личностных особенностей с целью дальнейшего прогноза суицидального риска у современных подростков. На выборке (n = 755) подростков 13-17 лет, проведено измерение психологических характеристик с помощью тестирования опросниками ММРІ, ПДО А.Е. Личко, 16РГ Р. Кэттелла. Установлено, что у внушительной части обследованных подростков преобладают такие черты, как эгоцентризм, высокое самомнение, отчужденность, тревожность, нервно-психическая неустойчивость, ригидность, социальная пассивность. В наибольшей степени у подростков встречается негативный эмоциональный фон, затем стремление к удовольствиям, нетерпимость к ущемлению своих интересов, избегание трудностей и ответственности и незначительная часть обследуемых подростков имеет позитивный эмоциональный фон. Кластерный и факторный анализ позволили выделить респондентов с различным уровнем суицидальной активности. Результаты обследования личностных качеств подростков группы суицидального риска указывают на превалирование акцентуаций эпилептоидного и шизоидного типов (злобно-тоскливая окраска настроения, раздражительность, вязкость, инертность, оторванность от внешнего реального мира). В целом наблюдается картина трансформации позитивных представлений и потребностей у современных подростков в сторону пустоты и тлетворности. Снижение нервно-психической устойчивости и смещение духовных ценностей в информационно-деструктивное пространство. Сделан вывод о возможности повышения уровня профилактики суицидального поведения среди подрастающего поколения на основе контроля и цензуры получаемой информации в социальных сетях и активного преодоления кибермоббинга.

Ключевые слова: подростки, суицидальная склонность, СМИ, информационная безопасность, интернет-ресурсы, виртуальное мышление, кибермоббинг, цензура и контроль информации родителями.

Одной из острейших проблем современного российского общества является сохранение суицидальной ориентации среди молодежи. Вне зависимости от степени превентивной и профилактической работы педагогов, психологов, специалистов здравоохранения и социальных служб с семьями и подростками группы риска, подростковые самоубийства не утрачивают своей актуальности (ВОЗ, 2000; Гроллман, 2001). Проблема высокого уровня суицидальной активности в молодежной среде в настоящее время подвергается усиленному и многостороннему рассмотрению (Амбрумова, Трайнина, Ратинова, 1990). Проведенные исследования позволяют различать многочисленные факторы, побуждающие подростка к суициду: конфликты в семье и школе, унижения со стороны сверстников, несформированность компенсаторных механизмов, проблемы, связанные с возрастными изменениями (Пятунин, 2010; Змановская, 2006; Амбрумова, 1990). Среди личностных характеристик, которые могут послужить основой для совершения суицидальной попытки, называются ригидность, зависимость от других, напряженность потребностей, вязкость реагирования, присоединение невротических элементов, депрессивной симптоматики, психосоматические нарушения (Малкина-Пых, 2005; Короленко, Галин 1978; Кулаков, 2004; Сандомирский, 2007; Менегетти, 2004; Kreitman,1977). В науке также проработан аспект детско-родительских отношений и влияние деструктивных стратегий семейного воспитания на невротизацию, и психологическое истощение ребенка (Синягин, Синягина, 2006; Карцева, 2003; Эйдемллер, Юстицкис, 2001; Кэмпбелл, 2000; Кон, 1997). В ряде социологических исследований отмечается, что отношение к суициду задается обществом в соответствии с приемлемыми и распространенными в нем традициями, нормами, доминирующим мировоззрением (Ядов, 1994; Клейберг, 2008; Позднякова, Хагуров, 2012; Волосков, 2009; Дюркгейм, 1998; Giddens, 1966; Шереги, 2010). Несмотря на многоплановый подход и высокий интерес к данному феномену в науке, многие аспекты суицидального поведения всё ещё остаются недостаточно изученными,

что затрудняет практику его предотвращения. Это касается в том числе и погруженности родителей в жизнь и деятельность детей, заинтересованности членов семьи в безопасности получаемой ребенком информации из средств массовой коммуникации.

Публикации по данной проблеме (Чепелева, Дружинина, 2012; 2014; Дружинина, 2010; 2011; Хагуров, Чепелева, Войнова, Резник, 2011) обнаруживают содержательную универсальность предмета исследования, в котором одним из существенных факторов выдвигается право на информационную безопасность. Данным понятием обозначается особая характеристика воспитания детей в семье, направленная на контроль, проверку, отбор и совместный качественный анализ потока информации из средств массовой информации, с одной стороны. С другой стороны, подразумевается осуществление более глубокой и детальной процедуры перестройки взаимоотношений подростка с родителями. Главным новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости, подросток стремится к освобождению установленных родителями правил и порядков. Поэтому важно понимать, что как либеральная все-терпимость, так и непререкаемая авторитарность вызовут либо протест и агрессию, либо привычную апатию и пассивность.

Содержательный анализ проблемы показывает, что охрана детства и юношества в РФ находится в ведении ряда разделов права и прежде всего Семейного кодекса, который возлагает основную ответственность на законных представителей (родителей, опекунов). То есть суицидальные попытки или совершенный суицид — это проблема семьи, которую близкие не смогли предотвратить. Вопросами защиты несовершеннолетних со стороны государства занимаются институты Ювенальной юстиции. Ювенальные технологии — это комплекс мер, нацеленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, содействующих раскрытию их индивидуального потенциала для свободного развития в обществе и самостоятельного отказа от асоциального поведения. Термин «ювенальные технологии» (2008) введён в правовой оборот Верховным судом Российской Федерации. Действующие сегодня в России ювенальные технологии сформировались с принятием Государственной думой 2 законов: 1) ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ; 2) ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ. Хотя эти институции в определенной мере защищают законные интересы семьи и детства (например, учитывая уже функционирующую маркировку телепередач значками разрешенности к просмотру 5+ или 16+ и т.д.), однако вопрос о праве на информационную безопасность остается открытым.

С недавнего времени современные ученые уделяют пристальное внимание информационным ресурсам (Интернету, телевидению и др.), из которых извлекают многообразные знания молодежь и подростки. Исследования в этой области по-

казывают, что содержание сети удовлетворяет все возможные запросы интернетпотребителя: можно получить информацию на любые темы, в том числе и касающуюся самоубийств, порнографии, осведомленности о действии тех или иных наркотиков. Психологи пытаются оценить степень влияния освещаемых в средствах массовой информации конкретных фактов насилия на формирование и укрепление в психике молодых людей любых форм девиантного поведения. Существует немало свидетельств, подтверждающих, что некоторые формы документальных сообщений о самоубийствах, изображение суицидального поведения в СМИ и интернете связаны со статистически достоверным ростом уровня самоубийств. Известно, что уровень самоубийств бывает повышенным в течение 10 дней после телевизионных сообщений о случае суицида (Philips, 1992). Частые показы проявлений насилия и жестокости по телевидению способствуют снижению интеллектуального уровня, продуцируют интенсивные извращенные образные впечатления, воспитывают нравственную вседозволенность, формируют девиантные и делинквентные формы поведения у несовершеннолетних (ВОЗ, 2000). Соответственно, можно утверждать, что оценка обществом безнравственности, распущенности и насилия становится в определенном смысле поведенческой нормой и качественно изменяет условия социализации личности. Подвижная и неустойчивая психика подростков ежедневно подвергается информационной атаке, и надо отдавать себе отчет, что в любой воспринимаемой ими информации, несущей программу агрессии или аутоагрессии, в структуру личности соответственно встраивается компонент насилия. Детские психиатры отмечают очевидный факт, что показ боевиков, фильмов-ужасов способствует взращиванию агрессии (Schmidtke, Hafner, 1988; Hawton, 1995). После просмотра сцен насилия, многие дети и подростки испытывают всплеск социально-патологической формы поведения, основанной на депрессивности, приводящей впоследствии к эмоциональному очерствению и притуплению нравственных качеств личности (Philips, Lesnya, Paight, 1992).

О характерологических видоизменениях у современных подростков свидетельствуют результаты нашего исследования за период с 2010 по 2014 г., состоявшего из нескольких этапов. Начальный этап (2010–2011 гг.) предусматривал проверку, диагностику и анализ особенностей личности подростков, не вызывавших суицидальных опасений, и подростков с суицидальной склонностью. Первый шаг — ориентировочный — предполагал проведение пилотажного исследования (n=755), с целью выявления психологических характеристик в общей выборке учащихся. При помощи методик «ММРІ Мини-Мульт» Д. Мак-Кинли, С. Хатауэй, Патохарактерологического диагностического опросника (ПДО) А. Е. Личко и 16РF опросника Р. Кэттелла были обследованы респонденты 13–14 лет (n=281),15–16 лет (n=350) и 17 лет (n=124). Собранные материалы были проанализированы и респонденты распределены на группу суицидального риска (n=210) и группу, не вызывавшую суицидальных опасений, — обычных подростков (n=545). Группа суицидального риска была, в свою очередь, разделена на подгруппы по уровням выраженности суицидальной предрасположен-

ности: высокий суицидальный риск — попытки (n=17), средний суицидальный риск — угрозы (n=52), низкий суицидальный риск — высказывания (n=141). При анализе данных использовались корреляционный анализ (по Р. Пирсону) и кластерный анализ.

В итоге были эмпирически установлены статистически значимые связи шкалы суицида и индивидуально-личностных черт респондентов группы суицидального риска. Так, у девочек с суицидальной склонностью шкала суицида статистически значимо коррелирует ($p \le 0,001$) с социальной пассивностью (r = 0,51), эмансипацией (r = 1,0), ригидностью (r = 0,50), экспрессивностью (r = 1,0), эгоцентризмом (r = 0,63), возбужденностью (r = 0,87). У мальчиков с суицидальной склонностью шкала суицида статистически значимо коррелирует ($p \le 0,001$) — с независимостью (r = 0,71), супер-Эго (r = 0,97), социальной пассивностью (r = 0,57), радикализмом (r = 0,70), чувствительностью (r = 0,61), высоким самомнением (r = 0,97), эгоцентризмом (r = 0,92), экспрессивностью (r = 1,0), употреблением ПАВ (r = 1,0). Представляется, что указанные личностные особенности могут повышать уровень психологического напряжения и влиять на формирование суицидальной предрасположенности у данной категории подростков.

Второй шаг — уточняющий — сводился к изучению компонентного состава и внутренней структуры суицидальной предрасположенности. Понятие «суицидальная предрасположенность» (Амбрумова, 1990) подразумевает склонность человека к убежденности, что в создавшихся невыносимых условиях уход из жизни будет единственно верным и доступным способом решения проблем. Особенно это понятие применимо к подростковому возрасту с неуравновешенной психикой, когда реакция на трудные жизненные ситуации бывает острой, а ощущение нарастающего психологического дискомфорта приводит к неадекватному, пессимистическому восприятию действительности. В этом возрасте суицидальные проявления отличаются многообразием — мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки, покушения.

С помощью факторного анализа выяснилось, что первая группа переменных имеет самые высокие нагрузки и отражает у респондентов с суицидальной предрасположенностью определенную структуру личностных характеристик: эгоцентризм, эмансипация, тревожность, ригидность, радикализм, экспрессивность, доминантность, возбужденность, социальная пассивность, высокое самомнение. В результате выявлена слабая зависимость между суицидальностью и депрессией $r \leq 0.25$. Вторая группа показывает, что деструктивные психологические конструкты, предрасполагающие подростков к суицидальной активности, напрямую зависят от взаимоотношений в семье. Третья группа представлена общими факторами или некоррелированными случайными величинами с дисперсией.

Результаты исследований и многократные беседы с подростками группы суицидального риска позволили охарактеризовать психологическую модель черт личности. У данной категории несовершеннолетних выражены: психологическая отчужденность, склонность к манипулятивному поведению, несформированность регуляторных компонентов, отсутствие самоанализа, самоконтроля, целей, навыков планирования, инфантилизм, негативное эмоциональное восприятие событий, отстраненность от ответственности, стремление к получению удовольствий, завышенные притязания, нетерпимость при неудовлетворенности потребностей, избегание волевого преодоления возникающих трудностей, аффективные реакции.

Третий шаг — сравнительный — рассматривались нарушения в детско-родительской системе отношений и их взаимосвязь с суицидальной предрасположенностью у подростков. Исследование с помощью методики «Подростки о родителях» (ПоР) Л. И. Вассермана, И. А. Гарькавой, Е. Е. Ромициной показывает высокий уровень директивности (75%), враждебности (80%), непоследовательности (85,7%) родителей по отношению к подросткам группы суицидального риска. Показатель директивности и враждебности родителей по отношению к мальчикам выше на 8,6%, чем к девочкам. Показатель непоследовательности применяемых родителями воспитательных мер по отношению к девочкам на 20% выше, чем к мальчикам. Регистрировались низкие показатели шкалы позитивного интереса родителей по отношению к респондентам: к девочкам (5,5%), к мальчикам (10,1%); к мальчикам позитивный интерес на 22,1% выше, чем к девочкам. Высокий показатель по шкале автономности по отношению к мальчикам (79,3%), к девочкам (85,2%). Обобщая результаты исследования, следует признать, что обеднение и формализация детско-родительского общения, исчезновение совместных форм полезной деятельности отрицательно влияют на формирование личности детей и их психологическую выносливость.

Анализ экспертами запросов родителей к психологам с жалобами на суицидальные угрозы их детей за 2014, 2015 гг. показывает, что участились обращения подростков — жертв интернет-общения, повысился уровень психосоматических жалоб от подростков. В состав экспертов из пяти человек вошли три психолога, специализирующихся в области медицинской, социальной и педагогической психологии, врач психиатр, специалист ОПДН ОВД. Обследованы 9 респондентов с суицидальной активностью (7 девочек и 2 мальчика), возраст 11–13 лет. Предварительное медицинское обследование острых, хронических заболеваний и наследственной психопатологии у респондентов не выявило.

Поводом первичного обращения родителей за психологической помощью к специалистам являлась суицидальная угроза (попытка) ребенка, замкнутость, нарушение детско-родительского взаимодействия, отказ от учебы, навязчивые идеи, страх преследования. Выявленной причиной суицидальной активности подростков являлась полная утрата смысла собственного существования.

Психосоматическое состояние сопровождалось реакциями:

– нарушение питания: тошнота, рвота, нарушение вкусовых предпочтений;

- жалобы на боли в животе, головные боли, головокружение, сухость во рту;
- жалобы на нарушение сна, сдавленность в груди, тяжесть дыхания, кашель;
- тремор рук, красная сыпь на коже, зуд, шелушение или жжение кожи.

Психоэмоциональное состояние респондентов демонстрировало:

- трудности в установлении контакта, неустойчивость контакта;
- немотивированную агрессию к окружающим, в том числе и к родителям;
- погружение в состояние нескончаемого страдания, драматизация любых происходящих событий;
- расторможенность, тревожность, раздражительность, подавленность, трудности при концентрации внимания, мнемические нарушения;
- гиперболизацию собственной инфантильности (нежелание слушать собеседника, анализировать, сравнивать, воспринимать новую информацию, искать причинно-следственные связи, делать над собой какое-либо усилие);
  - пренебрежение к своей внешности, несоблюдение гигиенических норм.

Приведём примеры, иллюстрирующие причины суицидальных намерений и попыток.

Девочка 13 лет — гибель «объекта любви», которого никогда не видела.

Девочка 13 лет — страх преследования. Ее парень — потомственный колдун, всюду наблюдает за ней на расстоянии, знает о ней все. В случае ее «непослушания» влияет на нее так, что у девочки возникает рвота, головные боли, судороги, сыпь на коже. Общение ВКонтакте.

Четыре девочки 11–13 лет — участницы суицидальных форумов.

Девочка 12 лет — общение в контакте с другом, поиск поддержки и любви. Постепенно возникали оскорбления, угрозы, запугивание, шантаж.

Мальчик 11 лет. Насильственные действия по отношению к сверстницам. Общение на форумах с неизвестными собеседниками на непристойные темы.

Мальчик 13 лет — инцест с сестрой. Общение на порносайтах.

Очевидно, что самый большой риск возникает, когда подросток бесконтрольно посещает такие сообщества, как суицидальные сайты, сатанинские культы, может встретиться с опасными людьми и может быть вовлечен в азартные игры или интимные отношения в Интернете. На разнообразных сайтах и форумах, в том числе и суицидальных, подростки знакомятся, находят собеседников, вместе решают возникающие проблемы, получают психологическую поддержку.

Кибермобберы (лица, скрывающиеся за ником или маской) вначале располагают к себе жертву, выстраивают фальшивые дружеские или романтические отношения, чтобы лучше узнать личную, интимную информацию. Далее производится психологическое давление: насмешки, провокации, нападки, ущемляющие честь и достоинство личности, прямые оскорбления, запугивание, бойкот или демонстративное игнорирование, распространение заведомо ложной информации о подростке.

Координатор Центра безопасного Интернета в России Урван Парфентьев (saferunet.ru/expert/events) на конференции, посвященной главным причинам суицидов среди подростков, заявил, что 43% звонков по «Телефону доверия» связаны с «киберунижением» со стороны виртуальных собеседников. В результате агрессивных «кибер-атак» и незнания, кем является тот, «другой», кто третирует, подросток лишается покоя и возможности формировать нормальные социальные способности. Возможность без ограничений находиться в социальных сетях в Интернете подавляет у детей активную жизненную позицию. В личностном становлении и социализации преобладает иллюзорность и виртуальные практики, а возникающие трудности преодолеваются путем фантазийной активности. Так же, как и многократное прослушивание, просматривание информационного материала, несущего в себе парадоксальное, утверждающего красоту безобразного, нормальность ненормального, возможность невозможного, терпимость нетерпимого, уродует эмоциональную и ценностно-смысловую сферы, искажает психику формирующейся личности.

В ходе исследования комментариев подростков, участвующих в суицидальных форумах, представилась возможность отразить суть измененного восприятия ими окружающих событий и окружающего мира.

Приведём примеры искаженного восприятия подростками уродливого.

«Мне этой жути иногда не хватает».

«Фото качественное, оттенки красивые, у повешенной воротник немного грязный, в полный рост лучше бы смотрелась, красивое искусство».

«Жажду в ужасах всё равно не утолила».

«Подскажите, как покончить с собой, чтобы о тебе говорила вся страна».

«Легкое самоубийство для трусов. Подумаешь, безболезненно помер, никто и не вспомнит, а вот если с кровищей, и чтобы медленно и публично, чтобы все видели, вот это называется "уйти, громко хлопнув дверью"».

«Причинение кому-то боли просто забирает мою боль».

«Удивили! Зайдите на сайт rottendotcom, психоделические картинки расчлененных тел вам пощекочут нервы».

Рассуждения о смысле жизни.

«В чем смысл жизни? В понимании ее ненужности?»

«Чем старше, тем становится все более пусто».

Примеры инфантилизации и безответственности.

«Время показывает, что учиться я не в состоянии. Я превратилась в амёбу».

«Мысль о принуждении себя что-то делать — невыносима».

«Столько кругом неудобств, жизнь должна проходить без напряга».

Было установлено, что без особого труда можно найти в Интернете суицидальные сайты и форумы, на которых разрешено открытое обсуждение способов суицида, содержащих ненормативную лексику и сексуальные сцены откровенного характера. Вследствие изучения взаимодействия участников суицидальных тусовок выяснилось, что члены со-сообществ пользуются при общении специфической терминологией и понятиями. Например, вскрыть вены (вскрыться), депрессия (депра), активный противник самоубийства (жизнелюб), сайт «Мой Суицид» (МС), суицид (суи, су, СУ, с/у); самоубийца (сушник), популярный яд — фенобарбитал (фен).

Появившиеся в конце 1990-х гг. интернет-клубы самоубийц получили широкое распространение, а свободный доступ к Интернету не исключает возможность негативного влияния такого рода информации на самые подверженные суицидальным рискам слои современного общества. Спорным является вопрос о публикации и обсуждении в сети суицидальных эксцессов: одни отмечают пользу проговаривания своих проблем, другие говорят о «заразности» суицидального настроения и возможности координированных самоубийств. Надо отметить, что обе точки зрения имеют под собой основу.

Однако необходимо понимать, что соответствующие представления, устремления, духовные ценности и прочие психические образования у подростков зависят от уровня психологической готовности воспринимать и дифференцировать информационный поток. Для формирующейся личности высокая готовность к агрессивному или аутоагрессивному поведению может рассматриваться в ряде случаев как результат особого развития личностных адаптационных схем, включающих в себя особенности самоотношения субъекта. Поэтому только специально организованное расширение диапазона освоенных личностью способов самореализации в социальной среде может снизить ее готовность к аутоагрессивным или агрессивным способам взаимодействия (Чепелева, 2001).

Таким образом, важно признать, что, с одной стороны, задача СМИ заключается в создании новых настроений, способствующих популярности жизнестойкости и здорового образа жизни у российских граждан и их детей. Новые реформы в средствах массовой коммуникации с целью повышения уровня нравственности, духовности, целеустремленности, самодисциплины в значительной степени привлекут собственные психологические ресурсы среди самых разных возрастных категорий общества, включая молодежь и детей.

С другой стороны, необходимо внести свои коррективы в модернизацию как межличностных отношений родителей и подростков, так и способов защиты от негативного информационного влияния. Так как главным новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости, подростки начинают добиваться расширения своих прав и нередко начинают предъявлять к родителям завышенные требования. В психологии родителей, не желающих замечать из-

менения внутреннего мира подростка, отношение сохраняется к нему, как к маленькому ребенку, с позиции власти, распорядителя благ, наказаний и поощрений. Характер внутрисемейных отношений и семейного воспитания очень тесно связан со стилем общественных отношений вообще. Поэтому либеральные или пассивные и незаинтересованные родители не могут быть предметом подражания и идентификации. Авторитарный стиль отношений в подростковом возрасте является порождением конфликтов. Демократический стиль в наибольшей степени способствует воспитанию самостоятельности, активности, инициативности и социальной ответственности подростка. Разные способы родительского контроля будут менее болезненно восприниматься подростком, если:

- власть используется лишь в меру необходимости;
- в ребенке ценится как послушание, так и независимость;
- родитель устанавливает правила и твердо проводит их в жизнь, но не считает себя непогрешимым;
- родитель прислушивается к мнениям ребенка, но не исходит только из его желаний;
  - родитель всегда объясняет мотивы своих требований;
  - интересуется не только одними отметками, но и его делами вообще;
  - чаще уделяет время разговору по душам с подростком;
- спрашивает мнение по поводу семейных дел, т.е. дает понять значимость мнения подростка, подчеркнув его взрослость.

Окружающую действительность ребенок вначале оценивает глазами родителей, равно как интересы, представления, устремления, потребности, ценностные ориентации зависят от того, что ребенок впитывает, видит и слышит в семье. В связи с этим личностные адаптационные схемы ребенка, освоение способов самореализации, отбор, дифференциация и оценка информации будут формироваться с помощью родителей. В современных условиях невозможно изолировать детей от современных информационных технологий. Однако могут быть продуманы различные пути нейтрализации негативного информационного влияния:

- выработка культуры общения с компьютером подростка и получение необходимой и полезной информации; установка четких правил использования Интернета и обязательное их выполнение;
- использование различных контроль-программ, умеющих отличать учебный процесс от игровой деятельности;
- расположение техники там, где легче всего контролировать ее использование несовершеннолетним.

Библиографический список:

- 1. Амбрумова, А. Г., Трайнина, Е. Г., Ратинова, Н. А. (1990). *Аутоагрессивное поведение подростков с различными формами социальных девиаций. Т. 1*, (с. 105–106). Шестой Всероссийский съезд психиатров. Томск.
- 2. Алтухова, Г.А. (1998). Моббинг как этическая проблема. Библиотековедение, 2, 63-70.
- 3. Менегетти, А. (2004). *Психосоматика*. Москва: ННБФ «Онтопсихология».
- 4. Волосков, И. В. (2009). Особенности социализации учащейся молодежи. *Социологические исследования*, 6, 107–109.
- 5. Всемирная организация здравоохранения (2000). *Превенция самоубийств*. *Руководство для специалистов средств массовой информации*. Женева.
- 6. Гроллман, Э. (2001). Суицид: превенция, интервенция, поственция. В *Суицидология*. *Прошлое и настоящее* (с. 280–282). Москва.
- 7. Дружинина, Э. Л. (2012, Ноябрь). Подростковый суицид как многофакторное явление. Краснодар. Психотерапия. Научно-практический журнал. Системные факторы развития психотерапии, практической и консультативной психологии на юге России, 57.
- 8. Дружинина, Э. Л. (2012, Октябрь). Особенности психологической помощи в ЧС. В *Психотерания*, практическая и консультативная психология Сплетение судеб. Киев.
- 9. Дюркгейм, Э. (1998). Самоубийство. Социологический этюд. В Вал.А. Луков *Психология и социология: страницы классики* (с. 336). СПб.: Союз.
- 10. Карцева, Л. В. (2003). Модель семьи в условиях трансформации российского общества. *Социологические исследования*, 7, 92–99.
- 11. Кон, И. С. (1997). Вкус запретного плода. Москва: Семья и школа.
- 12. Короленко, Ц. П. Галин, Л. А. (1978). К вопросу о выделении больных с повышенным суицидальным риском по психологическим критериям. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 3 (10), 426–430.
- 13. Клейберг, Ю. А. (2008). Психолого-педагогические проблемы социализации и ресоциализации девиантных подростков. Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Университет МВД России. Краснодар.
- 14. Кулаков, С. А. (2004). Практикум по клинической психологии и психотерапии подростков. СПБ.: Речь.
- 15. Кэмпбелл, Р. (2000). *Как любить своего подростка. Педагогика. Психология.* СПб.: Мирт.
- 16. Малкина-Пых, И. Г. (2005). Психосоматика. Москва: ЭКСМО.
- 17. Позднякова, М.Е. Хагуров, Т. А. (ред.). (2012). На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России. Краснодар: Изд-во КубГУ.
- 18. Пятунин, В. А. (2010). Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. Ч. 1. Москва: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия».
- 19. Сандомирский, М. Е. (2007). Психосоматика и телесная психотерапия: Практическое руководство. Москва: Библиотека психологии и психотерапии.

- 20. Синягин, Ю. В., Синягина, Н. Ю. (2006). *Детский суицид: психологический взгляд*. СПб.: КАРО.
- 21. Хагуров, Т. А., Чепелева, Л. М., Войнова, Е. А., Резник, А. П. (2011). *Трудные подростки: опыт социологического исследования нормативного сознания и образа жизни региональной молодежи 2000-х.* Краснодар: Холидэй.
- 22. Чепелева, Л. М., Дружинина, Э. Л. (2014). Причины выбора суицидального поведения современными подростками. *Общество и право*, 3, 242.
- 23. Чепелева, Л. М., Дружинина, Э. Л. (2012). Значение психологической отчужденности родителей и детей в формировании суицидальной склонности подростков. *Теория и практика общественного развития*, 3, 411.
- 24. Чепелева, Л. М. (2001). *Агрессивность и особенности самосознания личности подростка*: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар.
- 25. Шереги, Ф. Э. (2010). Молодежь России: социологический портрет. Москва: ЦСПиМ.
- 26. Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис, В. (2001). Психология и психотерания семьи. СПб.: Питер.
- 27. Ядов, В. А. (1994). Социальная идентификация в кризисном обществе. Социологический журнал, 1, 35–52.
- 28. Kreitman, N. (1977). Paraauicide. Clichester: John Wileyand Sons.
- 29. Giddens, A. (1966). Typology of suicide. *Sociology. Wikipedia, the free encyclopedia. Archives of European Sociology*, 7, 276–295. Retrieved from: http://www.medscape.com/viewarticle/461953.
- 30. Hawton, K. (1995). Media Influences on Suicidal Behavior in Young People. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 16 (3), 100–101. Retrieved from: http://psychlib.ru/mgpp/periodica/SZP012013/szp-1001.htm
- 31. Philips, D. P., Lesnya, K. & Paight, D. J. (1992). Suicide and media. Assessment and prediction of suicide. New York: Guilford.
- 32. Schmidtke, A. & Hafner, H. (1988). The Werther effect after television films: New evidence for an old hypothesis. *Psychological Medicine*, 18 (3), 665–676.

Статья поступила в редакцию 18.02.2016.

IMPACT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND KIBERMOBBING ON THE SUICIDAL TENDENCIES IN THE TEENAGERS' SOCIAL GROUP

Chepeleva L.M., Druzhinina E.L.

Chepeleva Lada Metallovna, Kuban State University, 149 Stavropol'skaja Str., Krasnodar, 350040, Krasnodar region, Russia. E-mail: lada-chep@mail.ru

Druzhinina Ella Leonidovna, Kuban State University, 149 Stavropol'skaja Str., Krasnodar, 350040, Krasnodar region, Russia. E-mail: e-m-i-l-i-y-a-l-e-v@rambler.ru

The article considers information security in the mass communication media as an important aspect of preventive measures and suicide prevention activity in teenagers' social group. Information security implies protection of inexperienced audience of children and adolescents, perceiving heterogeneous information of all kinds from mass media sources, from negative psychological impacts and threats. The article examines such issues as impact of information that minors receive as a result of watching TV shows and movies containing violent

scenes; considers emotional and psychosomatic disorders that peculiar to teenagers participating in destructive online communication; studies the origins of the paradoxical attitudes to suicide among young visitors of "suicidal" communities and the emergence of atypical causes of suicide among the youth. The key task is to study the cyber-mobbing and its influence on psycho-emotional condition of teenagers.

Cyber-mobbing is carried out in cyberspace via information and communication channels and means. Originally Heinz Leymann introduced "mobbing" category to the scientific community in 1980 (Altuhova G.A., 1998). The notion of "mobbing" or "bulling" infers such notions as psychological abuse, discomforting, and incessant harassment. We define cybermobbing as starting friendly communication with a teenager in social networks to exercise psychological pressure and violence on him afterwards. "Pseudo-friendship Effect" has rather a lasting impact and a destructive potential so strong that the victim has suicidal thoughts. It is believed that the current information policy of the mass media is one of the significant factors, damaging mental and spiritual and moral development of children. The article presents the results of the study aimed at identifying the dominant personality traits to facilitate forecasting suicidal risk in modern teenagers. The sampling (n = 755) of adolescents aged 13-17 is researched to measure psychological characteristics using MMPI, Pathocharacterological Diagnostic Checklist by A.E. Lichko, 16PF Questionnaire by R. Cattell. It is found that a great part of the teenagers who took part in the survey have the following dominating traits: egocentrism, high conceit, alienation, anxiety, nervous and mental instability, rigidity, social passivity. In many cases adolescents are characterized by negative emotional state, hedonism, intolerance to the infringement of their interests, desire to avoid difficulties and responsibility, and a small portion of the surveyed teenagers have a positive emotional state. Cluster and factor analysis made it possible to define the respondents with different levels of suicidal tendencies. The results of the survey of the teenagers' personal qualities indicate that epileptoid and schizoid accentuations (viciously-dreary mood, irritability, toughness, passivity, isolation from the outside real world) are prevalent in the group with suicidal risk. Upon the whole, transformation of positive images and needs into emptiness and harmfulness is observed in modern teenagers. Neuropsychic stability is decreased and spiritual values are shifted to destructive information space. The article concludes that it is possible to improve prevention of suicidal behaviour among the younger generation on the basis of monitoring and censorship of the information received from social networks and active combating cyber-mobbing.

Key words: teenagers, suicide tendency, mass media, information security, Internet sources, virtual thinking, cyber-mobbing, censorship and parental control of information.

References

- 1. Ambrumova, A. G., Trajnina, E. G. & Ratinova, N. A. (1990). Autoagressivnoe povedenie podrostkov s razlichnymi formami social'nyh deviacij [Autoagressive Behavior of Teenagers with Different Formations of Social Deviations]. Vol. 1, (p. 105–106). In *Shestoj Vserossijskij sjezd psihiatrov* [The Sixth All-Russian Congress of Psychiatrists]. Tomsk.
- 2. Altuhova, G.A. (1998). Mobbing kak jeticheskaja problema [Mobbing as Ethical Problem]. *Bibliotekovedenie* [Library Science], 2, 63–70.
- 3. Meneghetti, A. (2004). Psihosomatika [Psychosomatics]. Moscow: NNBF "Ontopsihologija".
- 4. Voloskov, I. V. (2009). Osobennosti socializacii uchashhejsja molodezhi [Peculiarities of Studying Youth Socialization]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 6, 107–109.
- 5. World Health Organization (2000). *Prevencija samoubijstv. Rukovodstvo dlja specialistov sredstv massovoj informacii* [Suicide Prevention. A resource series for media professionals]. Geneva.

- 6. Grollman, E. (2001). Suicid: prevencija, intervencija, postvencija [Suicide: Prevention, Intervention, Postvention]. In *Suicidologija. Proshloe i nastojashhee* [Suicide Studies: Past and Future] (p. 280–282). Moscow.
- 7. Druzhinina, Je. L. (November, 2012). Podrostkovyj suicid kak mnogofaktornoe javlenie [Teenage Suicide as a Multi-Factor Phenomenon]. Krasnodar. *Psihoterapija. Nauchno-prakticheskij zhurnal. Sistemnye faktory razvitija psihoterapii, prakticheskoj i konsul'tativnoj psihologii na juge Rossii* [Mental Therapy. Science and Practice Journal. System Factors of Development of Mental Psychology, Practical and Counseling Psychology], 57.
- 8. Druzhinina, Je. L. (October, 2012). Osobennosti psihologicheskoj pomoshhi v ChS [Peculiarities of Psychological Aid in Emergencies]. In *Mental Therapy, Practical and Counseling Psychology Interlacing of Destinies*. Kiev.
- 9. Durkheim, E. (1998). Samoubijstvo. Sociologicheskij jetjud [Suicide. Sociological Essay]. In *Val.A. Lukov Psihologija i sociologija: stranicy klassiki* [Psychology and Sociology: pages of Classics by Val. A. Lukov] (p. 336). Saint-Petersburg.: Sojuz.
- 10. Karceva, L. V. (2003). Model' sem'i v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva [Model of a Family in the Context of Russian Society Transformation]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 7, 92–99.
- 11. Kon, I. S. (1997). *Vkus zapretnogo ploda* [Taste of the Forbidden Fruit]. Moscow: Sem'ja i shkola.
- 12. Korolenko, C. P. & Galin, L. A. (1978). K voprosu o vydelenii bol'nyh s povyshennym suicidal'nym riskom po psihologicheskim kriterijam [On the Issue of Detection of Patients with Increased Suicidal Risk Based on Psychological Criteria]. *Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov's Journal of Neuropathology and Psychiatry], 3 (10), 426–430.
- 13. Klejberg, Ju. A. (2008). Psihologo-pedagogicheskie problemy socializacii i resocializacii deviantnyh podrostkov [Psychological and Pedagogical Issues of Socialization and Re-Socialization of Deviant Teenagers]. Fenomenologija i profilaktika deviantnogo povedenija: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Universitet MVD Rossii [Phenomenology and Prevention of Deviant Behavior: Minutes of All-Russian Science and Practice Conference: University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Krasnodar.
- 14. Kulakov, S. A. (2004). *Praktikum po klinicheskoj psihologii i psihoterapii podrostkov* [Practical Course on Clinical Psychology and Mental Therapy for Teenagers]. Saint-Petersburg: Rech'.
- 15. Campbell, R. (2000). *How to Really Love Your Teen. Pedagogy. Psychology*. Saint-Petersburg: Mirt.
- 16. Malkina-Pyh, I. G. (2005). Psihosomatika [Psychosomatics]. Moscow: JeKSMO...
- 17. Pozdnjakova, M. E. & Hagurov, T. A. (Ed.). (2012). *Na puti k prestupleniju: deviantnoe povedenie podrostkov i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii* [On the Way to Crime: Deviant Behavior of Teenagers and Risks of Growing Up in Modern Russia]. Krasnodar: The Publishing House of the Kuban State University.
- 18. Pjatunin, V. A. (2010). Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih: sovremennye tendencii [Deviant Behavior of Minors: Modern Tendencies]. Part 1. Moscow: ROO "Centr sodejstvija reforme ugolovnogo pravosudija [Center for Criminal Justice Reform Promotion]".

- 19. Sandomirskij, M. E. (2007). *Psihosomatika i telesnaja psihoterapija: Prakticheskoe ruko-vodstvo* [Psychosomatics and Corporal Psychotherapeutics: Guidelines]. Moscow: Library of Psychology and Psychotherapeutics.
- 20. Sinjagin, Ju. V. & Sinjagina, N. Ju. (2006). *Detskij suicid: psihologicheskij vzgljad* [Children Suicide: Psychological Point of View]. Saint-Petersburg: KARO.
- 21. Hagurov, T. A., Chepeleva, L. M., Vojnova, E. A. & Reznik, A. P. (2011). *Trudnye podrostki: opyt sociologicheskogo issledovanija normativnogo soznanija i obraza zhizni regional'noj molodezhi 2000-h* [Problem Teenagers: Experience of Sociological Research of Normative Consciousness and Lifestyle of Regional Youth of the 2000s]. Krasnodar: Holiday.
- 22. Chepeleva, L. M. & Druzhinina, Je. L. (2014). Prichiny vybora suicidal'nogo povedenija sovremennymi podrostkami [The reasons for Modern Teenagers' Choosing Suicidal Behavior]. *Obshhestvo i pravo* [Society and Law], 3, 242.
- 23. Chepeleva, L. M. & Druzhinina, Je. L. (2012). Znachenie psihologicheskoj otchuzhdennosti roditelej i detej v formirovanii suicidal'noj sklonnosti podrostkov [Impact of Psychological Parentla Alienation from Children on the Emergence of Suicidal Tendency]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and Practice of Social Development], 3, 411.
- 24. Chepeleva, L. M. (2001). *Agressivnost' i osobennosti samosoznanija lichnosti podrostka* [Aggressiveness and Peculiarities of Self-Consciousness of Teenager's Personality]: Thesis for the Degree of the Candidate of Psychology Sciences. Krasnodar.
- 25. Sheregi, F. Je. (2010). *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret* [The Youth of Russia: Sociological Portrait]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.
- 26. Eidemiller, E. G. & Justickis, V. (2001). *Psihologija i psihoterapija sem'i* [Psychology and Mental]. Saint-Petersburg: Piter.
- 27. Jadov, V. A. (1994). Social'naja identifikacija v krizisnom obshhestve [Social Identification in Society in Crisis Conditions]. *Social Science Journal*, 1, 35–52.
- 28. Kreitman, N. (1977). Paraauicide. Clichester: John Wileyand Sons.
- 29. Giddens, A. (1966). Typology of suicide. Sociology Wikipedia, the free encyclopedia. *Archives of European Sociology*, 7, 276–295. Retrieved from: http://www.medscape.com/viewarticle/461953.
- 30. Hawton, K. (1995). Media Influences on Suicidal Behavior in Young People. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 16 (3), 100–101. Retrieved from: http://psychlib.ru/mgpp/periodica/SZP012013/szp-1001.htm
- 31. Philips, D. P., Lesnya, K. & Paight, D. J. (1992). Suicide and media. Assessment and prediction of suicide. New York: Guilford.
- 32. Schmidtke, A. & Hafner, H. (1988). The Werther effect after television films: New evidence for an old hypothesis. *Psychological Medicine*, 18 (3), 665–676.

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ПОЛИТИКИ: ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ

Овчарова О.Г.

Овчарова Ольга Геннадиевна, Российская государственная специализированная академия искусств, 121165, Россия, г. Москва, Резервный проезд, д. 12. Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл. 6, корп. 5. Эл. почта: ovcharovao@ya.ru

Исследуется феномен гендерной асимметрии политики в мировом масштабе. Определяется методологическое значение различных смыслов дефиниции «гендерная асимметрия»: асимметрия как неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений; асимметрия как разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику; асимметрия как неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях. Доказывается, что резкое увеличение количества женщин в парламентах ряда стран мира, обусловленное реализацией мер позитивной дискриминации, не является однозначным свидетельством реального влияния женщин на политические процессы и повышением уровня демократизации в стране. Вместе с тем показывается (на основе результатов мировых рейтингов — IPU, GGG, GII), что количественные показатели гендерной асимметрии политики влияют на политическую оценку страны, не всегда объективную.

Ключевые слова: гендерная асимметрия политики, политическое представительство женщин в парламентах стран мира, традиционные гендерные нормы.

Одна из ключевых характеристик демократического развития XX в.— обретение женщинами в большинстве стран мира права на участие в политической жизни. Получение женщинами гражданских прав подразумевает гендерные различия политической деятельности и влияние этих различий на итог взаимодействия субъектов политики. Очевидно, что при этом появляется необходимость приспособления политических практик к новым стандартам политического участия, значение которых обязана интерпретировать сфера интеллектуального осмысления политики. Тем не менее любая попытка оценить степень влияния женского участия на динамику современных политических процессов заставляет исследователя обращать внимание на специфику предмета изучения— гендерную асимметрию, свидетельствующую о том, что основной критерий гендерного измерения и изучения политики в XXI в.— противоречие между декларативным и фактическим равноправием.

Означенная ситуация и в западной, и в отечественной политологии определяется терминами неравенства. А. Лейпхарт дает женщинам характеристику «меньшинства в политическом, а не в количественном смысле» (Лейпхарт, 1995), а Р. Чилкот — «дискриминируемых меньшинств» (Чилкот, 2001). Фактором «исключения женщин из политической жизни», по мнению Р. Даля, становится «лишь то, что — это женщины» (Даль, 2000). Е. Б. Шестопал называет женщину в политике «неординарным случаем» (Шестопал, 2000). О гендерной асимметрии мировой политики говорит Дж. Энн Тикнер: «...непропорционально малое число женщин на элитных постах формирования... политики в большинстве обществ... Международные отношения и ...политика — арены, где господствуют мужчины» (Тикнер, 2006). Таким образом, политика как в измерении отдельного государства, так и в мире остается традиционной сферой мужского господства, в которой сформировано мнение о том, что женщины могут рассчитывать на реализацию своих амбиций в этой области лишь в последнюю очередь.

Тем не менее в последнее десятилетие можно наблюдать определенные изменения в мировой конфигурации представленности женщин в политике. А именно, некоторые мировые регионы демонстрируют увеличение количества женщин в органах власти. При этом характерно, что культура этих регионов и государств, их составляющих, традиционно не представлялась как гендерно ориентированная, движение за права женщин практически отсутствовало, а сами женщины не считают свое политическое продвижение долгожданным «прорывом».

И, напротив, в регионах, где длительный период времени вопросы гендерного равенства поднимаются на самых высоких уровнях, значительного выравнивания гендерной асимметрии не наблюдается. Иными словами, в настоящее время можно отметить мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к таким регионам, как: Африка южнее Сахары, Латинская Америка.

В связи со сказанным возникает ряд вопросов, которые и станут предметом анализа в настоящей статье. Каковы причины изменения мировой конфигурации политической представленности женщин в различных странах мира? Оказывают ли женщины, в лидирующих по их политической представленности странах, реальное влияние на политические процессы или же их пребывание в эшелонах власти более формально? Можно ли говорить о корреляциях между сокращением гендерной асимметрии и повышением уровня демократизации общества в той или иной стране?

Определим методологическое значение понятия «гендерная асимметрия», выступающее ключевым в нашей работе, и с обозначенных стратегий исследования перейдем к решению поставленных вопросов.

Гендерная асимметрия — характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин в политической сфере. Дефиниция

представляет комплекс смысловых значений: асимметрия как неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений; асимметрия как разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику; асимметрия как неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях (Айвазова, 1998; Овчарова, 2008).

При этом смысл первой интерпретации понятия «гендерная асимметрия» имеет исключительно констатирующий характер. Причины же возникновения самой социально-политической ситуации неравенства раскрываются через два последующих определения, закономерно связанных друг с другом. Очевидно, что состояние гендерного диспаритета иллюстрирует слабость воздействия формальных институтов (прежде всего, правовых норм обеспечения гендерного равенства) на структурирование гендерного баланса в политике и позволяет определять в качестве истоков неблагоприятных условий для реализации политического потенциала женщин неформальные институциональные правила традиционной гендерной системы, замещающие в практическом исполнении значение формальных норм равноправия. Иными словами, законам, официально декларирующим максимы гендерного равенства, государство и граждане предпочитают «законы неписанные», базирующиеся на традиционном образе жизни — эффективном способе передачи из поколения в поколение правил обычного права.

В таком контексте причины стабильности социальной поддержки неформальных институциональных ограничений гендерного равенства могут объясняться, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, историческим развитием общества, в ходе которого повсеместно формировалась система гендерных отношений. Согласно ее формату — «мужское-женское / общественное-частное / доминирование-подчинение», политика является сугубо элитарной мужской деятельностью. Гендерные нормы легитимности такой дихотомии, входящие в гендерную систему как один из ее элементов, выступали и выступают и сейчас механизмом, перманентно возобновляющим действие системы. Во-вторых, гендерная асимметрия обусловливается исторической памятью общества, воспроизводящей постулаты гендерных норм прошлого в настоящем. Поскольку историческая память достаточна устойчива, ее можно рассматривать как социальную детерминанту воспроизводства гендерной асимметрии, на основе которой действует обычное право, блокируя действие официального (Овчарова, 2011; Репина, 2003). То есть в результате культурной блокировки снижена ориентация женщин на активное политическое участие, а те, кто пытается реализовать свой социальный, интеллектуальный и трудовой потенциал во власти, часто проигрывают в силу присутствия там «символического насилия» (по П. Бурдье).

Таким образом, несмотря на то, что скоро многие страны будут отмечать столетний юбилей обретения женщинами гражданских прав и свобод, гендер-

ная асимметрия политики сохраняется. По словам Э. Гидденса: «Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины» (Гидденс, 1999). Та же логика присутствует и в оценках политических деятелей. Перед открытием 60-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, состоявшейся в марте 2016 г. в Нью-Йорке, помощник Генерального секретаря по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин Пумзиле Мламбо-Нгкука, заявила: «Ни одна страна в мире, даже из числа промышленно развитых, не достигла полного гендерного равенства. Это свидетельствует об универсальности проблем, с которыми мы сталкиваемся, продвигая равенство полов» (14 марта открывается...).

Итак, в чем же выражаются мировые тенденции трансформации гендерной асимметрии в настоящее время?

Прежде всего, в изменении конфигурации лидирующих, по представленности женщин в национальных парламентах¹, стран. Данные международной организации, координирующей действия парламентов мира, Межпарламентского союза (IPU) свидетельствуют о том, что первые десять мест в мировой классификации представленности женщин в нижних палатах парламента государства на 1 февраля 2016 г. занимают 8 африканских и латиноамериканских стран и 2 страны Северной Европы. К ним относятся: Руанда (63,8%), Боливия (53,1%), Куба (48,9%), Сейшелы (43,8%), Швеция (43,6%), Сенегал (42,7%), Мексика (42,7%), ЮАР (42%), Эквадор (41,6%), Финляндия (41,5%) (Women in National Parliaments). Для сравнения приведем данные 10-летней давности, также представленные Межпарламентским союзом. Конфигурация стран-лидеров на 28 февраля 2016 г. была следующей: Руанда (48,8%), Швеция (45,3%), Норвегия (37,9%), Финляндия (37,5%), Дания (36,9%), Нидерланды (36,7%), Куба (36%), Испания (36%), Коста Рика (35,1%), Аргентина (35%), Мозамбик (34,8%) (Women in National Parliaments).

Таким образом, цифры свидетельствуют о положительной динамике по преодолению гендерной асимметрии в регионах, некогда бывшими аутсайдерами по самым разным социально-политическим показателям, в том числе и по уровню

¹ Поскольку не во всех государствах парламент двухпалатный, обратимся к данным по представленности женщин в нижних палатах, что позволит унифицировать результаты. Также важно понимать, что основные мировые рейтинги включают именно показатель представленности по нижней палате, по причине чего анализ в статье строится на данных именно Межпарламентского союза.

Отметим, что Межпарламентский союз рейтингует 191 страну. В 5 из них женщины во власти отсутствуют, а в 2 представлены только в верхних палатах парламента и имеют при этом минимальные показатели.

равноправия полов. И эта же динамика показывает, как стремительно вытесняются с первых мест политической представленности женщины стран Северной Европы, и прежде всего Скандинавских стран — образцов последовательной и уверенной реализации политики гендерного равенства, проводившейся на почве культурно-исторических традиций приверженности граждан ценностям социального равноправия, достигшие в результате этого высокого социального положения женщин и наивысшего уровня в показателях семейной политики (Лейпхарт, 1995).

Однако могут ли приведенные цифры / количественные показатели гендерной асимметрии нивелировать социальные успехи скандинавских стран или же, к примеру, западноевропейских стран, также имеющих опыт строительства гендерно ориентированных государств. И, напротив, утверждать, что увеличение женщин в североафриканских и латиноамериканских парламентах выступит однозначным залогом влияния женщин на политические процессы.

Количественное увеличение женщин в парламенте перечисленных стран происходило посредством мер позитивной дискриминации. В 1990-е гг. в ряде стран Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а именно, введена система квот женского представительства на выборных должностях. Также в 1990-х гг., точнее в 1997 г., южноафриканские государства, входящие в Сообщество развития Юга Африки (САДК), приняли декларацию, в которой была поставлена цель установить в странах — членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30% (Прокопенко, 2013). И в Латинской Америке, и в африканском регионе эти действия происходили согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин. Последнее, в свою очередь, способствовало развитию в этих странах демократических институтов, ранее отсутствующих, а теперь приближающих страны второго и третьего регионов модернизации к странам старой демократии. Это отчетливо видно на примере Руанды — «земли тысячи холмов», которая восстанавливается после последствий геноцида и пытается завоевать позитивную оценку со стороны мирового сообщества.

Очевидно, что за столь короткий период у женщин нет возможности накопить достаточный потенциал для эффективного управления. Кроме того, отмена квот (а как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь гендерный баланс. К примеру, в постсоветской России после отмены квотирования представительство женщин резко снизилось и в настоящее время наша страна при наличии 13,6% женщин в Государственной Думе находится на 131-м месте в рейтинге Межпарламентского союза (Women in National Parliaments). Тем более, что были подобные прецеденты и в исследуемых нами регионах. В 1998 г. меры позитивной дискриминации были утверждены в Венесуэле, но в 2000 г. отменены правительством У. Чавеса как антиконституционные. В Колумбии закон о квотах появился в 1999 г., в 2001 г.

отменен, но в 2002 г. все же была установлена 30% квота женского представительства в органах власти, которая на практике не применялась. Более того, эффект квотирования различен в разных странах. К примеру, после двадцати лет принятия закона о квотах (в 2010-х гг.) в Бразилии, Колумбии и Парагвае он был и остается пустой формальностью, а в Аргентине он работает с большой отдачей (Яковлева, 2011). Аналогичная ситуация и в Южной Африке. По данным САДК, несмотря на их рекомендации как крупнейшего и влиятельного субрегионального объединения, в ряде стран число женщин-парламентариев остается низким: в Замбии, Ботсване (SADC).

Также следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на процесс феминизации политики, в странах — лидерах количественных показателей гендерного равенства во власти продолжает развитие процесс феминизации бедности. Так, даже в обладающей экономическим потенциалом ЮАР — страны — члена БРИКС, женщины составляют подавляющее большинство среди безработных и беднейших групп населения. Исследователи предполагают, что социально ориентированные решения женщин-политиков в состоянии блокироваться в силу невозможности их экономической поддержки и нерентабельности. А «в экономике женщины занимают только 25% должностных позиций (23% белые, 9% цветные, 5% индианки). Доля женщин, занимающих главные должности в профсоюзах, также очень низка» (Баллаева, 2008).

Проследим, как влияют показатели не только политики, но и экономики, а также иные факторы на оценку той или иной страны в международном масштабе. Обратимся к цифрам индекса глобального гендерного разрыва (GGG) по версии Всемирного экономического форума. Напомним, ВЭФ формирует обозначенные показатели с 2006 г., ежегодно увеличивая количество стран, участвующих в рейтинге. В 2015 г. число стран, для которых рассчитывается индекс, увеличилось со 142 до 145. Индекс гендерного разрыва представляет собой «основу для измерения величины и объема гендерных различий и отслеживания их прогресса». Разрыв между показателями мужчин и женщин рассматривается в четырех категориях, или субиндексах: 1) экономическое участие и возможности; 2) полученное образование; 3) здоровье и выживаемость; 4) политические права и возможности (The Global Gender Gap Index). Индекс колеблется от нуля (что означает полное гендерное неравенство) до единицы (что означает полное гендерное равенство).

Согласно индексу, лидером в 2015 г. стала Исландия с общим показателем по всем субиндексам 0,88. Затем расположились Норвегия (0,85), Финляндия (0,85), Швеция (0,82), Ирландия (0,80). Шестое место занимает Руанда (0,79), несмотря на 14-е место по субиндексу экономического участия (0,80), 112-е место (0,94) по образованию и 91-е место (0,97) по здоровью и выживаемости. Место Руанды в лидирующей десятке обеспечивает 6-е место (0,474) в категории политические права и возможности. Также лидирует Руанда и в региональном рейтинге стран

Африки южнее Сахары. ЮАР занимает 17-е место (0,75) и лидирует среди стран БРИКС. Заметим, что Россия в 2015 г. осталась на 75-й (0,69) строчке рейтинга. В РФ лучше всего складывается ситуация с равенством в сфере образования — 27-е место (1), далее следуют здоровье (0,97) и экономика (0,73) — 42-е место в обоих случаях. Но гендерная асимметрия политики обеспечивает России падение на более низкое место по субиндексу политических прав и возможностей по сравнению с 2014 г.: со 125-го места на 128-е (0,66). Среди латиноамериканских стран лидирует Никарагуа — 12-е место (0,77). Куба, занимающая 3-е место в рейтинге Межпарламентского союза, в данном рейтинге удостоилась 29-го места (0,74) (The Global Gender Gap Index).

Таким образом, на примере глобального гендерного разрыва очевидно влияние количественных показателей гендерной асимметрии / гендерного равенства в политике. Формальные, констатирующие цифры могут выступить критерием социально-политической стабильности государства, если не учитываются причины и факторы, эти цифры обусловливающие.

Конфигурация стран мира вне определяющего значения показателей политической представленности женщин, по всей вероятности, будет выглядеть иным образом. А каким, позволят увидеть цифры индекса гендерного неравенства (Gender Inequality Index — GII), публикуемые Программой развития ООН. Этот рейтинг рассматривает гендерное неравенство в трех основных областях: 1) репродуктивное здоровье; 2) расширение прав и возможностей; 3) экономическая активность. Также выделяются специальные категории: 1) коэффициент материнской смертности; 2) коэффициент подростковой рождаемости; 3) места в национальном парламенте; 4) процент населения, имеющего как минимум среднее образование (доля женщин и мужчин); 5) процент рабочей силы (доля женщин и мужчин) (Gender Inequality Index).

Согласно индексу гендерного неравенства-2015 к странам с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства относятся (находятся в первой десятке): Норвегия, Австралия, Швейцария, Дания, Нидерланды, Германия, Ирландия, США, Канада, Новая Зеландия. В этой же зоне можно наблюдать и такие латиноамериканские страны, как Аргентина (40-е место) и Чили (42-е место). Российская Федерация разделяет с Белоруссией 50-е место и находится в зоне стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства.

ЮАР занимает 116-е место в группе стран со средним уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства, Руанда — 163-е место и присутствует среди стран с низким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства.

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не остановились еще на одном аспекте, обеспечивающем выравнивание гендерной асимметрии политики, а именно, на наличии женщин, глав государств и правительств. В настоящее

время из 251 страны только в 21 женщины — национальные лидеры, двое из которых представляют латиноамериканский регион и чья деятельность широко известна за пределами своих государств. Это Президент Чили Мишель Бачелет и Президент Бразилии Дилма Русеф. Исследователи характеризуют их как лидеров нового типа (Яковлева, 2011), попадание которых на должности не было обусловлено существующей в их регионе системой неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи), облегчающие женщинам реализацию на политическом поприще. Эти традиции тормозят и реализацию законов о квотах для женщин в Латинской Америке. «Один из их аргументов состоит в том, что этим законом часто пользовались мужчины, занимавшие различные руководящие посты, для предоставления мест в органах управления женам, сестрам и т.д. в целях поддержки своей политики» (Яковлева, 2011). Ярким примером служит фигура бывшего Президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер, избранной по желанию и при помощи мужа-президента. Из более ранней истории Аргентины известен феномен Эвы Перон, при всей противоречивости оценки деятельности которой нельзя отрицать ее роль в формировании гендерно ориентированных настроений в обществе и возрастание значения политической деятельности женщин.

В южноафриканских странах также во главе государств находятся две женщины. Президент Либерии Э. Джонсон-Серлиф (избрана в 2006 г.) стала первой в истории Африки женщиной-президентом. Саара Куугонгельва-Амадхила — премьер-министр Намибии. Данные факты в состоянии стать истоком социального привыкания к «естественности» женского правительства в регионе.

Обратим внимание, что эффективная политическая деятельность женщин — национальных лидеров выступает оценкой их мирового влияния. Так, в первую десятку рейтинга самых влиятельных женщин мира в 2015 г., по версии Forbes, вошли Ангела Меркель (1-е место) и Президент Бразилии Дилма Русеф (7-е место) (Ховард, 2015). А. Меркель занимает это почетное место уже 10-й раз и на ее политический вес влияют не только ее политические заслуги, но и статус самого государства, ею возглавляемого. Подтверждением данного аргумента может стать тот факт, что Х. Клинтон (2-е место в списке Forbes) заняла лидирующие позиции в рейтинге после своего заявления о намерениях участвовать в президентских выборах США в 2016 г. А в современных условиях мирового политического и экономического кризиса к внутриамериканскому процессу приковано внимание мирового сообщества, ожидающего поворотов к стабильности в мировом порядке. Оценка же деятельности Д. Русеф, напротив, увеличивает не только вес женской политики, но и лишний раз заставляет обратить внимание на само государство.

Подведем итоги. В настоящее время лидерами в области гендерного равенства в политике выступают государства, ранее не являющиеся гендерно ориентированными. Однако однозначно коррелировать количественные показатели

изменения мировой конфигурации гендерной асимметрии политики с увеличением степени влияния женщин на политический процесс в своих регионах и возрастанием в них же демократизации нельзя. Если только эти корреляции ангажированы или не отрефлексированы. Политические институты, в которые при помощи формальных норм встраиваются женщины, в данных странах пока только накапливают опыт своей работы, и новое политическое творчество будет определяться не только и не столько гендерной составляющей, сколько необходимой государству стратегией развития (разрабатываемой, однако, политическими лидерами — мужчинами). А отвлечение от «гендерного взгляда» на политику позволяет утверждать, вслед за Р. Саквой, что демократические преимущества получают все же страны с богатейшим политическим опытом, «политические лаборатории», где «рождались основные политические идеи, проводились наиболее значимые эксперименты» (Дуткевич, Саква, 2014). В том числе и осмысленные и апробированные идеи феминизма и гендерного равенства.

Более того, подчеркнем еще раз, гендерно равноправные достижения, основанные не на ментальном понимании, а на формальном, имеют большие шансы в одночасье быть утерянными.

С одной стороны, увеличение количества женщин в политике каким бы то ни было любым способом, заставляет женщин искать свои стратегии деятельности в этой сфере, а с другой — трансформировать историческую память о конвенциональных гендерных нормах. Однако сегодня проблема устранения гендерной асимметрии в мировой политике далека от своего разрешения и остается делом следующих десятилетий.

Библиографический список

- 1. Айвазова, С. Г. (1998). *Русские женщины в лабиринте равноправия*. Москва: РИК Русанова.
- 2. Баллаева, Е. А. (2008). ЮАР: политика гендерного равенства. В О. А. Воронина (ред.) *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов* (с. 572–578). Москва: МАКС-Пресс.
- 3. Гидденс, Э. (1999). Социология. Москва: Эдиториал-УРСС.
- 4. Даль, Р. (2000). О демократии. Москва: Аспект Пресс.
- 5. Лейпхарт, А. (1995). Конституционные альтернативы для новых демократий. *Политические исследования (ПОЛИС)*, 2, 136–146.
- 6. Овчарова, О. Г. (2008). *Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты*: автореф. дис... д-ра полит. наук. Саратов.
- 7. Овчарова, О. Г. (2011). Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти. В С.В. Патрушев (ред.) Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка (с. 244–260). Москва: РАПН: РОССПЭН.

- 8. Прокопенко, Л. Я. (2013). Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона). *Женщина в российском обществе*, 3, 40–50.
- 9. Дуткевич, П. (ред.), Саква, Р. (2014). Иван Крастев беседует с Ричардом Саквой «Становится все проблематичнее предсказать будущее демократии, глядя лишь в ее прошлое». 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. Москва: Издательство Московского университета.
- 10. Репина, Л. П. (ред.) (2003). Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. Москва: «Кругъ».
- 11. Тикнер, Дж. Энн, Полывянный, Д. И. (ред.). (2006). *Мировая политика с гендерных позиций*. *Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. Москва: Культурная революция.
- 12. Чилкот, Р. Х. (2001). *Теории сравнительной политологии*. Москва: ИНФРА-М; Весь мир.
- 13. Ховард, К. (2015). Самые влиятельные женщины мира 2015: рейтинг Forbes. Режим доступа: http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/karera/289729-camye-vliyatelnye-zhenshchiny-mira-2015-reiting-forbes/photo/1
- 14. Шестопал, Е. Б. (2000). *Психологический профиль российской политики 1990-х*. Москва: РОССПЭН.
- 15. Яковлева, Н. М. (2011). Феномен женского лидерства в странах Латино-Карибской Америки. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php? ID=87835
- 16. 14 марта открывается сессия Комиссии ООН по положению женщин. Режим доступа: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14
- 17. Gender Inequality Index. (2015). Retrieved from: http://hdr.undp.org/en/composite/GII
- 18. Global Gender Gap Index Results in 2015. Retrieved from: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-global-gender-gap-index-results-in-2015/
- 19. SADC Gender Protocol. (2012). Barometr. Johannesburg. Retrieved from: http://allafrica.com/stories/201208070748.html
- 20. Women in National Parliaments. (2016). Retrieved from: http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm

Статья поступила в редакцию 20.02.2016.

GENDER ASYMMETRY OF POLITICS: CHANGES IN THE GLOBAL CONFIGURATION

Ovcharova O.G.

Ovcharova Ol'ga Gennadievna, Russian State Specialized Academy of Arts, 121165, Russia, Moscow, Rezervniy pr. 12; Russian State University for the Humanities, 125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq. 6. E-mail: ovcharovao@ya.ru

The article examines the phenomenon of gender asymmetry policy on a global scale. Determined methodological significance of the various meanings of the definition of «gender asymmetry»: asymmetry as uneven number of men and women in political decision-making; the asymmetry of the difference of institutional capacity, contributing to the promotion of

men and women in politics; asymmetry as the unequal evaluation of the results of the values of the political activities of men and women based on tradition. It is proved that the sharp increase in the number of women in the parliaments of several countries of the world due to the implementation of measures of positive discrimination, is not unequivocal evidence of real influence of women in political processes and increase the level of democratization in the country. However, it is shown (on the basis of world rankings—IPU, GGG, GII) that the quantitative indicators of gender asymmetry policies affect the political assessment of the country is not always objective.

Key words: gender asymmetry of politics, political representation of women in parliaments around the world, traditional gender norms.

References

- 1. Aĭvazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality]. Moskva: RIK Rusanova.
- 2. Ballaeva, E. A. (2008). JuAR: politika gendernogo ravenstva. [Republic of South Africa: policy of gender equality]. V: O. A. Voronina (ed.) *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' nacional'nyh mehanizmov* [Gender equality in the modern world: role of national mechanisms] (p. 572–578). Moskva: MAKS-Press.
- 3. Giddens, Je. (1999). Sociologija [Sociology]. Moskva: Editorial URSS.
- 4. Dal', R. (2000). O demokratii [About democracy]. Moskva: Aspekt Press.
- 5. Lejphart, A. (1995). Konstitucionnye al'ternativy dlja novyh demokratij [Constitutional alternatives of new democracies]. *Politicheskie issledovanija*. *Polis* [Political Studies. Polis], 2, 136–146.
- 6. Ovcharova, O. G. (2008). *Gendernaja asimmetrija politiki: neinstitucional'nye i institucional'nye aspekty*: avtorefer. diss... d-ra polit. nauk [Gender asymmetry of politics: non-institutional and institutional aspects: the extract from the Doctor of Science dissertation]. Saratov.
- 7. Ovcharova, O. G. (2011). Preodolenie institutsional'nykh ogranicheniĭ gendernogo ravenstva: transformatsiia istoricheskoĭ pamiati [Overcoming institutional limitations of gender quality: changing of historical memory]. V: S. V. Patrushev (ed.) *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoĭ Rossii: Vosproizvodstvo i transformatsiia institutsional'nogo poriadka* [Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order] (p. 244–260). Moskva: RAPN, ROSSPJeN.
- 8. Prokopenko, L. Ia. (2013). Predstavitel'stvo zhenshhin v organah vlasti (opyt stran juzhnoafrikanskogo regiona) [Representation of women in authorities (experience of the countries of the South African region)]. *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve* [The woman in the Russian society], 3, 40–50.
- 9. Dutkevich, P. (red.), Sakva, R. (2014). Ivan Krastev beseduet s Richardom Sakvoj "Stanovitsja vse problematichnee predskazat' budushhee demokratii, gljadja lish' v ee proshloe" [Ivan Krastev talks to Richard Sakva "Becomes more problematic to predict future of democracy, looking only in her past"]. 22 idei o tom, kak ustroit' mir: Besedy s vydajushhimisja uchenymi [22 ideas how to arrange the world: Conversations with outstanding scientists]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

- 10. Repina, L. P. (red.). (2003). *Obrazy proshlogo i kollektivnaja identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe prior to the beginning of Modern times]. Moskva: "Krug#".
- 11. Tikner, Dzh. Jenn, Polyvjannyj, D. I. (red.) (2006). *Mirovaja politika s gendernyh pozicij. Problemy i podhody jepohi, nastupivshej posle "holodnoj vojny"* [World politics from gender positions. Problems and approaches of the era which has come after "cold war"]. Moskva: Kul'turnaja revoljucija.
- 12. Chilkot, R. H. (2001). *Teorii sravnitel'noj politologii* [Theories of comparative political science]. Moskva: INFRA-M; Ves' mir.
- 13. Hovard, K. (2015). Samye vlijatel'nye zhenshhiny mira 2015: rejting Forbes [The Worlds 100 Most Powerful Women 2015]. Retrieved from: http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/karera/289729-camye-vliyatelnye-zhenshchiny-mira-2015-reiting-forbes/photo/1
- 14. Shestopal, E. B. (2000). *Psihologicheskij profil' rossijskoj politiki 1990-h* [Psychological profile of the Russian policy of the 1990th]. Moskva: ROSSPJeN.
- 15. Jakovleva, N. M. (2011). Fenomen zhenskogo liderstva v stranah Latino-Karibskoj Ameriki [Phenomenon of female leadership in the countries of Latino-Karibsky America]. Retrieved from: http://www.perspektivy.info/print.php? ID=87835
- 16. 14 marta otkryvaetsja sessija Komissii OON po polozheniju zhenshhin. Retrieved from: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14
- 17. Gender Inequality Index. (2015). Retrieved from: http://hdr.undp.org/en/composite/GII
- 18. Global Gender Gap Index Results in 2015. Retrieved from: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-global-gender-gap-index-results-in-2015/
- 19. SADC Gender Protocol. (2012). Barometr. Johannesburg. Retrieved from: http://allafrica.com/stories/201208070748.html
- 20. Women in National Parliaments. (2016). Retrieved from: http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm

ТЕМАТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О «ЖЕНЩИНЕ НА ВОЙНЕ» В СОВРЕМЕННЫХ ДЕКОНСТРУКЦИЯХ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Завершинская Н. А.

Завершинская Наталья Александровна, Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия, 197376, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. проф. Попова, 14. Эл. почта: zna07@yandex.ru

В статье рассматривается феномен женской военной памяти в контексте современных воспоминаний о Второй мировой войне и российской мемориальной культуры Великой Отечественной войны. Изучение способов трансляции памяти о женщине на войне осуществляется автором на основе конструктивистской методологии.

Включение женщин в официальную мемориальную культуру войны имело свои особенности в различные периоды истории советского общества. Заметная интенсификация интереса к военной истории и теме женщины на войне произошла в брежневскую эпоху.

В постсоветское время женская военная память все сильнее предъявляет свои требования к правдивости отечественной мемориальной культуры войны, поскольку сегодня открыты ранее закрытые архивные документы, опубликованы многочисленные мемуары, вынесены на суд публики ранее запретные темы, давшие импульс серьезным научным исследованиям и т.д.

Коллективная официальная военная память оказалась во многом созвучна женским военным воспоминаниям. Объясняя данный феномен, отечественные исследователи справедливо отмечают, что некорректно усматривать в этом только результат стратегий запугивания и манипулирования со стороны власти.

Поскольку война — серьезное испытание для человечности, постольку женские воспоминания связаны и с травматичным опытом. Однако некорректно женскую «военную историю» сводить только к одному травматичному опыту. Поскольку женская память сопротивляется тяжелым воспоминаниям как из-за тяжести переживаний, так и из-за возможности их унизительной оценки, постольку «извлечение» женской памяти о войне из «вынужденной немоты» — задача сложная и деликатная, которую еще предстоит в полном объеме решить будущему поколению исследователей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советское прошлое, женская военная память, коммеморация, мемориальная культура, деконструкция, демифологизация, идентичность, травматичный опыт, сексуальное насилие.

Более трех четвертей века отделяет современное поколение от драматических событий Второй мировой войны. Постепенно вместе с уходом живых носителей памяти о войне теряется непосредственное ее ощущение в обществе, регулярно воспроизводившееся раньше живой традицией, и у современного поколения возникает потребность «подтвердить связь с уходящим миром» (Хаттон, 2004).

Поскольку связь с прошлым всегда устанавливается с позиций интересов настоящего и будущего, неудивительно, что окрашенные аурой трансцендентности мемориальные образы Второй мировой войны чрезвычайно актуализировалась в последнее время и превратились в важнейший способ политической и идеологической репрезентации идентичности разных социальных акторов. Их коллективные воспоминания не только фиксируют и объясняют военное прошлое, но и оценивают его, что открывает широкие возможности идеологических интерпретаций памяти о войне. Апеллируя к прошлому, социальные акторы пытаются легитимировать свои настоящие претензии представлять единственно правильную точку зрения об истории военных событий и образах военного человека. Вследствие таких неумеренных амбиций тема исторической, социальной и культурной памяти Второй мировой войны очень быстро стала центральной проблемой современной идеологической борьбы для современного поколения. «Глубинное воздействие, которое Вторая мировая война оказала на жизненный опыт людей, по свидетельству Х. Вельцера, становится тем заметнее, чем дальше в историю она уходит. Одержимость этим прошлым, от которого нельзя уйти, не снижается, а наоборот, нарастает» (Вельцер, 2005).

Актуализация военного прошлого связана, во-первых, со значимостью признания для военных и послевоенных поколений стран Западной Европы и США решающего вклада в победу над фашисткой Германией именно их стран. Многочисленные места памяти, учрежденные странами НАТО, представляют Западный фронт, его военачальников и подвиги армейских соединений во всей их боевой славе. К. Шахназаров во время посещения музейной экспозиции в Варшаве, посвященной Второй мировой войне, обратил внимание на некорректность в размещении музейных экспонатов: разрушенная до нуля Варшава, фотография генерала Д. Д. Эйзенхауэра 1945 г., других фотографий нет. На вопрос, кто освободил Варшаву, логично напрашивается ответ — Д. Д. Эйзенхауэр, поскольку среди экспонирующихся фотографий нет фотографии генерала К. К. Рокоссовского. Если человек не помнит, что генерал К. К. Рокоссовский освободил Варшаву, то будет думать, что это сделал Д. Д. Эйзенхауэр (Война, 2012).

Во-вторых, существенное место темы Второй мировой войны на постсоветском пространстве связано с поисками на базе этнонационализма некоторыми восточно-европейскими странами своей новой цивилизационной и национально-государственной идентичности, что неизбежно сопровождалось и продолжает сопровождаться однобоким переосмыслением военной истории в контексте переписывания советского прошлого. Под лозунгом возрождения национальной исторической памяти на постсоветском пространстве в Прибалтике, в Грузии, в Украине, в Польше развернулась настоящая война «памятей» и памятников. Позиция же России, предпринимающей попытки спасти советское наследие от деконструкции, рассматривается идеологическими противниками как «идеологическая диверсия», поскольку, по их мнению, Россия занимается масштабным

экспортом ностальгии о советском прошлом на территорию стран всего постсоветского пространства. За «советскими играми» России ими усматривается построение СССР версии 2.0 (с культом Великой Победы во главе) (Украину..., 2013).

Наряду с политиками и политизированными учеными в спекуляции вокруг событий Второй мировой войны активно включилось искусство ряда восточно-европейских стран. Достаточно вспомнить скандал вокруг хулиганской выходки Ежи Богдана Шумчика, студента Гданьской Академии изобразительных искусств, установившего в ночь на 13 октября 2013 г. на аллее Победы в Гданьске рядом с танком Т-34 сотворенную им скульптуру «Насилие» («Насилие»..., 2013).

В этот же ряд можно включить трехсерийный фильм, показанный на немецком телеканале ZDF, «Наши матери, наши отцы» о Второй мировой войне, который реабилитирует немецких солдат на Восточном фронте. Михаил Мягков, доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, отметил, что фильм тиражирует мифы, неоднократно повторявшиеся в исторических трудах немецких и английских учёных, а также распространяемые посредством кинематографа (Новоселова, 2013). Безусловно, можно согласиться с оценкой фильма А. Портновым: «...В фильме очень много культурных клише, представляющих безусловный интерес для анализа современной массовой культуры в целом и немецкой памяти о войне в частности, но совсем нет того, что в немецкой философской традиции метко обозначено как schonungslose Reflexion, т.е. безжалостное осмысление войны и нацизма» (Портнов, 2013). К сожалению, примеры подобного рода мифов о войне современность производит в избытке.

Наконец, в российском историческом и культурном сознании тема Великой Отечественной войны также переосмысливается на основе ставших доступными рассекреченных архивных документов, опубликованных мемуаров, открытых обсуждений ранее запретных для публики тем. При этом отечественным историкам, политикам, журналистам, деятелям искусства также не всегда удается в коммеморации героики Победы и ее цены избежать деформаций и искажений. Палитра позиций и взглядов разнообразна, существуют крайности: с одной стороны, конъюнктурная дискредитация комиссаров и офицеров, военных событий и хода военных действий, которые наделяются карикатурными уничижительными смыслами; с другой — пафосное и официозное восхваление отлакированной картины войны. До взвешенного подхода к оценке военной истории в России также еще достаточно далеко, о чем свидетельствуют в частности и слова ветерана войны Н.Н. Никулина: «к написанию правдивой истории войны еще не приступили» (Никулин, 2008).

Отсутствие взвешенного подхода в пространстве коммеморации Второй мировой войны и Великой Отечественной войны характерно для многих со-

временных воспоминаний. Значимое место в них занимает память о женщине на войне, которая и станет предметом нашего рассмотрения.

Новая актуальность памяти о Великой Отечественной войне и ее женские версии

Отличительной чертой современного российского общества, взявшего курс на социальный консерватизм, является повышенное внимание к инвентаризации своего военного прошлого. При создании нового постсоветского общества современное поколение россиян ищет в славном военном прошлом ценности, которые помогли бы ему самоопределиться и заложить основы новой социальной солидарности. Освоение травматичного военного прошлого, постоянное воспроизводство его следов и симптомов оказывается способом непрерывного самовоспроизводства. Другого языка, чтобы говорить россиянам о себе, пока нет. Поэтому травматичный опыт, идеология и эстетика страданий становятся важными смыслообразующими элементами, которые структурируют жизнь современного российского социума (Мы..., 2015).

Российское общество, пережившее разрушительные для его символического универсума 1990-е гг. и лишившееся позитивных ценностных смыслов своего самоопределения, использует военные «ретропродукты» для формирования собственной идентичности. В девяностые оно «ощутило себя "проигравшим" победу, что для многих его членов оказалось равно потере достоинства (основания для уважения) » (Гапова, 2015). Память о Великой Отечественной войне позволяет россиянам вновь обрести достоинство и уважение к самим себе, помогает определять себя и формировать свое нынешнее самосознание.

Память о войне современным поколением россиян не традируется, а вновь изобретается. «Ведь идентичности... управляют тем, что можно предать забвению, а что — вспомнить, т.е. устанавливают, что из прошлого останется в настоящем» (Луман, 2006). Следовательно, «воспоминания нельзя людям продиктовать: индивиды и коллективы выбирают из принципиально неограниченного множества событий и образов прошлого те, которые им, глядя из их настоящего, кажется осмысленным помнить» (Вельцер, 2005).

На основе селективного отбора воспоминаний и забвений различными российскими идентичностями создается воображаемое прошлое и намечается желательное для них будущее. В процессе конструирования военное прошлое может подвергаться ретроспективной переделке снова и снова, поскольку, будучи репрезентацией, оно чрезвычайно пластично.

Пытаясь в изобретенном военном прошлом найти истоки своей собственной идентичности и утвердить желаемое место в социальном пространстве, российский социум и составляющие его сообщества осуществляют сегодня демифологизацию официальной модели общенациональной памяти о Великой

Отечественной войне и намечают переход к множественности ее возможных версий.

Память о Великой Отечественной войне существует в модусе повествований, структурированных культурными кодами поколений и сообществ, а также в коммеморативных практиках, артефактах и мемориальных пространствах (Ярская, Ярская-Смирнова, 2011). Она не представляет собой единого монолитного воспоминания, она, «если хотите, война — война национальных историографий, внутри которых могут, точнее, не могут не быть и свои внутренние войны, например, между слугами государственного официоза и свободными от него историками, силящимися сохранить свое достоинство и верность Клио» (Полян, 2015).

В современной России происходит то же, что и в других западных странах,— «внутренняя деколонизация сексуальных, социальных, религиозных, региональных меньшинств, находящихся на пути интеграции, для которых утверждение своей "памяти" — то есть, по сути, своей истории — равнозначно признанию их особости большинством, которое отказывало им в этом праве, и в то же время есть способ культивировать свою особость и верность распадающейся идентичности» (Нора, 2005).

Среди разнообразных форм памяти меньшинств о войне: памяти героев и победителей, памяти жертв и памяти палачей, памяти сторонних наблюдателей и свидетелей и т.д. — немаловажное место занимает и женская память о войне. В отечественном дискурсе работ, посвященных гендерному переосмыслению Великой Отечественной войны, немного. Можно согласиться с суждением отечественных исследователей: «История участия женщин в Великой Отечественной войне пока остается ненаписанной, несмотря на рост интереса ... к этой теме в последние годы» (Никонова, 2005).

Эту историю начали писать еще в ходе войны и в первые послевоенные годы (Мурманцева, 1974). Поэтому не совсем корректно утверждать, что женская память о войне в СССР впервые получила право на жизнь только в брежневские времена, после того как в 1965 г. был «переозначен» к 20-летию победы в Великой Отечественной войне Международный женский день 8 марта, ставший нерабочим днем и заложивший традицию официального чествования на государственном уровне всех советских женщин и женщин — ветеранов войны в благодарность за их «заслуги в деле коммунистического строительства» и «защиты Родины» (Никонова, 2005).

Традиция официального чествования женщин — участниц войны в связи с празднованием Международного женского дня 8 марта начала формироваться уже в годы войны. Так, в 1943 г. в Постановлении ЦК ВКП(б) «О коммунистическом женском дне 8 марта» отмечалось, что «никогда еще во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите своей Родины, как в дни Отечественной войны советского народа» (Постановление, 1943).

Однако, говоря о включении женщин в официальную мемориальную культуру войны, нельзя не признать того факта, что оно имело свои особенности в различные периоды истории советского общества.

В брежневскую эпоху интерес к военной истории и теме женщины на войне заметно усилился. Некоторые исследователи пытаются объяснить этот феномен фактом создания мифа о войне для самообоснования брежневского режима и укрепления советской власти (Конрадова, Колягина, 2015; Щербакова, 2012).

Однако более верной представляется точка зрения, согласно которой коммеморация войны в СССР не столько результат единой стратегии власти «как монопольного держателя памяти» и «конструктора истории», сколько многочисленных компромиссов и импровизаций между властью и народом, публичным и приватным дискурсами (Габович, 2015). Именно на основе многочисленных инициатив народа и соглашений власти оформляется в СССР традиция празднования юбилейных дат Великой Победы и чествования героизма советского народа, советских воинов-освободителей и советских женщин — участниц войны, отстоявших свою свободу в борьбе с фашизмом.

В брежневскую эпоху и до распада СССР на волне интереса к героике войны и победы появляются серьезные научные исследования, в научный оборот вводится огромный пласт источников из центральных и местных архивов, материалов газет и журналов, появляется большое количество воспоминаний непосредственных участников и участниц тех событий (Торопов, 1963; Ульяненко, 1964; Красильникова-Ященко, 1972; Голубева-Терес, 1974; Мурманцева, 1974; Никифорова, Евстигнеев, 1976; Мешкова, 1987; Овчинникова, 1987; Сычева, 1989; и др.).

Свой вклад в осмысление феномена женщины на войне вносит искусство 1960–1980 гг. Советские писатели посвящают подвигу женщин — участниц боевых сражений многочисленные повести и рассказы (Лапин, 1966; Шулешова, 1969; Стрехнин, 1970; Васильев, 1972; Тамарина, 1974; Молчанов, 1974; Кожухова, 1978; Колеватов, 1978; Костенков, 1978; и др.).

В советском кинематографе выходит в это время множество кинокартин о женщинах на войне: «В небе "Ночные ведьмы"» (1981), «В бой идут одни старики» (1973), «Семнадцать мгновений весны» (1973), «А зори здесь тихие» (1972), «Белорусский вокзал» (1970), «Женя, Женечка и Катюша» (1967), «Крепкий орешек» (1967), «Крылья» (1966), «На семи ветрах» (1963) и др.

Советское искусство органично дополнило «воспоминания» коллективной памяти о военном героизме достоверными и жизненными, не всегда образцовыми историями женщин, путь на войну которых был сопряжен с большим количеством жертв, трудностей и внутренних противоречий. Таким образом, несмотря на идеологическое кураторство официальной власти над коммеморативной культурой Великой Отечественной войны в процесс ее конструирования

все увереннее вторгался неформальный женский взгляд на войну. Определенной вехой на этом пути стала также повесть С. Алексиевич «У войны не женское лицо», опубликованная в 1985 г.

Новый всплеск художественного интереса к военной тематике пришелся на канун празднования 60- и 70-летия победы в Великой Отечественной войне. На кино- и телеэкраны выходят фильмы «Время собирать камни» (2005), «Алька» (2006), «Ленинград» (2007), «Мы из будущего» (2008), «Рябиновый вальс» (2009), «Разведчицы» (2013), «Палач» (2014), «Гетеры майора Соколова» (2014), «А зори здесь тихие» (2015), «Битва за Севастополь» (2015), «Молодая гвардия» (2015) и др.

Издаются и переиздаются мемуары, документы, монографии, появляются новые диссертационные исследования о женщинах на войне (Малиновская, 2001; Иванова, 2002; Ракобольская, Кравцова, 2005; Ульяненко, 2005; Жукова, 2006; Волкова, 2006; Дзенискевич, 2006; Логинова, Золотухина, 2007; и др.).

Оказалось, что у войны бывает и женское лицо. Это женское лицо войны постепенно выходит из теневой стороны в «освещенное пространство памяти» (Рикер, 2004) и все сильнее предъявляет сегодня свои притязания на правдивость к отечественной мемориальной культуре войны. И хотя «женские воспоминания о войне пока что остаются именно отдельными воспоминаниями, не превращаясь в групповую, коллективную память» (Никонова, 2005), однако они вносят свой вклад в создание полноценной женской истории Великой Отечественной войны.

Особенности «женского лица» в памяти о войне

Вопросы войны в истории отечественной культуры традиционно ассоциировались с маскулинностью: война — это дело мужчин. Господствовавшие гендерные модели предписывали женщине те роли, которые предназначены ей самой природой — рожать детей, заниматься их воспитанием, быть хорошей хозяйкой, верной женой. Выполнение женщиной мужской роли солдата воспринималось общественным сознанием все же как аномалия, несмотря на то, что в российской культурной памяти оставили свой след несколько десятков ярких женщин — уланов, пилотов, участниц женских батальонов времен Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны, Гражданской войны.

Совсем иначе вопрос об участии советской женщины в войне был поставлен в 1941—1945 гг. В условиях начавшейся войны наряду с традиционным, воспроизводящим базовую дихотомию мужского и женского, образом нации «Родинамать зовет!», наиболее полно выраженным знаменитым плакатом художника И. Тоидзе, была востребована и иная гендерная модель, связанная с обращением И.В. Сталина 3 июля 1941 г. «Братья и сестры!». Она знаменовала разрушение традиционных иерархий и патриархальных символов, основанных на гендерных дихотомиях и метафорах отцовской власти, и утверждение символа братства,

подчеркивавшего значение равенства и солидарности народов, гендеров, рабочих и крестьян в противоборстве фашистскому агрессору. Новая гендерная модель легитимировала использование женщин на войне. Женщинам была предоставлена возможность выполнять свой патриотический долг, жертвуя собой наравне с мужчинами во имя Родины. На практике это привело к широкому участию советских женщин в военных сражениях Великой Отечественной войны. Более 800 тысяч женщин служили в Советской армии во время войны, около двухсот тысяч из них были награждены, а 89 в конце концов получили высшую награду страны — звание Героя Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны женщины в основном служили радистками, санитарками, машинистками при штабах. Но при этом немало женщин были летчиками и снайперами. Были даже только женские части — зенитные, авиационные. Около 60% медперсонала в госпиталях, 80% в подразделениях связи и 50% в дорожных войсках составляли женщины (Петрищева, 2011).

Новая гендерная модель, толерантная к участию женщины в войне, стала формироваться еще в предвоенный период. А. Крылова, исследовательница из университета Дьюка (США), на материале мемуаров и интервью женщин-военных показала, как поколение женщин в СССР в предвоенные годы готовило себя к выполнению роли солдата (Krylova, 2010). Она связывает это с тем, что построение социальной и гендерной идентичности «женщины-бойца» основывалось на концепции гендера, в которой отсутствовали привычные противопоставления мужских и женских ролей. Материнская роль, в частности, в данном случае совсем не противоречила роли солдата. То есть довоенная официальная культура и институты имели дело с разнообразными, двойственными понятиями о гендере. В это время отсутствовала однозначная и последовательная официальная идеология и социальная политика в отношении новой советской женщины. Поскольку гражданам не предлагалось однозначных инструкций в отношении того, как следует себя вести, т.е. на самом деле не существовало единой модели идеального советского человека, постольку это предоставляло большой простор для вариаций. Довоенные поколения девушек не видели перед собой никаких преград, над ними не довлели традиционные понятия об «исконном» предназначении женщины, они считали, что все дороги перед ними открыты. Образованные, самостоятельные, решительные они начали готовить себя к предстоящей войне еще в середине 1930-х гг. (Большакова, 2013).

«У нас не было выбора: или победить, или умереть. Мы должны были отстоять нашу Родину,— пишет в своих мемуарах О. Т. Голубева-Терес, воевавшая штурманом 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка,— и ничего хорошего не ожидали... Ни славы, ни наград девушки не искали—лишь бы летать, лишь бы самим бить врага, лишь бы поскорее вернуться к миру, к прерванной войною учебе» (Голубева-Терес, 1988).

В книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо» также приводятся аналогичные образы: «...Таких людей, какими мы были тогда, наверное, больше никогда не будет. Никогда! Таких наивных и таких искренних. С такой верой!» (Алексиевич, 2013). Следовательно, нельзя понять конструирование собственной идентичности советскими гендерами без учета символических значений Великой Отечественной войны для воевавшего советского народа.

Во всех случаях образы памяти соответствуют образам официальной пропаганды. Объясняя данный феномен, отечественные исследователи справедливо отмечают, что некорректно усматривать в этом только результат властных стратегий запугивания и манипулирования. А между тем на волне модной ныне критики официальной военной истории исследователи нередко пытаются полностью разрушить героический образ советского человека на войне. Но «черные пятна на светлом лике Победы» (Никулин, 2008) все же нельзя стирать таким образом. Можно согласиться с мнением отечественных исследователей, что решение этой задачи нам еще предстоит, что «соотношение добровольчества и принуждения, политического контроля и национального самосознания, пассивного участия и героической жертвенности в ходе войны и роль этих факторов в победе — вопросы поставленные, но не разрешенные» (Никонова, 2005).

Война — это серьезное испытание на человечность. По воспоминаниям женщин — участниц войны, они нередко сталкивались с глубоко укоренившимися в советской маскулинной культуре гендерными стереотипами: «Четвертый год я в армии. А все же не исчезает это предубеждение: мол, ты женщина» (Левченко, 1983); «Я была в мужском полку у майора Лопуховского, где относились к полетам женского полка явно с предубеждением. Им многим не верилось, что девушки прекрасно воюют и летают в большинстве случаев не хуже мужчин» (Чечнева, 1975); «Вы не ошиблись, девушки? ... Не хотел бы я встретить "мессера", имея в паре такое небесное создание! ... Надо было доказать делом свое право называться летчиком-истребителем» (Казаринова и др., 1962).

Действительно «война ужесточила и обесчеловечила мужское отношение к женщине» (Щербакова, 2012). Реальный опыт воевавшего советского солдата отличался от транслируемых официальной пропагандой представлений о гуманности и человечности Красной армии. Имели место и случаи массового насилия, и восприятие женщин в качестве военной добычи и пр. Н. Малыгина в своей работе «Война глазами солдата, как я ее вижу» приводит воспоминания своего родственника, согласно которым приказы командования войскам, вступившим на территорию Германии, содержали призывы к мщению, которое должно было распространяться, в частности, на немецких женщин (Малыгина, 2009). О таких же случаях пишет в своих мемуарах и Н. Никулин: «У нас все пошло стихийно, по-славянски. Бей, ребята, жги, глуши! Порти ихних баб!» (Никулин, 2008). Подобные случаи «неформального правосудия победителей» были характерны и для солдат союзнических армий (Маубах, 2005).

В воевавшей Красной армии женщины, конечно, становились и объектами домогательств со стороны армейского руководства, под началом которого приходилось им служить, оправдывавшего свое насилие и жестокость циничной установкой, что «война все спишет» (Щербакова, 2012; Никулин, 2008).

Однако женскую военную историю некорректно сводить только к такому травматичному опыту. Из-за унизительной оценки женских военных заслуг как «заслуг половых», по словам О.Ю. Никоновой, многие женщины в послевоенное время вынуждены были скрывать свое военное прошлое ради возвращения к «нормальной» жизни, а в официальной мемориальной культуре женская память о войне превратилась в «фигуру умолчания» (Никонова, 2005). Извлечь женскую память о войне из «вынужденной немоты» — такую задачу предстоит решить современному поколению исследователей. Но когда «сквозняк» истории скользит по душам и державам (И. Губерман), очень важно и сохранить от деформаций священную память о недавнем советском военном прошлом, и создать полноценную женскую историю Великой Отечественной войны.

Библиографический список

- 1. Алексиевич, *C.* (2013). У войны не женское лицо. Ч. 1. Режим доступа: http://eva.ru/travel/channel/12/news11102.htm
- 2. Большакова, О. В. (2013). Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны. Режим доступа: http://www.inion.ru/files/File/Bolshakova_poverh_barierov_amerikanskaya_rusistika_2013.pdf
- 3. Васильев, Б. Л. (1972). *А зори здесь тихие*: повесть. Москва: Дет. лит.
- 4. Вельцер, Х. (2005). История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html
- 5. Война Карена Шахназарова. (2012, май, 9). *Лекции на Дожде*. Режим доступа: www. tvrain.ru/articles/voyna_karena_sharhnazarova_polnay_versiya-246523/
- 6. Волкова, Е. Ю. (2006). Победа одна на всех: роль женщин в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов: монография. Кострома: редакционно-издательский отдел Костромского государственного технологического университета.
- 7. Габович, М. (2015). Памятник и праздник: этнография Дня Победы. *Неприкосновенный запас*, 3 (101). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html
- 8. Гапова, Е. (2015). Страдание и поиск смысла: «моральные революции» Светланы Алексиевич. *Неприкосновенный запас*, 1 (99). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/15g.html.
- 9. Голубева-Терес, О. Т. (1974). Звезды на крыльях. Саратов: Приволж. кн. изд-во.
- 10. Голубева-Терес, О. Т. (1988). *Страницы из летной книжки*. Москва: Воениздат. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/golubeva_teres_ot/index.html

- 11. Дзенискевич, А. Р. (2006). Женщина и война: о роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та.
- 12. Жукова, Ю. К. (2006). Девушка со снайперской винтовкой: воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки, 1944–1945. Москва: Центрполиграф.
- 13. Иванова, Ю. Н. (2002). *Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах*. Москва: РОССПЭН.
- 14. Красильникова-Ященко, О. И. (1972). Слышите, я русская! Записки женщины-солдата. Ставрополь: Кн. изд-во.
- 15. Казаринова, М. А., Полянцева, А. А. (ред.). (1962). В небе фронтовом: сборник воспоминаний и очерков. Москва: Молодая гвардия. Режим доступа: http://militera.lib. ru/memo/russian/v_nebe_frontovom/index.html
- 16. Кожухова, О. К. (1978). Ночные птицы: повесть. Москва: Правда.
- 17. Колеватов, Н. А. (1978). *Десантницы*: докум. повесть. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во.
- 18. Конрадова, Н., Колягина, Н. (2015). День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы. *Неприкосновенный запас*, 3 (101). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/11kk.html
- 19. Костенков, А. Г. (1978). *Шли девушки дорогой фронтовой*: докум. повесть. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Кн. изд-во.
- 20. Лапин, К. К. (1966). *Подснежник на бруствере: записки снайпера Любы Макаровой*. Москва: Молодая Гвардия.
- 21. Левченко, И. Н. (1983). *Повесть о военных годах*. Москва: Советская Россия. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/levchenko_in/index.html
- 22. Логинова, Е. С., Золотухина, Л. И. (2007). Наградной лист: альбом о Сургутском клубе «Фронтовые подруги», о защитниках Отечества, отмеченных боевыми наградами 1941–1945 гг. Ханты-Мансийск: Полиграфист.
- 23. Луман, Н. (2006). Дифференциация. Москва: Логос.
- 24. Малиновская, Н. (2001). *Судьба страны* моя судьба: докум. воспоминания, фото, стихи. Новосибирск: Новосибирский Полиграфкомбинат.
- 25. Малыгина, Н. (2009, июнь 6). Война глазами солдата, как я ее вижу. *Уроки истории.* XX век. Режим доступа: http://urokiistorii.ru/node/251
- 26. Мешкова, Е. Н. (1987). Боевые спутники мои: воспоминания. Ленинград: Лениздат.
- 27. Молчанов, П. А. (1974). *Подснежники на минном поле*: докум. повесть о кавалере двух орденов Славы, снайпере Р. Шаниной. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во.
- 28. Маубах, Ф. (2005). «Военная помощница» парадигматическая фигура конца войны. *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/mau31.html
- 29. Мурманцева, В. С. (1974). *Советские женщины в Великой Отечественной войне*. Москва: Мысль. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women/texts/murman1r.htm
- 30. Мы у прошлого не учимся, мы им живем. Беседа Ирины Костериной с Сергеем Ушакиным. (2015). *Неприкосновенный запас*, 4 (102). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/4/11int.html

- 31. «Насилие» в Гданьске (2013, октябрь 20). *Региональные новости*. Режим доступа: http://newsbabr.com/? IDE=119792
- 32. Никифорова, Е., Евстигнеев, Г. (1976). *Снайперы*: сборник о выпускниках Центральной женской школы снайперской подготовки. Москва: Молодая гвардия.
- 33. Никонова, О. (2005). Женщины, война и «фигуры умолчания». *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32.html
- 34. Никулин, Н. Н. (2008). *Воспоминания о войне*. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- 35. Новоселова, Е. (2013, май 8). Обыкновенный фальшизм. *Российская газета Неделя*, 6074 (98): 22. Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/04/23/istoria.html
- 36. Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html
- 37. Овчинникова, Л. П. (1987). *Женщины в солдатских шинелях*. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во.
- 38. Петрищева, И. (2011). *Женщины на войне. Как это было?* Режим доступа: http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-46888/
- 39. Полян, П. (2015). Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства. *Неприкосновенный запас*, 3 (101). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/16pp.html
- 40. Портнов, А. (2013, июнь 27). «Наши матери, наши отцы». Немецкий фильм и его восточноевропейские критики. Ч. 1. Немецкий фильм. Уроки истории. XX век. Режим доступа: http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51792
- 41. Постановление ЦК ВКП (б). (1943, март 8). О коммунистическом женском дне 8 марта. Правда. С. 1–2.
- 42. Ракобольская, И. В., Кравцова, Н. Ф. (2005). *Нас называли ночными ведьмами: так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков*. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- 43. Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. Москва: Изд-во гуманитарной литературы. Режим доступа: http://textarchive.ru/c-2842079-pall.html
- 44. Стрехнин, Ю. Ф. (1970). *Есть женщины в русских селеньях*: О разведчице А.А. Кулешовой. Москва: Советская Россия.
- **45**. Сычева, Т. А. (1989). *По зову сердца*. Киев: Молодь.
- 46. Тамарина, Г. (1974). *Файка-разведчица. На краю войны*: повести. Ташкент: Еш гвардия.
- 47. Торопов, Л. (ред.). (1963). *Героини войны*: очерки о женщинах Героях Советского Союза. Москва: Госполитиздат.
- 48. Украину продолжают «окунать» в советское прошлое. (2013, январь 15). Комментарии. Режим доступа: http://comments.ua/life/382055-ukrainu-prodolzhayut-okunat.html
- 49. Ульяненко, Н. 3. (2005). *Незабываемое...*: воспоминания Героя Советского Союза, летчицы первого в мире авиационного женского полка ночных бомбардировщиков. 4-е изд., доп. Ижевск: Удмуртия.
- 50. Ульяненко, Н. З. (1964). Незабываемое: Записки летчицы. Ижевск: Удмуртия.
- 51. Хаттон, П. Х. (2004). История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль.

- 52. Чечнева, М. П. (1975). *Боевые подруги мои.* Москва: ДОСААФ. Режим доступа: http://smirnovkv.asuscomm.com/library/book/992_boevuue_podrugi_moi_.html
- 53. Шулешова, А. Е. (1969). *Пароль на сутки «Achtung!»:* литер. запись В. Турунтаева. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во.
- 54. Щербакова, И. (2012, июнь 21). Победа вместо войны? (Накануне 65-летнего юбилея). *Уроки истории. XX век.* Режим доступа: http://urokiistorii.ru/current/dates/3222
- 55. Ярская, В. Н., Ярская-Смирнова, Е. Р. (ред.). (2011). Власть времени: социальные границы памяти. Москва: Центр социальной политики и гендерных исследований.
- 56. Krylova, A. (2010). *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front.* N.Y.: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 10.02.2016.

THEMATIZATION OF MEMORY OF "THE WOMAN IN THE WAR" IN MODERN DECONSTRUCTIONS OF WORLD WAR II EVENTS

Zavershinskaia N. A.

Zavershinskaia Natalia Alexandrovna, St. Petersburg State Chemical-Pharmaceutical Academy, 14. prof. Popova str., St. Petersburg, 197376, Russia, E-mail: zna07@yandex.ru

The article deals with the phenomenon of female war memory in the context of today's memories of the Second World War and Russian memorial culture of the Great Patriotic War. The author uses constructivist methodology to study the ways to render the memory of the woman in that war.

Inclusion of women in official memorial culture of war had its peculiarities in different periods of the Soviet society history. The interest in the military history and the topic of woman in the war was considerably intensified during the Brezhnev's era.

During the Post-Soviet era female war memory lays more claims to the truthfulness of national memorial culture of the war, as today the previously restricted archival documents become publically available, numerous memoirs are published, the topics that used to be taboo, which gave an impulse to rigorous scientific researches etc., are now taken out to the court of public opinion.

Collective official military memory is in many respects concordant to female war memories. Explaining this phenomenon, Russian researchers fairly note that it is incorrect to only consider it to be a result of the government's strategy of intimidation and manipulation.

As war is a serious test for humanity, female memories are also connected with traumatic experience. However women's military history cannot be reduced to the traumatic experience alone. As female memory resists to painful remembrances both because of heavy emotions, and because of a possibility of their humiliating assessment, "to retrieve" female memory of war from "the forced silence" is a difficult and delicate task, which future generation of researchers is to solve to the full extent.

Key words: Great Patriotic War, Soviet past, female war memory, commemorations, memorial culture, deconstruction, demythologization, identity, traumatic experience, sexual violence.

References

- 1. Aleksievich, S. (2013). *U vojny ne zhenskoe lico* [The war has no woman's face]. Ch. 1. Retrieved from: http://eva.ru/travel/channel/12/news11102.htm
- 2. Bolshakova, O. V. (2013). *Poverh bar'erov: Amerikanskaja rusistika posle holodnoj vojny* [Above the Barriers: American russistic after the Cold War]. Moscow: INION. Retrieved

- from: http://www.inion.ru/files/File/Bolshakova_poverh_barierov__amerikanskaya_rusistika_2013.pdf
- 3. Vasiliev, B. L. (1972). *A zori zdes' tihie: povest* [Dawns Are Quiet Here: The Story]. Moscow: Det. Litas.
- 4. Welzer, H. (2005). Istorija, pamjat' i sovremennost' proshlogo. Pamjat' kak arena politicheskoj bor'by [History, memory and the present of the past. Memory as an arena of political struggle]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 2–3 (40–41). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html
- 5. Vojna Karena Shahnazarova [Karen Shakhnazarov's War] (2012, May 9). *Lektsii na Dozhde* [Lectures in the Rain]. Retrieved from: www.tvrain.ru/articles/voyna_karena_sharhnazarova_polnay_versiya-246523/
- 6. Volkova, E. J. (2006). *Pobeda odna na vseh: rol' zhenshhin v sozdanii prochnogo tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov*: monografiya [Victory is one for all: the role of women in creating a strong home front during the Great Patriotic War of 1941–1945: monograph]. Kostroma: editorial and publishing department of the Kostroma State Technological University.
- 7. Gabovich, M. (2015). Pamjatnik i prazdnik: jetnografija Dnja Pobedy [Monument and holiday: ethnography of the Victory Day]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 3 (101). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html
- 8. Gapova, E. (2015). Stradanie i poisk smysla: "moral'nye revoljucii" Svetlany Aleksievich [Suffering and search for the meaning: Svetlana Aleksievich's "moral revolution"]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 1 (99). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/15g.html
- 9. Golubeva-Teres, O. T. (1974). *Zvezdy na kryl'jah* [The stars on the wings]. Saratov: Volga region. Vol. publ.
- 10. Golubeva-Teres, O. T. (1988). *Stranicy iz letnoj knizhki* [Pages of a flight logbook]. Moscow: Voenizdat. Retrieved from: http://militera.lib.ru/memo/russian/golubeva_teres_ot/index. html
- 11. Dzeniskevich, A. R. (2006). *Zhenshhina i vojna: o roli zhenshhin v oborone Leningrada.* 1941-1945 gg. [Women and war: the role of women in the defense of Leningrad. 1941–1945]: The collection of articles. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University.
- 12. Zhukov, J. K. (2006). *Devushka so snajperskoj vintovkoj: vospominanija vypusknicy Central'noj zhenskoj shkoly snajperskoj podgotovki, 1944–1945* [Woman with a sniper rifle: memories of a graduate of the Central School of women-snipers training, 1944–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- 13. Ivanova, Yu. N. (2002). *Hrabrejshie iz prekrasnyh: Zhenshhiny Rossii v vojnah* [Bravest of the beautiful ones: Russian women in war]. Moscow: ROSSPEN.
- 14. Krasil'nikova-Yaschenko, O. I. (1972). *Slyschite, ya russkaya!* [Hear me? I'm Russian!]. Notes of a female soldier. Stavropol: Bk. publ.
- 15. Kazarinova, M. A., Polyantseva, A. (eds.). (1962). *V nebe frontovom* [In the sky of frontline: Memoirs and essays]. Moscow: Molodaya gvardija. Retrieved from: http://militera.lib.ru/memo/russian/v nebe frontovom/index.html

- 16. Kozhukhova, D. C. (1978). *Nochnye ptitsy*: povest' [Night Birds: The Story]. Moscow: Pravda.
- 17. Kolevatov, N. A. (1978). *Desantnitsy*: dok. povest' [Paratroopers: doc. story]. Kirov: Volga-Vyat. Vol. publ.
- 18. Konradova, N. & Kolyagina, N. (2015). Den' Pobedi na Poklonnoi gore: struktura prostranstva i rituali [Victory Day at Poklonnaya Hill: space structure and rituals]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 3 (101). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/11kk.html
- 19. Kostenkov, A. G. (1978). *Shli devuschki dorogoj frontovoj* [There girls on a front road: doc. story]. 2nd ed., rev. and ext. Krasnodar: Bk. publ.
- 20. Lapin, K. K. (1966). *Podsnezhnik na brustvere: zapiski snajpera Lyuby Makarovoj* [Snowdrop on the parapet: Notes of a sniper Lyuba Makarova]. Moscow: Molodaya gvardija.
- 21. Levchenko, I. (1983). *Povest' o voennyh godah* [Tale of the war years]. Moscow: Sovetskaya Rossia. Retrieved from: http://militera.lib.ru/memo/russian/levchenko_in/index.html
- 22. Loginova, E. S. & Zolotukhina, L. I. (2007). *Nagradnoj list: al'bom o Surgutskom klube* "Frontobye podrugi", o zaschitnikah Otechestva, otmechennyh boevymi nagradami 1941–1945 [Commendation list: album of the Surgut club "Front-line friends", the defenders of the Fatherland, granted with military awards, 1941–1945]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
- 23. Luhmann, N. (2006). Differenciacija [Differentiation]. Moscow: Logos.
- 24. Malinovskaya, A. N. (2001). *Sud'ba strany moja sud'ba: dokum. vospominanija, foto, stihi* [The fate of the country my destiny: doc. Memories, photos, poems]. Novosibirsk: Novosib. Integrated Printing.
- 25. Malygina, N. (2009, June 6). Vojna glazami soldata, kak ja ee vizhu [War through the eyes of a soldier, as I see it.] *Uroki istorii. XX vek* [The lessons of history. XX century]. Retrieved from: http://urokiistorii.ru/node/251
- 26. Meshkova, E. N. (1987). *Boevye sputniki moi: vospominanija* [My martial companions: memories]. Leningrad: Lenizdat
- 27. Molchanov, P. A. (1974). *Podsnezhniki na minnom pole: dokum. povest' o kavalere dvuh ordenov Slavy, snajpere R. Shaninoj* [Snowdrops in a minefield: doc. tale of holder of two Orders of Glory, R. Shanina sniper]. Arkhangelsk: Northwestern. Vol. publ.
- 28. Maubah, F. (2005). "Voennaja pomoshhnica" paradigmaticheskaja figura konca vojny ["The military assistant" the paradigmatic figure in the end of the war]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 2–3 (40–41). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/mau31.html
- 29. Murmantseva, V. S. (1974). *Sovetskie zhenshhiny v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Soviet women in the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl'. Retrieved from: http://www.a-z.ru/women/texts/murman1r.htm
- 30. My u proshlogo ne uchimsja, my im zhivem. Beseda Iriny Kosterinoj s Sergeem Ushakinym [We do not learn from the past, we live it. Conversation of Irina Kosterina with Sergey Ushakin]. (2015). *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 4 (102). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2015/4/11int.html
- 31. "Nasilie" v Gdan'ske ["Violence" in Gdansk] (2013, Oktyabr' 20). *Regional'nie novosti* [Regional news]. Retrieved from: http://newsbabr.com/?IDE=119792

- 32. Nikiforova, E. & Evstigneev, G. (1976). *Snajpery: sbornik o vypusknikah Central'noj zhen-skoj shkoly snajperskoj podgotovki* [Snipers: Collection of stories of the graduates of the Central School of women-snipers training]. Moscow: Molodaya gvardija.
- 33. Nikonova, O. (2005). Zhenshhiny, vojna i "figury umolchanija" [Women, War and the "figures of silence"]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 2–3 (40–41). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32.html
- 34. Nikulin, N. N. (2008). *Vospominanija o vojne* [Memories of the war]. St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage.
- 35. Novoselova, E. (2013, May 8). Obyknovennyj fal'shizm [Ordinary falshizm]. *Rossijskaya gazeta Nedelya*, 6074 (98): 22. Retrieved from: http://www.rg.ru/2013/04/23/istoria.html
- 36. Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamjati [Worldwide celebration of memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 2–3 (40–41). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html
- 37. Ovchinnikova, L. P (1987). *Zhenshhiny v soldatskih shineljah* [Women wearing soldiers' coats]. Volgograd: Nizh.-Volzh. Vol. publ.
- 38. Petrishcheva, I. (2011). *Zhenshhiny na vojne. Kak jeto bylo?* [Women in war. How it was?]. Retrieved from: http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-46888/
- 39. Polyan, P. (2015). Istoriomor. Strukturizacija pamjati i infrastruktura bespamjatstva [Istoriomor. Structuring of memory and infrastructure of forgetfulness]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserves], 3 (101). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/16pp.html
- 40. Portnov, A. (2013, June 27). "Nashi materi, nashi otcy". Nemeckij fil'm i ego vostochnoevropejskie kritiki. Ch. 1. Nemeckij fil'm ["Our mothers, our fathers." German film and its Eastern European critics. Part 1: German film]. *Uroki istorii. XX vek* [The lessons of history. XX century]. Retrieved from: http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51792
- 41. Postanovlenie CK VKP (b) (1943, March 8). O kommunisticheskom zhenskom dne 8 marta [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b).On the Communist Women's Day of March 8]. *Pravda*, 1–2.
- 42. Rakobolskaya, I. V., Kravtsov, N. F. (2005). *Nas nazyvali nochnymi ved'mami: tak voeval zhenskij 46-j gvardejskij polk nochnyh bombardirovshhikov* [We were called the night witches: how women's 46th guard regiment of nights bombers fought]. Moscow: State University publishing house.
- 43. Ricoeur, P. (2004). *Pamjat', istorija, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Publishing house of humanitarian literature. Retrieved from: http://textarchive.ru/c-2842079-pall.html
- 44. Strehnin, Yu. F. (1970). *Est' zhenshhiny v russkih selen'jah*: O razvedchice A.A. Kuleshovoj [There are such women in Russian villages: About the intelligence officer A.A. Kuleshova]. Moscow: Sovetskaia Rossija.
- 45. Sycheva, T. A. (1989). Po zovu serdca [Answering the call of the heart]. Kiev: Molod'.
- 46. Tamarina, G. (1974). *Fajka-razvedchica. Na kraju vojny*: povesti [Fayka-scout. At the edge of the war: stories]. Tashkent: Yesh gvardija.
- 47. Toropov, L. (eds.). (1963). *Geroini vojny: ocherki o zhenshhinah Gerojah Sovetskogo Sojuza* [Heroines of the war: essays on women Heroes of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat.

- 48. Ukrainu prodolzhajut "okunat" v sovetskoe proshloe [Ukraine continues to be "dipped" in the Soviet past]. (2013, January 15). *Kommentarii* [Comments]. Retrieved from: http://comments.ua/life/382055-ukrainu-prodolzhayut-okunat.html
- 49. Ulyanenko, N. Z. (2005). *Nezabyvaemoe...: vospominanija Geroja Sovetskogo Sojuza, letchicy pervogo v mire aviacionnogo zhenskogo polka nochnyh bombardirovshhikov* [Unforgettable...: memories of the Hero of the Soviet Union, pilot of the first in the world female aviation regiment of night bombers]. 4-e ed., ext. Izhevsk Udmurtija.
- 50. Ulyanenko, N. Z. (1964). *Nezabyvaemoe: Zapiski letchicy* [Unforgettable: pilot's notes]. Izhevsk Udmurtia.
- 51. Hutton, P. H. (2004). *Istorija kak iskusstvo pamjati* [History as the art of memory]. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- 52. Chechneva, M. P. (1975). *Boevye podrugi moi* [My comrades-in-arms]. Moscow: Voluntary Association for Assistance to Army, Air Force and Navy. Retrieved from: http://smirnovkv.asuscomm.com/library/book/992_boevuue_podrugi_moi_.html
- 53. Shuleshova, A. E. (1969). *Parol' na sutki "Achtung!"* [Password for a day «Achtung!»]: lit. record by V. Turuntaev. Sverdlovsk Sred.-Ural. Vol. publ.
- 54. Shcherbakova, I. (2012, June 21). Pobeda vmesto vojny? (Nakanune 65-letnego jubileja) [Is the winning instead the war? (On the eve of the 65th anniversary)]. *Uroki tstorii. XX vek* [The lessons of history. XX century]. Retrieved from: http://urokiistorii.ru/current/dates/3222
- 55. Yarskaia, V. N. & Yarskaia-Smirnova, E. R. (Eds.). (2011). *Vlast' vremeni: social'nye granicy pamjati* [Power of the time: social boundaries of memory]. Moscow: Center for Social Policy and Gender Studies.
- 56. Krylova, A. (2010). *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front.* N.Y.: Cambridge University Press.

СИМВОЛ РОДИНЫ-МАТЕРИ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 1

Рябов О.В., Рябова Т.Б.

Рябов Олег Вячеславович, Санкт-Петербургский институт искусств и реставрации, 1 99178, Россия, Санкт-Петербург, 8-я линия Васильевского Острова, д. 83A. Эл. почта: riabov1@inbox.ru.

Рябова Татьяна Борисовна, Ивановский государственный университет, 153025, Россия, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. Эл. почта: riabova2001@inbox.ru.

В статье анализируется роль символа Родины-матери в формировании российской гражданской идентичности. Авторы рассматривают конструирование российской гражданской идентичности в качестве процесса проведения символических границ между «своими» и «чужими». Символ Родины-матери активно используется в идентификационных процессах. Его эффективность в качестве символического пограничника определяется как использованием метафор родства, так и опорой на историческую традицию, придающую исследуемому символу дополнительную легитимность.

Сегодня использование символа направлено, в первую очередь, на легитимацию российскости. Он укрепляет внешние символические границы, умножая сумму различий между «своими» и «чужими», прежде всего, в процессе противопоставления России Западу; авторы обращают особое внимание на роль исследуемого символа в укрепление современного российского антиамериканизма. Это относится как к идентификации себя с этим символом, так и к способам проведения символических границ с «чужими». Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к матери. Кроме того, материнский символ, апеллируя к образу родства всех этносов Российской Федерации, используется в ослаблении внутренних символических границ, укреплении межэтнического единства и формировании российской политической нации. Авторы подчеркивают, что это позволяет рассматривать материнский символ страны в качестве символического ресурса формирования российской гражданской идентичности. Вместе с тем в статье обращается внимание на необходимость учитывать и его возможный дезинтегрирующий эффект: актуализируя семейную метафору, «Родина-мать» апеллирует к образу кровного родства как основе нации, что способствует актуализации идей этнического национализма.

Ключевые слова: Родина-мать, антиамериканизм, российская гражданская идентичность, символические границы, межэтнические отношения.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательских проектов РГНФ 15-03-00010 «Символ "Родины-матери" в символической политике современной России» и РГНФ 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: Политологический анализ».

Одной из актуальных проблем современной России является формирование российской гражданской идентичности. Создание новой России предполагает обеспечение единства ее граждан, которое означает, во-первых, достижение определенного уровня социально-политической и культурной однородности (единое культурное и информационное пространство; язык; нормы поведения; система ценностей; управляемость; единое правовое поле; связи между регионами; равные возможности всех россиян вне зависимости от этнического происхождения) и, во-вторых, осознание этого единства, т.е. изменения в коллективной и индивидуальной идентичности. Иными словами, для того, чтобы Россия как целостное государство состоялась, необходимо появление россиян и «российскости».

При этом концепция «российскости» исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми прочими делениями — социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Процесс формирования российской нации, стартовавший сразу после распада СССР, особый масштаб приобрел в 2000-е гг.² Как свидетельствуют данные социологов, на этом пути достигнуты определенные успехи. В 2012-2015 гг. чувство близости с гражданами России испытывали 76% россиян (Дробижева, 2012; Дробижева, 2015); согласно исследованию ВЦИОМ, предпринятому в 2013 г., для 56% россиян приоритетной являлась именно российская гражданская идентификация (Федоров, 2013). Именно построение российской гражданской нации объявляет главной целью принятая в 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ «О Стратегии государственной национальной политики...», 2012). Вместе с тем процесс формирования российской нации сталкивается со многими проблемами. Одной из них является конкуренция со стороны других идентификационных дискурсов, включая дискурс этнического русского национализма, и важнейший аспект проблемы межэтнической гармонии связан прежде всего с русским вопросом.

Проблема имеет и символическое измерение; символы — одна из необходимых составляющих в идентичности любого сообщества. Достижение состояния коллективной идентичности как психологической сплоченности возможно лишь в едином символическом пространстве социума (Степнова, 1998). Говоря об интегративной функции социального символа, Э. Коэн подчеркнул: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности... к общему полю символов» (Cohen, 1985).

² Так, на инаугурации 2004 г. В. Путин заявил, что «Мы все больше превращаемся в единую нацию». Первые же официальные декларации государственной идеологии на основе «гражданского национализма» прозвучали еще в 1994 г., когда в послании Б. Ельцина ФС РФ указывалось, что национальные проблемы будут «сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства» (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 1994).

Настоящая статья посвящена анализу такого символа, как Родина-мать. Мы рассматриваем его в качестве одного из «символических пограничников», культурных маркеров, которые используются в проведении символической границы как важнейшего компонента коллективной идентичности. Вначале мы рассмотрим формирование российской гражданской идентичности как процесс проведения символических границ. Далее, остановимся на роли символа «Родина-мать» в российской культуре. Затем речь пойдет о том, как этот символ используется в дискурсивном производстве символической границы, отделяющей россиян от внешних «чужих». Наконец, предметом анализа будет влияние символа на проведение внутренних символических границ.

Материалами исследования служат, во-первых, обсуждение в российских медиа публикации американским изданием «Business Insider» рейтинга абсурдных строений, включающего волгоградский монумент «Родина-мать зовет!» (за двухнедельный период после публикации, т.е. 29 апреля — 14 мая 2015 г.); во-вторых, данные двух серий полуформализованных интервью, проведенных в г. Иваново (2014 (N = 21), 2015 (N = 20)).

Формирование российской гражданской идентичности как процесс проведения символических границ

Русскость и «российскость» представляют собой и объективные характеристики культурной гомогенности, и дискурсы, которые — подобно всякому дискурсу — предлагают особые способы проведения символических границ между «своими» и «чужими». Интересом к проблеме символических границ социальные науки в значительной степени обязаны работам Ф. Барта, который впервые использовал конструктивистский подход для анализа социальных границ (Barth, 1969). Социальные границы, отражая объективную дискретность социального бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также преувеличиваются, или, напротив, преуменьшаются; социальные границы, таким образом, имеют и символическое измерение. Роль символических границ в социальных отношениях определяется их связью с такими важнейшими социальными феноменами, как власть и идентичность. Проведение символических границ является фактором, оказывающим влияние на отношения господства и подчинения, и, следовательно, может быть рассмотрено в качестве формы «символического насилия». Что касается коллективной идентичности, то ее интерпретация как в первую очередь отношения между «своими» и «чужими» определяет ключевое значение границы. При этом следует принимать во внимание гетерогенность коллективной идентичности, которая существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между

«своими» и «чужими» на собственный манер, определяя при этом «более своих» и «менее своих», производя тем самым инаковость не только внешнюю, но и внутреннюю. На то обстоятельство, что диакритики становятся предметом острой конкуренции, связанной с проблемой власти, обратил внимание еще Ф. Барт. Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров. Различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других различий (Barth, 1969). То есть для того, чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные, и необходимыми условиями конкурентоспособности символических границ являются их заметность и прочность. В соответствии с этим эффективные «символические пограничники» должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость естественности; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные (Рябов, Константинова, 2011). При этом следует также принимать во внимание, что в различных типах идентичности существуют различные типы инаковости. Анализируя случаи таких «других» современной Европы, как Марокко, Турция, страны Центральной и Восточной Европы, Б. Румелили показывает, что эти «другие» получают в европейской идентичности различные маркировки: они могут маркироваться либо как «анти-европейские», либо как «менее европейские». Если последние отличаются лишь в количественном отношении и могут в перспективе соответствовать критериям «европейскости», то вторые обречены отличаться от Европы благодаря таким факторам, как географическое положение или культурные традиции (Rumelili, 2004).

Действительно, для обоснования правильности собственного варианта проведения границы, придания ей прочности, нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими как раса, этничность, язык, гендер. Скажем, гендерный дискурс, подчеркивающий отличия российских мужественности и женственности от западных, широко используется в политиках идентичности, проводимых в период президентства В. Путина (Riabov, Riabova, 2014).

В качестве процесса проведения символических границ может быть рассмотрено формирование российской гражданской идентичности. При этом происходит как приуменьшение реальных различий внутри страны, так и преувеличение внешних отличий; в частности, связанная с созданием «российскости» потребность в укреплении символических границ с внешними «чужими» выступает одним из факторов роста антиамериканских настроений в России (Рябова, Романова, 2012; Рябова, Лямина, 2007). В качестве «символических пограничников», помимо самих терминов «россияне» и «российская нация», используются репрезентации специфики российской цивилизации, будь то особенности политической системы или национального характера. В данной

ситуации дискурс российскости вступает в конкуренцию с дискурсом русскости. В рамках этого процесса подвергаются своеобразной семиотической перекодировке те символические пограничники, которые призваны маркировать русскость: теперь они обозначают «российскость».

Одним из них является символ медведя. Этот символ занимает важное место в образе России на Западе; в постсоветский период он становится популярным и в России, прежде всего благодаря его вовлечению во внутреннюю политику. Изображение медведя появляется на логотипе «партии власти» еще в 1999 г. и с тех пор используется в самых разнообразных формах политического брендинга (Рябов, 2009). При этом утверждается, что культ медведя был специфической чертой русских с древнейших времен. Кроме того, медведь позиционируется как воплощение русского национального характера; тем самым происходит апелляция к чертам воображаемой русскости: от широты души к загадочности и от долготерпения к добродушию. Однако, будучи изначально символом русскости, медведь в дискурсе «партии власти» становится «российским медведем», т.е. используется для маркировки «российскости». Такая черта медвежьего символа, как его распространенность среди не только русского, но и других этносов России (включая финно-угорские народы, народы Сибири), позволяет ослабить межэтнические границы в стране, укрепив внешние символические границы. Показательным примером является изменение герба республики Марий Эл в 2011 г.; теперь он содержит изображение медведя в короне с мечом и щитом. Мотивировалось такое изменение тем, что медведь является древним символом марийского народа (Президент Марий Эл предлагает короновать медведя, 2011).

Символ Родины-матери в российской культуре

Одним из наиболее известных и древних символов России является материнский образ Родины. Начало истории представлений о материнской сущности страны следует отнести к образу Матери-сырой земли — русскому варианту Великой Богини-матери. В дальнейшем эти представления получают выражение в образе Русской земли: в древнерусской литературе она показана как живое существо; ее изображают в женском — чаще всего материнском — облике. В XVI в. она приобретает вид Святорусской матери-земли (Святой Руси) под влиянием работ Максима Грека и Андрея Курбского. В XVIII в. получает распространение концепт Отечества, однако и образ России-матери остается востребованным. С первых изображений России в женском облике, появившихся в петровскую эпоху, берет начало трехсотлетняя история визуализации России-матушки. Этот образ становится заметным элементом культуры Российской империи; он активно используется во внешне- и внутриполитической риторике. После Октябрьской революции исследуемый образ использовался по преимуществу как символ отсталости царской России, ее косности, а также национального

гнета. В середине 1930-х гг. материнский образ страны возрождается в образе Советской Родины-матери и остается одним из главных элементом символической политики советского государства на протяжении всей истории СССР (Щербинин, 2014). Распад СССР сопровождался деконструкцией символов советской эпохи, включая Родину-мать, и на протяжении 1990-х гг. образ Родиныматери использовался по преимуществу представителями левопатриотической оппозиции. Для 2000-х гг. характерна «реабилитация» властью данного образа; он широко включается в риторику первых лиц государства (Рябов, 2007).

За свою многовековую историю данный символ превратился в значимый элемент российской культуры, что отражается в литературе, философских концепциях и визуальной культуре. На распространенность образа Родины-матери указывает и тот факт, что он получает воплощение при помощи самых разнообразных способов визуализации: мы видим его в монументальной скульптуре и мелкой пластике, на плакате и карикатуре, на монетах и банкнотах, почтовых открытках и марках, в кинематографе и театральных постановках (Рябов, 2014). О значении, которое придается данному образу гражданами России в наши дни, говорят данные соцопросов. В 2006 г. опрос, проведенный в г. Иваново, показал, что при выборе символа России половина опрашиваемых отдали предпочтение именно образу матери (за образы молодой девушки, мужчины-воина, отца проголосовали соответственно 16, 12 и 4%) (Воронцова, Рябов, 2007). В 2015 г. всероссийский опрос, проведенный РОМИР, дал сходные результаты: на вопрос о том, с чем ассоциируется Родина, 26% респондентов ответили: «с образом матери», 19 — «с русской женщиной», а 11% указали на образ с плаката И. Тоидзе «Родинамать зовет!» (Образ Родины — в натуре, 2015). На протяжении многих веков он использовался в различных видах дискурса (национальном, этническом, военном, гендерном, демографическом, внутриполитическом, дискурсе международных отношений). Как показывают социологические исследования, образ Родиныматери сегодня ассоциируется в первую очередь с Великой Отечественной войной (Воронцова, Рябов, 2007). Родина-мать занимает важное место и в «имперском» дискурсе, оказывая влияние на репрезентацию России как полиэтнического и многоконфессионального государства. Уже в пропаганде Первой мировой войны использовался образ России как матери всех народов империи (Рябов, 2007). В советский период особо подчеркивается, что именно Октябрьская революция, уничтожившая национальный гнет, обусловила появление советской Родины-матери, для которой все народы страны являются любимыми детьми. Материнский символ играл выдающуюся роль в легитимации советской системы и являлся заметным элементом концепции многонационального советского народа.

Родина-мать и внешние символические границы

Рассмотрим, как сегодня материнский символ Родины используется в создании российской гражданской идентичности. Что касается укрепления внешних

символических границ «российскости», т.е. акцентирования отличий от внешних «чужих», то необходимо принимать во внимание, что отличие от Запада, а часто и противопоставление ему занимало важное место в российской идентичности на протяжении столетий. Одним из символов российской культуры, призванных выразить это отличие, выступает Россия-женщина, Россия-мать как воплощение смирения, бескорыстия, религиозности, иррациональности, соборности, т.е. ценностей, альтернативных западным индивидуализму, рациональности, секулярности, гордыне (Рябов, 2007).

В условиях сегодняшнего обострения отношений России со странами Запада этот символ также востребован. В наибольшей степени западные ценности для россиян воплощают США и американцы; антиамериканизм занимает важное место в политике идентичности, проводимой различными акторами сегодняшней России (Рябова, 2009; Рябова, Романова, 2012). Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к Родине-матери.

Эти черты проявились во время обсуждения публикации из американского еженедельника «Business Insider», который накануне 70-летия Победы в Великой Отечественной войне опубликовал список «самых абсурдных строений советской эпохи». В число таких строений был включен и монумент «Родина-мать зовет!», установленный в 1967 г. на Мамаевом кургане в Волгограде (The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing, 2015; Рябова, Романова, 2015).

На публикацию сочли необходимым отреагировать российские политики, чиновники, деятели культуры. Глава комитета ГД РФ по международным делам А. Пушков подчеркнул, что эта публикация не является случайностью и ее следует рассматривать в контексте информационной политики американских медиа, освещающих российскую жизнь; он напомнил о похожем случае — помещении телеканалом CNN в список самых уродливых памятников белорусского монумента «Мужество», посвященного защитникам Брестской крепости (Пушков, 2015). Министр культуры В. Мединский объяснил появление этой публикации невежеством журналистов и намекнул на то, что оно порождено особенностями американской культуры: «Смысл, заложенный в "Родину-мать", вообще понятен... каждому цивилизованному человеку в любой стране мира. Нам нечего обсуждать с теми, кто знаком с мировой культурой преимущественно по комиксам и кому наши памятники кажутся "бессмысленными". Неандерталец, пожалуй, тоже в этих памятниках увидел бы лишь то, что их нельзя съесть» (Мединский, 2015). И. Кобзон, заместитель председателя комитета Госдумы и вовсе заявил, что американцы не имеют права оскорблять наши памятники, «не их [американцев] свинячье дело — обсуждать архитектуру великой державы, которую мы потеряли». «Потрясающему комплексу Вучетича» он противопоставил «типичные европейские сити», которые, по его мнению, и следовало бы назвать абсурдными (Кобзон, 2015).

Публикация быстро стала популярной и в интернет-пространстве; она обсуждалась в блогах, в социальных сетях, в комментариях к данной новости на сайтах информационных агентств; и эти дискуссии позволяют выявить способы включения материнского образа страны в проведение внешних символических границ. В контексте нашего исследования важнейшим является то, что, во-первых, образ Родины-матери служит маркером идентичности, помогающим отличить «своих» от «чужих» и обосновать превосходство первых над вторыми и, во-вторых, то, что тема включалась в обсуждение особенностей отношения к родине в России и США.

Что касается первого, то, обсуждая публикацию, авторы сравнивали Россию с США, россиян—с американцами, а Родину-мать—со статуей Свободы в Нью-Йорке. Опубликовавших рейтинг журналистов и американцев в целом некоторые российские комментаторы обвиняют не только в некомпетентности, но и в нравственной ущербности, беспринципности, черствости, отсутствии уважения к сакральному.

«А чему удивляться! У Америки ничего святого: ни РОДИНЫ, ни МАТЕРИ! Только доллары» (Пушков вступился за «Родину-мать»..., 2015; The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing, 2015).

Российская Родина-мать и американская статуя Свободы становятся для интернет-пользователей символом двух совершенно различных систем ценностей. Отношение же к волгоградскому монументу является для комментаторов показателем того, как в двух культурах в целом воспринимают родину, и некоторые из них отказывают гражданам США в чувстве родины в принципе (Рябова, Романова, 2015).

Результаты интервью, проведенного в городе Иваново в 2014 г. $(N=21)^3$ так же, как и дискуссии о рейтинге «Business Insider», демонстрируют, что специфика патриотизма россиян и американцев является значимым «символическим пограничником». Как показало интервью, информанты считают, что отношение к своей стране американцев и россиян заметно различается, и для объяснений этих различий они часто привлекают понятие родины. Информанты расходились в оценке того, кто — американцы или россияне — являются большими патриотами, однако подавляющее число опрошенных полагали, что чувства граждан США относятся, скорее, к государству, а не к родине. Отношение граждан к своей стране как к родине, по их мнению, является особенностью России. Подчеркнем, что характеризуя отношение американцев и россиян к своей стране, информанты часто самостоятельно, без подсказки, прибегали к материнской метафоре, ассоциируя Родину с матерью.

«Россию наши люди воспринимают как мать... потому что она очень сильная и заботливая. Американцы не относятся к своей стране так же» (Елена).

³ Авторы выражают признательность Е. Лебедевой за работу с информантами.

«Нет, у них [американцев] родины-матери нет, есть только государство» (**Артур**).

Различие отношения к Родине американцев и россиян информанты видят в специфике их символики, при этом они предлагали развернутые объяснения преимущества российского символа над американскими.

«Потому что есть Родина-мать. Мать никогда не предаст, никогда не откажется от своих детей, потому что она сильная и заботливая. В США, например, образ супергероя. И это глупо. По моему мнению, США выдумывает какие-то свои сверхспособности и то, что она всех побеждает. Складывается ощущение, что у них нет реально существующих героев. Зато они есть в России, и никакие "Капитаны Америки" России не нужны. Образ матери подходит лучше» (Юлия⁴).

Родина-мать и внутренние символические границы

Кроме того, использование символа Родины-матери в политике идентичности власти имеет цель ослабить внутренние символические границы. Позиционирование России как матери предполагает, во-первых, постулирование органического характера связи граждан РФ и страны, что обеспечивает особый характер лояльности гражданина к государству. Данный образ активно вовлекается в риторику различных акторов; к подобному сравнению неоднократно прибегают В. В. Путин, церковные деятели, региональные лидеры, руководители политических партий. Во-вторых, Россия показывается в роли родной матери для представителей всех этносов государства; это отмечают руководители национальных республик (например, глава Чечни Р. Кадыров (Гамов, 2008)). Метафора родства, заключенная в сравнении страны с матерью, подразумевает естественную и потому неразрывную связь всех этносов РФ.

В ходе проведенного в г. Иванове интервью (2015) значительная часть респондентов высказала мнение о том, что для всех этносов РФ характерно отношение к России как к матери.

«Так уж сложилось, что у нас многонациональная страна, нас всех Родинамать приютила» (**Мария**).

Разумеется, исследуемый символ будет выполнять консолидирующую функцию лишь в том случае, если эта убежденность разделяется и жителями национальных республик. Как показывают результаты интервью, проведенного в 2015 г. в Дагестане, Родина-мать воспринимается положительно большинством информантов, которые видят Россию в качестве матери и интерпрети-

⁴ Стоит подчеркнуть, что оценки информантами политики, экономики и социальной сферы США, которые были даны в ходе интервью, в значительной степени различались в зависимости от их политических взглядов. Однако в вопросе об отношении россиян и американцев к родине мнение опрошенных было практически консолидированным.

руют этот символ как «явление объединяющей государство русской культуры» (Мутаев, 2015).

Использование материнского символа в риторике «российскости» связано с конструированием этнорегиональной идентичности. Интересным примером визуализации идеи взаимосвязи РФ и этнорегионов стала установка статуй женских аллегорий в Чувашии, Бурятии, Саха-Якутии и Югре в 2000–2010-х гг. При этом такая аллегория выступает, с одной стороны, в качестве матери того или иного этноса, с другой — в качестве «дочки» по отношению к «матери России». Установка монументов становится формой символической политики, связывающей страну и этнорегион при помощи идеи родства. Этническая территория благодаря такому символическому маркеру, как монумент, вписывается в пространство России-матушки (Докучаев, 2015).

Таким образом, Родина-мать, ослабляя внутренние границы, выступает интегрирующим фактором для российской гражданской нации и легитимации «российскости». Эссенциализирующую прочность исследуемому символу придает и историческая традиция. В сознании современных россиян он связан прежде всего с советской культурой и особенно с периодом Великой Отечественной войны. Например, как следует из проведенного в Дагестане интервью, символ Родины-матери ассоциируется в первую очередь с мобилизацией военного времени (Мутаев, 2015).

Однако следует принимать во внимание и дезинтегрирующий потенциал данного символа. В дискурсе этнического русского национализма Россия рассматривается как мать прежде всего или даже исключительно русских, в то время как этнические «чужие» — касается ли это представителей отдельных этносов РФ или мигрантов — репрезентируются как угроза Родине-матери. Эта идея также имеет прочные исторические корни, которые проявились даже в советской идеологии; так, во второй половине 1930-х — начале 1950-х гг. русский народ маркировался как «первый среди равных», «старший брат» (еще в декабре 1935 г. И. Сталин назвал русский народ «первым среди равных» (Brandenberger, 2002)).

В другом интервью (Иваново, июнь 2015 г., $N=20)^5$ часть информантов высказала мнение в том, что отношение к символу Родины-матери у российских народов различается: русские, по их мнению, в большей степени воспринимают страну как мать, чем другие этносы. В национальных республиках, полагают некоторые информанты, более выражено теплое отношение к малой родине — своей республике, чем к родине большой — России.

Информанты активно обсуждали вопрос о том, существуют ли различия в отношении Родины-России к своим детям— народам, ее населяющим. Большая

⁵ Авторы выражают признательность Ю. Карушевой за работу с информантами.

часть информантов высказала мнение о том, что все народы для Родины равны; однако высказывалась и противоположная точка зрения.

«Все дети равны. Кем бы ты ни был, Родина тебя примет» (Валентина).

«Все дети родные, хотя, может быть, и ставшие детьми в разное время. Другое дело, что дети между собой иногда пытаются выяснить, кто ближе это неправильно» (**Илья**).

Попробуем подвести итоги. Важной составляющей формирования российской гражданской идентичности является проведение символических границ между «своими» и «чужими». Символ Родины-матери активно используется в идентификационных процессах. Его эффективность в качестве символического пограничника определяется как использованием метафор родства, так и опорой на историческую традицию, придающую исследуемому символу дополнительную легитимность.

Сегодня использование символа направлено в первую очередь на легитимацию «российскости». Он укрепляет внешние границы, умножая сумму различий между «своими» и «чужими». Это относится как к идентификации «своих» с этим символом, так и к способам проведения символических границ с «чужими». Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к матери. Использование образа России-матери представителями всех этносов страны направлено на ослабление внутренних символических границ и укрепление межэтнического единства. Таким образом, можно говорить о материнском символе страны как о ресурсе формирования российской гражданской идентичности. Необходимо вместе с тем учитывать и его возможный дезинтегрирующий эффект. Актуализируя семейную метафору, Родина-мать апеллирует к образу кровного родства как основе нации, что способствует актуализации идей этнического национализма.

Библиографический список

- 1. Воронцова, Е. О., Рябов, О. В. (2007). Представления ивановцев о Родине и Отечестве (к вопросу о гендерных аспектах патриотизма). В О. В. Рябов (ред.) Границы: Альманах центра этнических и национальных исследований ивановского государственного университета. Вып. 1. (с. 86–96). Иваново: Ивановский государственный университет.
- 2. Гамов, А. (2008, сентябрь 24). Рамзан Кадыров: «Россия это матушка родная». *Комсомольская правда*. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/24169/380743/
- 3. Докучаев, Д. С. (2014). «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике. *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*, 4, 82–95.
- 4. Дробижева, Л. М. (2015). *Российская идентичность в массовом сознании*. Режим доступа: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc.

- 5. Дробижева, Л. М. (2012). Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. *Вестник Российской нации*, 4–5, 17–34.
- 6. Кобзон, И. (2015, Апрель 30). Не американское свинячье дело критиковать Родину-мать. *HCH. Национальная служба новостей*. Режим доступа: http://nsn.fm/culture/ne-ikh-svinyache-delo-kritikovat-rodinu-mat.php.
- 7. Мединский: оценивать «Родину-мать» надо с учетом истории и культуры (2015, Апрель 30). *РИАновости*. Режим доступа: http://ria.ru/society/20150430/1061923413. html#14466444973684&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=regi stration.
- 8. Мутаев, У. К. (2015). Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью). *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*, 4, 126–135.
- 9. Образ Родины в натуре (2015, Сентябрь 29). *POMUP*. Режим доступа: http://romir.ru/studies/709_1442955600/
- 10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. (1994. Февраль 24). Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики). Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp? DocumID=136423&DocumType=0
- 11. Президент Марий Эл предлагает короновать медведя (2011, Январь 20). *Клуб регионов*. Режим доступа: http://club-rf.ru/news/respublika-mariy-el/prezident_mariy_el_predlagaet_koronovat_medvedya/
- 12. Пушков вступился за «Родину-мать», которую высмеял Business Insider. (2015, Апрель 30). *РИАновости*. Режим доступа: http://ria.ru/world/20150430/1061787229.html#144 66524006334&message=resize&relto=login&action=rem oveClass&value=registration/
- 13. Пушков, А. (2015, Апрель 29). *Твиттер*. Режим доступа: https://twitter.com/alexey_pushkov/ status/593506830401216512
- 14. Рябов, О. В. (2009). Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе. *Неприкосновенный запас*, 1, 195–211.
- 15. Рябов, О. В. (2007). «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- 16. Рябов, О. В. (2014). «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России. *Вестник Тверского государственного университета*, Серия: История, 1, 90–113.
- 17. Рябов, О. В., Константинова, М. А. (2011). «Русский медведь» как символический пограничник. *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, 6, 114–123.
- 18. Рябова, Т. Б. (2009). Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис... д-ра социол. наук. Иваново.
- 19. Рябова, Т. Б., Аямина, А. А. (2007). «Антиамериканизм по-ивановски»: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов, В О.В. Рябов (ред.) Границы: Альманах центра этнических и национальных исследований ивановского государственного университета. Вып. 1. (с. 75–86). Иваново: Ивановский государственный университет.
- 20. Рябова, Т. Б., Романова, А. А. (2012). Гендерное измерение российского антиамериканизма (к постановке проблемы). Женщина в российском обществе, 3, 21–35.

- 21. Рябова, Т. Б., Романова, А. А. (2015). «Родина-мать» как культурно-символический ресурс современного российского антиамериканизма. Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований, 4, 168-183.
- 22. Степнова, Л. А. (1998). Социальная символика России. Социологические исследования, 7, 90-100.
- 23. Указ № 1666 от 19.12.2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012). Режим доступа: http://news. kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf
- 24. Федоров, В. (2013). Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Москва: ВЦИОМ.
- 25. Щербинин, А. И. (2014). Политический праздник: концепт и коммуникация. Политическая концептология, 3, 45–59.
- 26. Barth, F. (1969). Introduction. In F. Barth (ed.) Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of *Bergen, 23rd to 26th February 1967* (p. 9–38). Little, Brown: Boston.
- 27. Brandenberger, D. (2002). National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard university press.
- 28. Cohen, A. (1985). The Symbolic Construction of Community. London-New York: Routledge.
- 29. Riabov, O. & Riabova, T. (2014). Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, 4 (2), 23–35.
- 30. Rumelili, B. (2004). Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation. *Review of international studies*, 30 (1), 27–47.
- 31. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing (2015, April 29). Business Insider. Retrieved from: http://www.businessinsider.com/soviet-buildings-from-themid-20th-century-2015-4#.

Статья поступила в редакцию 12.02.2016.

SYMBOL OF THE "MOTHERLAND" AS A RESOURCE OF FORMING THE RUSSIAN CIVIC IDENTITY

Ryabov O. V., Ryabova T. B.

Ryabov Oleg Vyacheslavovich, St. Petersburg Institute of Art and Restoration, 83A, 8th Line of Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia. E-mail: riabov1@inbox.ru.

Ryabova Tatyana Borisovna, Ivanovo State University, Ivanovo region, 39 Ermak st., Ivanovo, 153025, Russia. E-mail: riabova2001@inbox.ru

The paper deals with the analysis of the Motherland symbol in forming Russian civic identity. The authors consider formation of Russian civic identity as a process of drawing the symbolic boundaries between "us" and "them". The symbol of Motherland is actively employed in the identification processes. Its effectiveness as a symbolic borderguard is caused by using of the metaphor of kinship as well as appealing to historical tradition, that raises the legitimacy of the symbol.

Today exploiting the symbol is aimed at legitimation of Russian civic identity. The authors point out that this symbol serves as a "symbolic borderguard" which is employed in strengthening the external symbolic boundaries and juxtaposing Russia to the West, in particular, the USA. It manifests itself in Russian citizens' identification with the symbol as well as in the ways of drawing the symbolic boundaries between "us" and "them". Another important element of the national identity, apart from the image of Russia as the mother, is a peculiar attitude towards the country as towards the mother. Besides, the article demonstrates that the symbol, being the image of affinity of all the ethnoses, is used in weakening the internal symbolic boundaries and strengthening the interethnic ties. The authors emphasize that this makes possible to consider the mother symbol of the country as a symbolic resource of forming the Russian civic identity. At the same time the article notes the necessity to take into account the fact that employing the symbol can become a tool of disintegration of Russia. The "Motherland" appeals to the idea of kinship as the essential of the nation; it might lead to actualization of the ideology of ethnic nationalism.

Key words: Motherland, Anti-Americanism, Russian civic identity, symbolic boundaries, interethnic relations.

References

- 1. Vorontsova, E. O. & Ryabov, O. V. (2007). Predstavlenija ivanovcev o Rodine i Otechestve (k voprosu o gendernyh aspektah patriotizma). [The views of Ivanovo citizens on the motherland and the fatherland (on the gender aspects of patriotism)]. In O.V. Ryabov (ed.) *Granicy: Al'manah centra jetnicheskih i nacional'nyh issledovanij ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Boundaries: Miscellany of the Center for Ethnic and National Studies in Ivanovo State University]. Vyp.1. (s. 86–96). Ivanovo: Ivanovo State University.
- 2. Gamov, A. (2008, September 24). Ramzan Kadyrov: «Rossija jeto matushka rodnaja» [Ramzan Kadyrov: Russia is the mother]. *Komsomolskaiia pravda*. Retrieved from: http://www.kp.ru/daily/24169/380743/
- 3. Dokuchaev, D. S. (2014). "Dochki-materi": zhenskie allegorii jetnoregionov Rossii v postsovetskoj monumental'noj ritorike ["Mothers and daughters": Female allegories of Russia's ethnic regions in the post-Soviet monumental rhetoric]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences], 4, 82–95.
- 4. Drobizheva, L. M. (2015). *Rossijskaja identichnost' v massovom soznanii* [Russian identity in mass consciousness]. Retrieved from: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc
- 5. Drobizheva, L. M. (2012). Rossijskaja identichnost' i soglasie v mezhjetnicheskih otnoshenijah: opyt 20 let reform. [Russian identity and concord in interethnic relations: experience of the reforms of the recent 20 years]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 4–5, 17–34.
- 6. Kobzon, I.: Ne amerikanskoe svinjach'e delo kritikovat' Rodinu-mat'. [It is not the business of Americans to criticize monument "The Motherland Calls!"] (2015, April 30), NSN. Natsional'naia sluzhba novostei [National news service]. Retrieved from: http://nsn.fm/culture/ne-ikh-svinyache-delo-kritikovat-rodinu-mat.php
- 7. Medinskij: ocenivat' "Rodinu-mat" nado s uchetom istorii i kul'tury [Medinskii: Monument "Motherland" should be evaluated taking history and culture into consideration]. (2015, April 30), *RIAnovosti* [RIA]. Retrieved from: http://ria.ru/society/20150430/1061923413. html#14466444973684&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=re gistration.
- 8. Mutaev, U. K. (2015). Simvol Rodiny-materi glazami zhitelej Dagestana: (na materiale interv'ju). [The symbol of the Motherland in the eyes of Dagestan citizens (based on the

- interview)]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences], 4, 126–135.
- 9. Obraz Rodiny v nature [Image of the Motherland in nature]. (2015, September 29). *ROMIR*. Retrieved from: http://romir.ru/studies/ 709_1442955600/
- 10. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju (1994. Fevral' 24). Ob ukreplenii Rossijskogo gosudarstva (Osnovnye napravlenija vnutrennej i vneshnej politiki). [Address of the RF President to the Federal Assembly: On Strengthening of the Russian State (Main directions of domestic and foreign politics)]. Retrieved from: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=136423&DocumType=0
- 11. Prezident Marij Jel predlagaet koronovat' medvedja [President of Mari El suggests to coronate a bear] (2011, January 20). *Klub regionov* [Club of regions]. Retrieved from: http://club-rf.ru/news/respublika-mariy-el/prezident_mariy_el_predlagaet_koronovat_medvedya/
- 12. Pushkov vstupilsja za "Rodinu-mat", kotoruju vysmejal Business Insider [Pushkov intercedes for "The Motherland Calls!" which was mocked by Business Insider]. (2015, April 30). *RIAnovosti* [RIA]. Retrieved from: http://ria.ru/world/20150430/1061787229.html#14 466524006334&message=resize&relto=login&action=rem oveClass&value=registration/
- 13. Pushkov, A. (2015, April 29). *Twitter*. Retrieved from: https://twitter.com/alexey_pushkov/status/593506830401216512
- 14. Ryabov, O. V. (2009). Ohota na medvedja: O roli simvolov v politicheskoj bor'be [Bear hunting: on the role of symbols in political struggle]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserves], 1, 195–211.
- 15. Ryabov, O. V. (2007). "Rossija-Matushka": nacionalizm, gender i vojna v Rossii XX veka. ["Mother Russia": nationalism, gender, and war in the Russia of XX century]. Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- 16. Ryabov, O. V. (2014). "Rodina-Mat" v istorii vizual'noj kul'tury Rossii [The "Motherland" in the Russian visual culture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Tver State University Bulletin. Series: History], 1, 90–113.
- 17. Ryabov, O. V. & Konstantinova, M. A. (2011). "Russkij medved" kak simvolicheskij pogranichnik. [The "Russian bear" as a Symbolic Borderguard]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Works of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science], 6, 114–123.
- 18. Ryabova, T. B. (2009) *Gendernye stereotipy v politicheskoj sfere sovremennogo rossijskogo obshhestva: sociologicheskij analiz* [Gender sterotypes in contemporary Russian politics: Sociological analysis]. Doctoral dissertation. Ivanovo.
- 19. Ryabova, T. B. & Liamina, A. A. (2007). "Antiamerikanizm po-ivanovski": k voprosu o gendernom izmerenii jetnicheskih stereotipov [Anti-Americanism in Ivanovo style: on gender dimension of ethical stereotypes]. O.V. Ryabov (ed.) *Granicy: Al'manah centra jetnicheskih i nacional'nyh issledovanij ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Boundaries: Miscellany of the Center for Ethnic and National Studies in Ivanovo State University]. Vyp.1. (s. 75–86). Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet. Ivanovo: Ivanovo State University.
- 20. Ryabova, T. B. & Romanova, A. A. (2012). Gendernoe izmerenie rossijskogo antiamerikanizma (k postanovke problemy) [Gender dimension of Russian anti-Americanism: statement of the question]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3, 21–35.

- 21. Ryabova, T. B. & Romanova, A. A. (2015). "Rodina-mat'" kak kul'turno-simvolicheskij resurs sovremennogo rossijskogo antiamerikanizma. [The "Motherland" as a cultural and symbolic resourse of the contemporary Russian anti-Americanism]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences]5, 168–183.
- 22. Stepnova, L. A. (1998). Social'naja simvolika Rossii. [Social symbols of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 7, 90–100.
- 23. *Ukaz № 1666 ot 19.12.2012 g. "O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda"* [Order on the National Policy Strategy of the Russian Federation through to 2025] (2012). Retrieved from: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf
- 24. Fedorov, V. (2013). *Sovremennaja rossijskaja identichnost': izmerenija, vyzovy, otvety* [Contemporary Russian identity: dimensions, challenges, answers]. Moscow: WCIOM.
- 25. Shcherbinin, A. I. (2014). Politicheskij prazdnik: koncept i kommunikacija [Political holiday: concept and communication]. *Politicheskaia kontseptologiia* [Political conceptology], 3, 45–59.
- 26. Barth, F. (1969). Introduction. In F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967* (p. 9–38), Little, Brown: Boston.
- 27. Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956.* Cambridge: Harvard university press,
- 28. Cohen, A. (1985). The Symbolic Construction of Community. London-New York: Routledge.
- 29. Ryabov, O. & Ryabova, T. (2014). Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin. *Problems of Post-Communism*, 4 (2), 23–35.
- 30. Rumelili, B. (2004). Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation. *Review of international studies*, 30 (1), 27–47.
- 31. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing (2015, April 29). *Business Insider*. Retrieved from: http://www.businessinsider.com/soviet-buildings-from-the-mid-20th-century-2015-4#

ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ И ЦЕЛИ ОКСИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ¹

Башмаков И.С.

Башмаков Игорь Станиславович, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: igorbash87@mail.ru

В статье анализируется политика идентичности в Окситании, исторической области на юге Франции. Автор делает вывод о том, что окситанская политика идентичности имеет ряд активных субъектов, от региональных политических партий и движений до представителей СМИ, гражданского общества, научно-исследовательских и образовательных организаций, а также бизнес-структур. В публикации прослеживаются основные цели данных субъектов, к которым можно отнести развитие и изучение культуры и истории Окситании, распространение и популяризацию окситанского языка вплоть до предоставления ему официального статуса в качестве регионального во Франции. Ряд достаточно известных политических партий и движений на юге Франции используют окситанскую идеологию и выступают за предоставление большей автономии регионам в том числе в сфере экономики, образования и культуры. Также имеются движения и партии, выступающие за полную независимость Окситании, но они имеют мало сторонников и остаются непопулярными. Средства массовой информации, представители гражданского общества, краеведческие ассоциации на данный момент также играют большую роль в продвижении окситанской идентичности и распространении окситанской культуры и традиций. Данные институты общества через поддержку местной и региональной культуры и языка, изучение истории и традиций способствуют формированию и усилению окситанской идентичности. Существование запроса на развитие местной и региональной культурной идентичности среди жителей юга Франции также способствует развитию коммерческого сектора, ориентирующегося на окситанское своеобразие и использующего в своей деятельности окситанский язык и символы. В целом деятельность субъектов окситанской политики идентичности формирует особое региональное самосознание и культуру, способствует регионализации политической жизни Франции.

Ключевые слова: политика идентичности, региональное самосознание, Окситания, ок-

Одним из важнейших вопросов, стоящих перед современным человеком, является вопрос о собственной идентичности. Кризис идентичности возникает в результате общественно-политических изменений и ослабления традиционных социальных принадлежностей — национальной, религиозной или

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «EUinDepth – европейская идентичность, культурное разнообразие и политические перемены» (VII рамочная программа Европейского Союза по научно-технологическому развитию, PIRSES-GA-2013-612619).

классовой, а также появления или усиления новых идентичностей, таких как наднациональная, глобальная или субкультурная идентичности. Вслед за процессами модернизации и глобализации данный кризис затрагивает все большее число стран и регионов. При этом у отдельных социальных групп и их лидеров возникает стремление ускорить эти изменения, заняв более престижное положение в новой общественной системе, либо адаптироваться или даже противостоять данному процессу, сохранив существовавшие ранее позиции. Важной составляющей данного процесса является формирование идентичности с целью достижения тех или иных общественно-политических задач, которое можно обозначить в качестве политики идентичности. Как отмечает Крейг Калхун, политика идентичности возникает в результате требований идентичности со стороны ее протагонистов (Calhoun, 2003).

Исследователь отмечает, что политика идентичности тесно связана с проблемой признания новых или возрождения и усиления тех идентичностей, которые ранее были под запретом. «Политика идентичности — это коллективная борьба, которая включает в себя поиск признания, легитимности (иногда и власти), а не только самовыражения и автономии. Другие граждане, группы и организации (включая государство) призываются к ответу» (Calhoun, 2003). В связи с этим субъектами политики идентичности прежде всего становятся социальные группы, общественные движения, требующие изменения существующей социальной иерархии и переустройства общества. В качестве ярких примеров К. Калхун приводит новые социальные движения, возникшие либо значительно усилившиеся в западных странах в 1960-х гг.: движения за гражданские права, женские движения, движения за права секс-меньшинств, афро-американское движение, контркультурные и молодёжные движения, экологические движения. Противостоящие им движения также вынуждены проводить собственную политику идентичности. Подобными субъектами являлись объединения белых расистов, фундаменталистские движения, правые и национальные движения (Calhoun, 2003).

Как можно заметить, субъектами политики идентичности становятся представители различных групп интересов, отстаивающих собственные принципы в публичной сфере. Действующее политическое руководство, как правило, вынуждено реагировать на появление или усиление новой идентичности, поддерживая (иногда даже возглавляя) ее или, наоборот, включаясь в активную борьбу с ней. Так, в результате возрождения казачьего самосознания в регионах России после распада СССР власть совершает символические шаги содействия казачеству, восстанавливая памятники, поддерживая законодательно и финансово казачьи структуры. Обратным примером может служить политика нового консерватизма в западных странах в 1970–1980-х гг., ставшая противовесом движению «новых левых» конца 1960-х гг.

Примерами субъектов политики идентичности могут служить и многочисленные региональные общественно-политические движения против внутреннего колониализма в европейских странах (см. подробнее: Роккан, Урвин, 2003), возникшие одновременно с антиколониальными движениями в Азии и Африке в 1950–1960-х гг. Как отмечают С. Роккан, Д. Урвин, после Второй мировой войны в Европе «...наблюдался рост усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленной против национальных центров, и утверждение (или подтверждение) меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории» (Роккан, Урвин, 2003). Данный протест имел характер регионального этнического национализма в противовес общегосударственному. Политика идентичности проявилась как стремление отстоять свою этно-региональную принадлежность в борьбе со старой национальной идентичностью, одновременно добиваясь институционализации своих политических, культурных и экономических требований. Особенно ярко этот процесс проходил в регионах Европы, обладающих историческим, культурным и языковым своеобразием — Шотландия и Северная Ирландия, Страна Басков, Каталония, регионы Бельгии.

В большинстве случаев политика региональной идентичности в странах Западной Европы продолжается до сих пор. Как правило, степень использования политики идентичности для мобилизации местного населения зависит от степени удовлетворенности языковых, культурных и политических притязаний (см. подробнее: Роккан, Урвин, 2003). При этом в регионах, где административные границы совпадают с этнонациональными, активными субъектами подобной политики могут являться региональные власти, получающие лояльность населения и добивающиеся преференций от национального центра (например, Каталония, Страна Басков в Испании, Шотландия в Великобритании). Напротив, в регионах не имеющих таких совпадений, политика идентичности скорее проводится оппозиционными политическими движениями, представителями СМИ и гражданского общества. Исторические области Франции — страны с традиционно сильной политической и культурной централизацией и сильным чувством общенациональной принадлежности, являются примером активной, но слабо институционализированной политики идентичности локального и субнационального уровня. Данная политика проводится региональными оппозиционными партиями или общественными деятелями и организациями, иногда в сотрудничестве с местной властью (уровень кантонов и департаментов) и СМИ, но не с региональными властями (уровень регионов во Франции), находящимися в большой зависимости от центра. Организации и активисты местной идентичности выдвигают культурные, экономические и политические требования к центру, а также стремятся сохранить местную культуру и уникальность. В данной статье мы попытаемся выделить субъекты и цели политики идентичности в одной из исторических областей Франции — Окситании.

Окситания — историческая область на юге Франции, включающая в себя также такие исторические провинции страны, как Гасконь, Лангедок и Прованс. Современная территория Окситании примерно соответствует 7 департаментам республики Франция, а также включает в себя ряд приграничных долин в итальянских Альпах и испанских Пиренеях. Окситания характеризуется наличием традиционного языка — окситанского, а также различных его диалектов — гасконского, провансальского, лангедокского и других, на которых говорят в основном коренные жители юга Франции. Окситанский язык значительно отличается от современного французского и других романских языков, имеет сходство с каталанским языком в Испании. Региональное этно-национальное движение на юге Франции в защиту окситанского языка и культуры — окситанизм, зародилось в середине XIX в. благодаря созданию литературного движения фелибров (фр. Félibrige), одним из основателей которого был известный провансальский поэт Фредерик Мистраль, сочинявший произведения на окситанском языке. Объединение писателей-фелибров выступало в защиту южнофранцузской культуры и самобытности, а также окситанского языка, наличие которого традиционно отрицалось на национальном уровне (окситанский язык назывался пренебрежительно «патуа» (фр. «наречие», «деревенская речь»), его запрещали использовать в школах).

После окончания Второй мировой войны начинается новый этап в становлении этнического регионализма в Окситании. Борьба французских колоний за независимость способствовала возрождению регионального национализма в самой Франции, не признававшей наличие региональных языков и продолжавшей политику культурной унификации. На юге Франции появляются организации, занимающиеся продвижением окситанского языка и культуры, увеличивается число активистов, занимающихся сохранением и изучением регионального своеобразия Окситании. Например, в 1945 г. создается негосударственный Институт изучения Окситании (Institut d'Estudis Occitans). Целями организации стали изучение, преподавание, издание литературы на окситанском языке, популяризация окситанского движения и культуры.

В 1959 г. возникает первая региональная политическая партия, выступающая за независимость Окситании — Партия окситанской нации (Parti de la nation occitane). На логотипе данной партии, существующей и в настоящее время, изображены карта Окситании и призыв «За демократическую и федеративную Окситанию» (Parti de la Nation Occitane, 2015). На официальном сайте партии можно познакомиться с ее деятельностью на французском и окситанском языках, а также с журналом Lo Lugarn, издаваемым партией на окситанском языке, рассказывающим о политике, социальной жизни и культуре Окситании. Идеология партии базируется на теории «этнизма» (fr. ethnisme), предложенной основателем партии Франсуа Фонтаном. Согласно его мнению, нация, а следовательно, и государственность должна основываться прежде всего на таком кри-

терии, как язык коренного населения. На официальном сайте проекта «Первого международного этниста» (fr. Premier internationale ethniste), где размещены идеи Франсуа Фонтана и его сторонников, сказано, что «составляя треть территории французского государства и четверть его населения, Окситания является самой большой нацией без государства в Европе» (Premier internationale ethniste, 2016).

Однако в настоящее время Партия окситанской нации не участвует в выборах и не слишком известна большинству населения. Ее следует отнести к представителям так называемого старого регионализма. Данным термином Майкл Китинг обозначил региональные традиционалистские партии и движения, имевшие популярность в Западной Европе в 1950–1960-х гг., но уступившие «новым регионалистам» после 1980-х гг. Старый регионализм был консервативной, ностальгической попыткой сохранить традиции, возродить региональную и местную культуру и язык, противостоять наступлению современности. Новый регионализм не выступает против инноваций, для него прошлое, культура и региональное своеобразие — это дополнительные ресурсы в конкурентной борьбе за человеческие и материальные ресурсы на глобальном уровне (см. подробнее: Китинг, 2003). Окситанская политика идентичности также стала в основном базироваться на подобном прогрессивном регионализме, примером которого может служить деятельность более современной Окситанской партии.

Окситанская партия (fr. Partit occitan), отстаивающая окситанизм в качестве идеологии, была создана в 1987 г. Она регулярно участвует в выборах всех уровней от муниципального до общеевропейского как самостоятельно, так и в альянсе с другими партиями. На данный момент партия имеет представителей на региональном и муниципальном уровнях. Цели Окситанской партии являются менее радикальными и более реализуемыми, чем у Партии окситанской нации. Как программа, включающая в себя экологические и социальные вопросы, так и официальный сайт парии выглядят более современными. Члены партии выступают за предоставление большей экономической и политической автономии регионам Франции, признание региональных языков Франции на государственном уровне. В программе партии, опубликованной на официальном сайте, сказано, что «Франция не уважает региональные языки и культуры», кроме того, предлагается «обучать с детских лет окситанскому и другим региональным языкам Франции», принять «Европейскую хартию региональных языков и культур» и изменить ст. 2 Конституции Франции, которая гласит, что французский — единственный официальный язык (Partit occitan, 2016). Вместе с тем окситанская идентичность и своеобразие являются важными ресурсами легитимности партии, в программе и обращениях к населению используются различные окситанские символы и образы. В выступлениях руководителей партии подчеркивается, что Окситания — это особая территория со своим историческим самосознанием и ценностями. Например, секретарь партии Давид Гросклод в одном из выступлений, размещенных на официальном

сайте, обращается к особой региональной истории: «Окситания — это земля трубадуров, это земля катаров и их сопротивления Риму, это также надпись «Сопротивление» Мари Дюран на камне в тюрьме Эг Морт...» (Partit occitan, 2016) (Мари Дюран в XVIII в. была заключена в тюрьму на Юге Франции на 38 лет за протестантские взгляды.— *И.Б.*).

В последнее время набирают популярность неформальные движения в поддержку окситанского языка и культуры, а также выступающие за экономические и политические преобразования. Окситанистское движение «Свобода!» (Libertat! Esquèrra Revolucionària d'Occitània), возникшее в 2009 г. выступает за признание окситанской культуры и языка, демократизацию общественной жизни во Франции (один из лозунгов гласит: «Жить и решать стране!») (Libertat!, 2016). Схожий характер имеет движение «Bastir!», выступающее за признание окситанского языка и выдвигающее своих представителей на муниципальных и региональных выборах (Bastir!, 2016). Программа преобразований, опубликованная на официальном сайте движения, предполагает создание двуязычных классов и курсов окситанского для взрослых, открытие двуязычных яслей, введение спектаклей на окситанском языке в программу театров, использование языка в муниципальном управлении и межмуниципальном сотрудничестве, поощрение интереса к местной истории и топонимике, создание привлекательного туристического образа территории. Кроме того, представители движения выступают за создание местных ассоциаций, объединяющих активистов разных возрастов с целью организации мероприятий, поддерживающих лингвистическую идентичность и культуру региона (Bastir!, 2016).

Данные прогрессивные движения, активно использующие для привлечения сторонников социальные сети и Интернет, также являются примером нового регионализма, набирающего популярность в Западной Европе. Совместно с региональными партиями и представителями гражданского общества сторонники движений «Bastir!» и «Libertat!» проводят регулярные многотысячные манифестации под названием «За окситанский язык» (Per lenga occitana), организуемые через официальные сайты окситанских организаций и движений, СМИ и социальные сети. В 2005 г. первая подобная манифестация в Каркассоне собрала 10 тыс. чел. В 2012 г. манифестация в Тулузе насчитывала около 30 тыс. чел. (Manifestacion «Anem òc! per la lenga occitana», 2012). Организаторы акции заявляют, что «на территории, где говорят на окситанском языке, необходимо создать благоприятную среду для изучения языка с помощью его присутствия в электронных медиа, документальных фильмах, произведениях литературы, с помощью благоприятствования культурному творчеству на окситанском языке, передачи языка будущим поколениям и использования в современной политической и социальной жизни» («Anem Òc! per la lenga occitana!», 2012). Также представители движения выступают за организацию лингвистической политики во Франции, способствующей развитию региональных языков.

В настоящее время существует также ряд немногочисленных неформальных окситанских политических движений, провозглашающих весьма амбициозные цели вплоть до отделения от остальной Франции. Однако рядовые жители, как правило, ничего о них не знают, информация появляется изредка в СМИ и Интернете, на окситанских сайтах, и воспринимается как нечто необычное. Например, в статье на сайте www.gasconha.com под названием «А вы слышали о Федеративной республике Окситании?» рассказывается о движении «Федеративная республика Окситания», которое выступает за независимость юга Франции. «Республика» имеет неформальное правительство из 24 министров, свою валюту и столицу (Avez-vous entendu parler de la «República Federala Оссітапа?», 2011). В официальном интернет-блоге этой организации можно найти информацию про президентские выборы, которые должны были состоятся в 2014 г. (Votacion Presidenciala de la Republica Federala Оссітапа, 2014), однако ничего не сообщается об их результатах.

Очевидно, что подобные движения за независимость в отличие от официальных региональных партий с умеренной прогрессистской программой и неформальных сетевых движений в поддержку окситанского языка и усиления местной и региональной автономии являются непопулярными среди местных жителей в виду некоторой одиозности, радикальности и слабой реализуемости их целей. Сепаратизм в виде отделения Окситании от остальной Франции и создания независимого государства является непопулярной идеей среди жителей юга Франции. Он не значится в числе задач большинства окситанских политических и общественных организаций.

Как мы видим, большую роль в современной политике окситанской идентичности играют средства массовой информации. В основном это официальные сайты окситанских организаций и движений, а также новостные или культурнопросветительские газеты и журналы, издающиеся в городах на юге Франции, как полностью на окситанском, так и частично. Например, это еженедельник La Setmana (La Setmana, 2016), публикующий новости полностью на окситанском языке и имеющий окситанистскую идеологическую ориентацию. Крупнейшая газета в регионе Аквитания Sud-Ouest (Юго-Запад) имеет рубрику «Parlam gascon» («Гасконский язык»), где размещаются статьи на гасконском диалекте окситанского языка, посвященные культурной и общественно-политической жизни Аквитании. Кроме того, газета Sud-Ouest часто издает статьи на французском языке, рассказывающие об окситанской культуре, что способствует формированию интереса к местному наследию и идентичности. Например, в статье «Забытое наследие» говорится о возрождении местной традиции изготовления ульев из глины (Fénié J.— J., 2015). На Юге Франции местные жители могут также смотреть выпуски телевизионных программ региональных каналов на окситанском языке, смотреть интернет-канал Ос télé, который выпускает

передачи на окситанском языке (ÒC tele, 2016), и слушать ряд радио станций, например интернет-радио Radio Occitania (Radio Occitania, 2016).

Большое количество интернет-ресурсов публикуют материалы о культурной и общественно-политической жизни Окситании как на окситанском, так и на французском языке. Например, сайт gasconha.com девизом которого является «Гаскония, а не Юго-Запад!» (Gasconha.com, 2016). На данном сайте размещен так называемый Гасконский манифест, призывающий к сохранению культурного своеобразия и идентичности исторической области Гаскони. Авторы манифеста, обеспокоенные исчезновением языка и культуры данного региона предлагают ряд мер по их спасению, например говорят о необходимости продвижения гасконской индивидуальности в деятельности активистов и ассоциаций в различных областях: язык, музыка, игры, история, ландшафт, архитектура, искусство, экономика и т.д. (Le Manifeste gascon, 2012). Также можно отметить сайт окситано-каталонских новостей саос.cat, подчеркивающий необходимость окситанско-каталонского единства и солидарности (Cercle d'Agermanament Occitano-Català, 2016), сайт посвященный современной окситанской музыке fabrica.occitanica.eu (Lab fabrica, 2016) и др. Имеются многочисленные ресурсы для популяризации и изучения окситанского языка, например сайт Ассоциации французско-окситанского двуязычия в образовании (ÒC-BI Aquitània, 2016), а также сайты, где можно записаться на курсы окситанского языка.

Представители гражданского общества, краеведческие ассоциации играют большую роль в продвижении окситанской идентичности и распространении окситанской культуры и традиций. Упоминавшийся нами Институт изучения Окситании (Institut d'Estudis Occitans) функционирует и имеет отделения в различных городах на юге Франции, в настоящее время существует за счет частных пожертвований и социального предпринимательства. Институт выступает за признание окситанского языка, за его использование в образовании, СМИ и общественной жизни (Institut d'Estudis Occitans, 2016). Деятельность института изучения Окситании способствует усилению чувства региональной принадлежности, осознанию отличия от остальной Франции. Одной из инициатив данной организации стала установка дорожных указателей на французском и окситанском языках в тех коммунах, где жители заинтересованы в продвижении своей окситанской идентичности. Также институт проводит исследования топонимики и традиционных окситанских географических названий, создана специальная база данных окситанских наименований (L'Occitan, qu'es aquò?, 2010). Институт изучения Окситании на данный момент является крупнейшей организацией в сфере окситанской культуры, сотрудники института особое внимание уделяют изучению и популяризации истории и языка Окситании, создана сеть школ окситанского языка для взрослых.

На юге Франции издается много краеведческой литературы, посвященной региональной географии, истории и искусству, также способствующей усилению

чувства региональной принадлежности. Ключевыми символическими фигурами для продвижения окситанской идентичности являются трубадуры, которые в XII и XIII вв. на окситанском сочиняли свои знаменитые произведения, а также провансальский поэт Фредерик Мистраль, основатель движения фелибров и создатель франко-окситанского словаря. Используются и другие исторические личности, например известный социалист Жан Жорес, родиной которого был юг Франции. В брошюре посвященной окситанской культуре, выпущенной Институтом изучения Оксинании, сказано, что «Жан Жорес часто использовал окситанский язык в ходе предвыборных компаний и выступал за преподавание окситанского языка в государственных школах» (L'Occitan, qu'es aquò?, 2010).

Помимо крупного Института изучения Окситании и сети частных школ окситанского языка также существуют многочисленные местные и региональные ассоциации по изучению окситанской культуры и языка, объединяющие краеведов-активистов. Например, Межрегиональный центр развития окситанского языка (Lo CIRDOC, 2016), создавший медиатеку Occitanica, состоящую из большого количества электронных документов, музыкальных и видеоресурсов на окситанском языке (Occitanica — La médiathèque numérique de l'occitan, 2016). Также приведем пример ассоциации Cordae/La Talvera, которая занимается изучением и возрождением музыкальных и танцевальных традиций Окситании (CORDAE/ La Talvera, 2016) и ассоциации Местного наследия департамента Ланды Société de Borda (Société de Borda, 2016). Данные организации через поддержку местной и региональной культуры и языка, изучение истории и традиций способствуют формированию и поддержанию окситанской идентичности, которая носит характер местного сотрудничества в сфере культуры, объединения сообщества вокруг общих ценностей. Как правило, политические цели данными организациями, как и отдельными активистами не выдвигаются, за исключением признания окситанского языка и изменения языковой политики во Франции.

Существования запроса на развитие местной и региональной культурной идентичности среди жителей юга Франции способствует развитию коммерческого сектора, ориентирующегося на окситанское своеобразие. Например, по инициативе Института изучения Окситании был создан окситанский знак качества «Ос per l'occitan» («Окситания за окситанский») для товаров производителей, поддерживающих окситанский язык и культуру и одновременно привлекающих местных потребителей (Label «Ос per l'occitan», 2016). Также существует специальное агентство по поиску работы с требованием знания окситанского языка или в сфере окситанской культуры (Servici de l'Emplec, 2016), а также интернет-каталог организаций, сотрудники которых знают окситанский язык (Las Paginas Occitanas, 2016). Кроме того, некоторые организации используют в своем названии региональную специфику. Например, известная фирма косметики из Прованса — «L'Occitaine» (Окситания).

В целом политику окситанской идентичности можно охарактеризовать как стремление усилить чувство принадлежности к Окситании, повысить статус окситанского языка и культуры, а также добиться от центра признания региональных различий и предоставить большую самостоятельность для территорий. Близким по смыслу понятием является окситанизм или окситанский этнический национализм, т.е. борьба за окситанское самосознание, сохранение культуры и языка, отстаивание интересов Окситании. Политика окситанской идентичности и современный окситанизм — заметные явления в общественной жизни юга Франции, имеют многочисленных субъектов с набором политических и социальных целей. Среди партий на данный момент самая известная — Окситанская партия. Она заметно проигрывает в популярности общенациональным партиям, однако имеет несколько мест в легислатурах на уровне департаментов и муниципалитетов, регулярно участвует выборах вплоть до европейского уровня. Партия имеет эколого-социалистическую ориентацию и выступает за большую автономию регионов во Франции. В последнее время возрастает популярность сетевых неформальных окситанских движений «Bastir!» и «Libertat!», привлекающих молодежь и людей, разочарованных в традиционных партиях и политике национального уровня. Данные движения организуют демонстрации (иногда многотысячные) в поддержку окситанского языка, демократизации политики, предоставления больших полномочий регионам. Региональная идентичность усиливается и благодаря деятельности СМИ, представителей гражданского общества, коммерческого сектора, поддерживающих окситанскую культуру и язык. Наиболее влиятельной некоммерческой организацией в сфере окситанской культуры стал Институт изучения Окситании, популяризирующий окситанский язык и культуру, выступающий с поддержкой окситанских движений и активистов.

Окситанский национализм и политика окситанской идентичности являются фактором, который необходимо учитывать и политикам национального уровня. От степени институционализации политических и культурных притязаний окситанского населения, а также других этнических и региональных сообществ Франции будет зависеть легитимность существующей власти, поддержка со стороны местного населения. Стабильному протеканию политического процесса, отсутствию региональных протестов и этнонациональных конфликтов будет способствовать признание региональных языков Франции, таких как бретонский, баскский, корсиканский, окситанский и эльзасский, их преподавание в школах региона, а также создание институциональных площадок и организаций для политического и культурного самовыражения данных групп населения.

Библиографический список

1. Китинг, М. (2003). Новый регионализм в Западной Европе. *Логос*, 6 (40), 67–115. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf

- 2. Роккан, С., Урвин, Д. (2003). Политика территориальной идентичности: исследования по европейскому регионализму. *Логос*, 6 (40), 117–131. Режим доступа: http://www.pavroz.ru/files/ rokkanpoliticsofterritorialidentity.pdf
- 3. «Anem Òc! per la lenga occitana!». (2012). Retrieved from: http://www.calandreta-sete. org/%C2%ABanem-oc-per-la-lenga-occitana-%C2%BB-tolosa-2012/
- 4. Avez-vous entendu parler de la «República Federala Occitana?». (2011). Retrieved from: http://www.gasconha.com/spip.php?article880
- 5. Calhoun, C. (Eds.) (2003). *Social theory and the politics of identity*. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers Inc.
- 6. Cercle d'Agermanament Occitano-Català. (2016). Retrieved from: http://caoc.cat/
- 7. CORDAE/La Talvera. (2016). Retrieved from: http://www.talvera.org/index.html
- 8. Fénié, J.— J. Un patrimoine oublié (2015, October 31). Sud-ouest. Retrieved from: http://www.sudouest.fr/2015/10/31/un-patrimoine-oublie-2171132–3434.php
- 9. Gasconha.com (2016). Retrieved from: http://www.gasconha.com/
- 10. Institut d'Estudis Occitans. (2016). Retrieved from: http://www.ieo-oc.org/
- 11. L'Occitan, qu'es aquò? Tout sur la langue et la culture occitanes / Institut d'Estudis Occitans. (2010). Retrieved from: http://issuu.com/ieo.fed/docs/binder_part_i_fr
- 12. La setmana. (2016). Retrieved from: http://lasetmana.fr/
- 13. Lab fabrica. (2016). Retrieved from: http://fabrica.occitanica.eu/fr/
- 14. Label «Òc per l'occitan». (2016). Retrieved from: http://www.occitan-oc.org/
- 15. Las Paginas Occitanas. (2016). Retrieved from: http://paginas-occitanas.com/index.php
- 16. Le Manifeste gascon. (2012). Retrieved from: http://gasconha.com/spip.php?article170
- 17. Libertat! (2016). Retrieved from: http://www.libertat.org/
- 18. Lo CIRDÒC. (2016). Retrieved from: http://locirdoc.fr/E_locirdoc/
- 19. Manifestacion «Anem òc! per la lenga occitana». (2012). Retrieved from: http://caoc.cat/manifestacion-anem-oc-per-la-lenga-occitana-tolosa-2012/
- 20. OC tele. (2016). Retrieved from: http://www.octele.com/accueil.html
- 21. ÒC-BI Aquitània. (2016). Retrieved from: http://ocbiaquitania.free.fr/index.php?lng=fr
- 22. Occitanica La médiathèque numérique de l'occitan. (2016). Retrieved from: http://www.occitanica.eu/index.php/fr/
- 23. Parti de la Nation Occitane (P.N.O). (2016). Retrieved from: http://lo.lugarn-pno.over-blog.org/
- 24. Partit Occitan. (2016). Retrieved from: http://partitoccitan.org/
- 25. Premier internationale ethniste. (2016). Retrieved from: http://ethnisme.ben-vautier.com/
- 26. Radio Occitania. (2016). Retrieved from: http://www.radio-occitania.com/frindex.html
- 27. Servici de l'Emplec. (2016). Retrieved from: http://www.emplec.com/
- 28. Société de Borda. (2016). Retrieved from: http://www.societe-borda.com/
- 29. Votacion Presidenciala de la Republica Federala Occitana. (2014). Retrieved from: http://votacion2014-rfoccitana.over-blog.com/

Статья поступила в редакцию 13.01.2016.

MAIN SUBJECTS AND AIMS OF OCCITAN IDENTITY POLITICS IN THE SOUTH OF FRANCE

Bashmakov I.S.

Bashmakov Igor Stanislavovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: igorbash87@mail.ru

The politics of identity in Occitania (the historical region in the south of France) is analyzed in this article. The author comes to conclusion that Occitan identity politics has several active subjects, varying from regional political parties and movements to representatives of mass media, civil society, scientific and educational organizations, as well as business corporations. The main aims of these subjects are retraced in this paper. They are the support for development and study of Occitan culture and history, the proliferation and popularization of Occitan language and even granting the official status of regional language in France. Several well-known political parties and movements in the south of France use Occitan ideology and advocate more autonomy to regions in the spheres of economics, education and culture. In addition, there are some movements and parties which favor full independence of Occitania but they don't have many supporters and still unpopular. Mass media, representatives of civil society, local history associations also play a big role in the promotion of Occitan identity and the diffusion of Occitan culture and traditions. These social institutes supporting local and regional culture and language, assisting study of history and traditions thereby favor the development and reinforcement of Occitan identity. The need for local and regional cultural identity in the south of France facilitates the development of commercial sector oriented towards Occitan originality and utilizing Occitan language and symbols. Overall the subjects of Occitan identity politics develop unique regional self-consciousness and culture, contribute to the regionalization of political life in France.

Key words: politics of identity, regional self-consciousness, Occitania, occitanism.

References

- 1. Kiting, M. (2003). Novyj regionalizm v Zapadnoj Evrope [New Regionalism in Western Europe]. *Logos* [Logos], 6 (40), 67–115. Retrieved from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf
- 2. Rokkan, S. & Urvin, D. (2003). Politika territorial'noj identichnosti: issledovanija po evropejskomu regionalizmu [Territorial identity politics: studies in European regionalism]. *Logos* [Logos], 6 (40), 117–131. Retrieved from: http://www.pavroz.ru/files/ rokkanpoliticsofterritorialidentity.pdf
- 3. «Anem Òc! per la lenga occitana!». (2012). Retrieved from: http://www.calandreta-sete. org/%C2%ABanem-oc-per-la-lenga-occitana-%C2%BB-tolosa-2012/
- 4. Avez-vous entendu parler de la «República Federala Occitana?». (2011). Retrieved from: http://www.gasconha.com/spip.php?article880
- 5. Calhoun, C. (Eds.). (2003). *Social theory and the politics of identity*. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers Inc.
- 6. Cercle d'Agermanament Occitano-Català. (2016). Retrieved from: http://caoc.cat/
- 7. CORDAE/La Talvera. (2016). Retrieved from: http://www.talvera.org/index.html
- 8. Fénié, J.— J. Un patrimoine oublié (2015, October 31). Sud-ouest. Retrieved from: http://www.sudouest.fr/2015/10/31/un-patrimoine-oublie-2171132–3434.php
- 9. Gasconha.com (2016). Retrieved from: http://www.gasconha.com/
- 10. Institut d'Estudis Occitans. (2016). Retrieved from: http://www.ieo-oc.org/

- 11. L'Occitan, qu'es aquò? Tout sur la langue et la culture occitanes / Institut d'Estudis Occitans. (2010). Retrieved from: http://issuu.com/ieo.fed/docs/binder_part_i_fr
- 12. La setmana. (2016). Retrieved from: http://lasetmana.fr/
- 13. Lab fabrica. (2016). Retrieved from: http://fabrica.occitanica.eu/fr/
- 14. Label «Òc per l'occitan». (2016). Retrieved from: http://www.occitan-oc.org/
- 15. Las Paginas Occitanas. (2016). Retrieved from: http://paginas-occitanas.com/index.php
- 16. Le Manifeste gascon. (2012). Retrieved from: http://gasconha.com/spip.php?article170
- 17. Libertat! (2016). Retrieved from: http://www.libertat.org/
- 18. Lo CIRDÒC. (2016). Retrieved from: http://locirdoc.fr/E_locirdoc/
- 19. Manifestacion «Anem òc! per la lenga occitana». (2012). Retrieved from: http://caoc.cat/ manifestacion-anem-oc-per-la-lenga-occitana-tolosa-2012/
- 20. OC tele. (2016). Retrieved from: http://www.octele.com/accueil.html
- 21. ÒC-BI Aquitània. (2016). Retrieved from: http://ocbiaquitania.free.fr/index.php?lng=fr
- 22. Occitanica La médiathèque numérique de l'occitan. (2016). Retrieved from: http://www. occitanica.eu/index.php/fr/
- 23. Parti de la Nation Occitane. (P.N.O) (2016). Retrieved from: http://lo.lugarn-pno.overblog.org/
- 24. Partit Occitan. (2016). Retrieved from: http://partitoccitan.org/
- 25. Premier internationale ethniste. (2016). Retrieved from: http://ethnisme.ben-vautier.com/
- 26. Radio Occitania. (2016). Retrieved from: http://www.radio-occitania.com/frindex.html
- 27. Servici de l'Emplec. (2016). Retrieved from: http://www.emplec.com/
- 28. Société de Borda. (2016). Retrieved from: http://www.societe-borda.com/
- 29. Votacion Presidenciala de la Republica Federala Occitana. (2014). Retrieved from: http://votacion2014-rfoccitana.over-blog.com/

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Дёмин А. Н.

Дёмин Андрей Николаевич, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru.

Рецензия на книгу: **Толочек В. А. Психология труда: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2016. 480 с.**

В рецензируемом учебном пособии получил завершённый вид авторский подход к психологии труда как научной и учебной дисциплине. Его можно назвать эволюционной психологией труда. Наиболее отчётливо подход проявляется в анализе исторических тенденций изменения свойств социальных объектов и характера социального заказа в психологии труда, изменений в организации труда и самого субъекта труда на протяжении XX столетия, обсуждении особенностей развития смежных научных дисциплин, их понятийного и методического арсенала.

Рассматривая основные вопросы и научные понятия дисциплины «Психология труда», автор использует следующую форму представления материала: обзор по теме, включающий аннотированные представления научных позиций учёных и большие фрагменты первоисточников; авторские ремаркизамечания о важных научных и социальных контекстах, отмеченные знаком NB; в пособии внимание читателей акцентируется на хронологии исследования явлений, которая фиксируется в специфических единицах — хронотопах знания. Это «спонтанно складывающиеся в недрах науки исторические формы отображения действительности» (Толочек, 2016, с. 11), образцами которых выступают типовые схемы профессиограмм, схемы и методы профессионального отбора или формулирования научных задач, описания психологических феноменов и др. Каждая глава завершается параграфом «Парадигмы», в котором предлагается краткий критический анализ содержания главы, обращается внимание на неоднозначность имеющихся научных фактов. Благодаря этому психологическое знание предстаёт как живой, динамичный поток.

Автор стремится к проблемному изложению материала, о чем заявляет во введении: «Цель книги— не в том, чтобы "расставить все точки над I", а в том,

чтобы помочь читателю в выборе приоритетов, в предложении альтернатив, в уточнении критериев и ориентиров в его продвижении к пониманию изучаемого предмета или явления» (Толочек, 2016, с. 7).

Примечательной особенностью книги является опыт введения методологического анализа в канву изложения учебного материла. Здесь чувствуется влияние таких учёных, как Ф.Е. Василюк, Д.В. Лубовский, В.А. Мазилов, А.В. Юревич и др. Автор специальное внимание уделяет локальному методологическому анализу, сосредотачиваясь на особенностях становления и организации знания в конкретных отделах психологии труда.

Последовательность глав дана в соответствии с такой логикой: от более общих и концептуальных вопросов к задачам и содержанию психологической практики, которые трактуются автором как более сложные. Последнее может показаться на первый взгляд неожиданным, учитывая внимание автора к методологии и теории, но такой подход хорошо согласуется с историей формирования научного психологического знания о труде на ранних (психотехника) и более поздних этапах: сначала фиксировался круг прикладных задач, которые затем решались с одновременным теоретическим обоснованием и обобщением.

В главах 1 («Психология труда как область научного знания о труде») и 2 («История психологии труда») обозначены границы и задачи дисциплины с учётом научных традиций и позиций отечественных учёных. В главе 3 («Психология труда: основные составляющие научной дисциплины») даётся представление о дисциплине в широком смысле слова, о её «дочерних» ответвлениях — инженерной психологии, эргономике, организационной психологии, профориентации, профессиональном обучении — и собственных задачах психологии труда (в узком смысле слова). В 4–11 главах рассматриваются отдельные крупные вопросы и проблемы, типичные для психологии труда: «Профессия, трудовой пост и рабочее место», «Эргатические функции и классификации профессий», «Методы изучения трудовой деятельности», «Факторы эффективности труда», «Адаптация человека к профессиональной деятельности», «Профессиографическое описание труда и субъекта», «Профессиональное самоопределение», «Периодизация жизни и профессиональная карьера».

В главах 12 («Профессиональный отбор персонала организаций») и 13 («Подбор, наём и расстановка персонала») обсуждаются вопросы связи научных и прикладных задач, особенности социально-психологических технологий на примере профессионального отбора кандидатов в профессии разных типов. Примеры анализа социальных технологий подбора, обучения и аттестации персонала организаций даются в контексте субкультуры организаций, с учётом исторических тенденций работы с людьми — от «учёта кадров» к «управлению человеческими ресурсами».

В главе 14 («Перспективы развития объекта и предмета психологии труда») представлена динамика развития психологии труда как дисциплины на про-

тяжении XX в., её особенности в исторических границах начала нового столетия, пути поисков и описания учёными новых сущностных свойств предмета психологии труда, её актуальных задач. В.А. Толочек полагает, что важными перспективами данной дисциплины являются: изучение взаимно обусловливающих друг друга субъектов совместной деятельности (врач — пациент, руководитель — подчинённый и т.п.) в специфических средах деятельности; становление дифференциальной психологии труда. Ставится вопрос о формировании прогнозирующей психологии и психоархеологии — здесь автор, по сути, возвращает в нашу науку изначальное предназначение психотехники (в понимании В. Штерна) и переводит психологию труда в разряд фундаментальных психологических дисциплин.

Несомненным плюсом книги является привлечение автором широкого круга недавних публикаций по рассматриваемым вопросам, стремление обобщить или акцентировать их не только для подтверждения устоявшихся положений и подходов, но и для поиска перспективных линий развития психологии труда. Это не только плюс, но и визитная карточка автора. Судя по этой и другим публикациям, В. А. Толочек весьма чутко улавливает новые тенденции в научном познании, применяет их как в научных исследованиях, так и в учебно-методической сфере. Наверное, это помогает ему выдерживать конкуренцию с другими учебными изданиями, серьёзно заявляющими о себе в психологии труда (см. Климов, Носкова, Солнцева, 2015).

Другим плюсом является включение в текст пособия фрагментов первоисточников (на наш взгляд, иногда слишком обширных), что придаёт ему черты хрестоматии и, наверное, может служить прообразом полноценной хрестоматии по современной — прежде всего отечественной — психологии труда. Потребность в такого рода издании существует, вышедшие ранее хрестоматии (например: Зинченко, Мунипов, Носкова, 1983; Леонова, Чернышева, 1995; Манухина, 2011) в современных социально-экономических условиях данную потребность не удовлетворяют.

Обобщая, можно констатировать: учебное пособие «Психология труда» — интересная, содержательная книга, знакомство с которой будет полезным как для студентов, обучающихся по направлениям (специальностям) подготовки «Психология», «Социальная работа», «Управление персоналом», так и для преподавателей и практиков — менеджеров, консультантов, сотрудников служб персонала, педагогов. Важно, что книга адресована не только бакалаврам, как другой современный учебник (Климов, Носкова, Солнцева, 2015), но желательно при переиздании специально указать в качестве адресатов магистров и аспирантов.

Библиографический список

- Зинченко, В. П., Мунипов, В. М., Носкова, О. Г. (ред.) (1983). История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы ХХ века). Москва: Издательство Московского университета.
- 2. Леонова, А. Б., Чернышева, О. Н. (1995). Психология труда и организационная психология: современное состояние и перспективы (хрестоматия). Москва: Радикс.
- 3. Манухина, С. Ю. (2011). Психология труда. Хрестоматия. Учебно-методический комплекс. Москва: Евразийский открытый институт.
- 4. Климов, Е. А., Носкова, О. Г., Солнцева, Г. Н. (ред.) (2015). Психология труда, инженерная психология и эргономика: учебник для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт.
- 5. Толочек, В. А. (2016). Психология труда: Учебное пособие. СПб.: Питер.

Статья поступила в редакцию 12.02.2016.

CONTEMPORARY WORK PSYCHOLOGY Book review: Tolochek V. A. Work psychology: Textbook. Spb.: Piter, 2016. 480 c.

Diomin A.N.

Diomin Andrej Nikolaevich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demin@manag.kubsu.ru.

References

- 1. Zinchenko, V.P., Munipov, V.M. & Noskova, O.G. (ed.) (1983). Istorija sovetskoj psihologii truda. Teksty (20 – 30-e gody XX veka) [History of the Soviet work psychology. Texts (20-30 years of the XX century)]. Moscow: Publishing house of Moscow University.
- 2. Leonova, A.B. & Chernysheva, O.N., (1995). Psihologija truda i organizacionnaja psihologija: sovremennoe sostojanie i perspektivy (hrestomatija) [Work psychology and organizational psychology: contemporary state and prospectives (chrestomathy)]. Moscow: Radiks.
- 3. Manukhina, S. Yu. (2011). Psihologija truda. Hrestomatija. Uchebno-metodicheskij kompleks [Work psychology. Chrestomathy. Learning and teaching complex.] Moscow: Euroasian Open Institute.
- 4. Klimov, E.A., Noskova, O.G. & Solntseva G.N., (ed.) (2015). Psihologija truda, inzhenernaja psihologija i jergonomika: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Work psychology, engineering psychology and ergonomics: textbook for academic bachelors]. Moscow: Yurait.
- 5. Tolochek, V.A. (2016). *Psihologija truda: Uchebnoe posobie* [Work psychology: textbook]. Saint Petersburg: Piter.

наши авторы

Башмаков Игорь Станиславович, кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Дёмин Андрей Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Завершинская Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия, Санкт-Петербург, Россия.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств, Москва, Россия.

Петросьян Светлана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и социальных коммуникаций, Сочинский государственный университет, Сочи, Россия.

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский институт искусств и реставрации, Санкт-Петербург, Россия.

Рябова Татьяна Борисовна, Ивановский государственный университет, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Иваново, Россия.

Фролов Алексей Анатольевич, старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия.

Чепелева Лада Металловна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Дружинина Элла Леонидовна, аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Щербина Сусанна Музекировна, аспирант кафедры социальной психологии, преподаватель кафедры психологи, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Россия.

OUR AUTHORS

Bashmakov Igor Stanislavovich, Candidate of Political Science, lecturer of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Chepeleva Lada Metallovna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Djomin Andrej Nikolaevich, Dr. Sc. (Psychological Sciences), Head of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Druzhinina Jella Leonidovna, Graduate Student of the Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Frolov Alexey Anatolyevich, Senior Lecturer of the Department Fire Training, Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia, Krasnodar, Russia.

Ovcharova Ol'ga Gennadievna, Dr. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of Humanities, Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russia.

Petrosyan Svetlana Nikolayevna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Associate Professor Department of General Psychology and Social Communication, Sochi State University, Sochi, Russia.

Ryabov Oleg Vjacheslavovich, Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg Institute of Arts and Restoration, Saint-Petersburg, Russia.

Ryabova Tatiana Borisovna, Dr. Sc. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Shcherbina Susanna Muzekirovna, Graduate Student of the Department of Social Psychology, Lecturer of the Department of Psychology, Simferopol, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ax): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется Библиографический список, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

B TEKCTE

Используйте метод цитирования «дата — **автор»** (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) по-казывают, что...
  - In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
  - Walker (2000) compared reaction times...
  - Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждению сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: aвтора, pedaктора (если он есть), rod издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите *название* на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите *редактора* на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. Спортивный психолог, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia?
   Psychology Today, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), cc. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

книги

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies.* (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Аюсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). Handbook of consumer psychology. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialny i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), The Oxford handbook of Internet psychology (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- · Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) Психологические исследования творческой деятельности (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? Человек. Сообщество. Управление, (3): 100-108. Режим доступа http://chsu.kubsu.ru/index.php/r u/archive-n/2013/2013-3
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/20 13/2013-3
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. EJournal of Applied Psychology, 4 (2): 43-50. Retrieved from http://ojs.lib.swin.edu.au/index. php/ejap/article/view/8/157

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. Эксперт Сибирь, 25 (422). Режим доступа http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. Ekspert Sibir' [Expert Siberia], Retrieved from http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. Monitor on Psychology, 40 (8). Retrieved from http://www.apa.org/monitor/

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). Los Angeles Times, Retrieved from http://www.latimes.com
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). Газета.ру, Режим доступа http://www.gazeta.ru /science/2014/06/16 a 6071105.shtml

• Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskyi podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), Encyclopedia
of play in today's society. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

• Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute
of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009).
Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/
disorders/autism/detail autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

• Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from http://eric.ed.gov

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

• Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity.* (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствие с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412H.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am - 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by doubleblind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.